

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

**«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 1 (3)

**Издаётся с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2009**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

Series

PHILOLOGY.

THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 1 (3)

Published since 2008

Appears twice a year

Moscow

2009

Редакционный совет:

<i>Рябов В.В.</i> председатель	доктор исторических наук, профессор, ректор МГПУ
<i>Атанасян С.Л.</i>	кандидат физико-математических наук, профессор, проректор МГПУ
<i>Геворкян Е.Н.</i>	доктор экономических наук, профессор, проректор МГПУ
<i>Русецкая М.Н.</i>	кандидат педагогических наук, доцент, проректор МГПУ

Редакционная коллегия:

<i>Радченко О.А.</i> главный редактор	доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ, проректор МГПУ
<i>Викулова Л.Г.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института иностранных языков МГПУ по науке и международной деятельности
<i>Аликаев Р.С.</i> (г. Нальчик)	доктор филологических наук, профессор
<i>Афанасьева О.В.</i>	доктор филологических наук, профессор, декан факультета английской филологии
<i>Барышников Н.В.</i> (г. Пятигорск)	доктор педагогических наук, профессор
<i>Вострикова О.В.</i> секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Дубинин С.И.</i> (г. Самара)	доктор филологических наук, профессор
<i>Дюжикова Е.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Киров Е.Ф.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Курдюмов В.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Лягушкина Н.В.</i> ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Рыжова Л.П.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Савицкий В.М.</i> (г. Самара)	доктор филологических наук, профессор
<i>Собянина В.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Сулейманова О.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Щепилова А.В.</i>	доктор педагогических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии
<i>Языкова Н.В.</i>	доктор педагогических наук, профессор

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36.

e-mail: Vestnik@mgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Морженкова Н.В.* Особенности романной формы
в романе Г. Стайн «Становление американцев» 8
- Петрова С.А.* Андре Жид об отражении русской языковой
картины мира в произведениях Ф.М. Достоевского 16

Германская филология

- Огуречникова Н.Л.* «Предсмертная песнь Бэды Достопочтенного»:
опыт толкования..... 21
- Рахманкулова И.-Э.С.* Структурно-функциональный подход
к исследованию немецких фразеологизмов 28
- Собянина В.А.* Оценочность разговорной лексики
терминологического происхождения..... 36
- Алпатов В.В.* Метафорические оронимы Вестморленда..... 45
- Богданов А.В.* Три аспекта изучения кодирования и декодирования
речевой информации 50

Романская филология

- Епифанцева Н.Г.* Категория детерминации французского
существительного в свете концепций Ф. Брюно и Ш. Балли..... 54

Теория языка

- Радченко О.А.* Исследование агрессивного дискурса:
проблемы и перспективы 60
- Мошняга Е.В.* Терминосистема международного туризма
как лингвокультурное явление 67
- Фурманова С.Л.* Лингвокритическая деятельность Ф. Маутнера 74
- Кириченко А.С.* Проблемы описания пространственных значений..... 79

Языковое образование

- Богатырева М.А.* Формы предъявления материалов культуры в учебнике иностранного языка 83
- Стрижак У.П.* Составление тезауруса как один из путей расширения словарно-иероглифического запаса учащихся 90
- Языкова Н.В.* Культура и обучение иностранным языкам: лингводидактический аспект 95

Наши зарубежные коллеги

- Донец П.Н.* Электронные словари и концептологический анализ 101

Трибуна молодых ученых МГПУ

- Жилинская Л.А.* Фразеологические единицы с компонентами из арабского языка 106
- Корзун О.О.* Некоторые аспекты совершенствования темпа речи будущих устных переводчиков 110
- Цельхова Е.К.* Особенности отражения языковой картины мира в охотничьем подязыке 113

Критика. Рецензии. Библиография

- Тимашева О.В.* Литвиненко Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. 119

Научная жизнь

- Сулейманова О.А.* Третьи чтения памяти Ольги Николаевны Селиверстовой 124

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка.

- Языковое образование», 2009, № 1 (3)..... 126**

CONTENTS

Literary Studies

Morzhenkova N.V. Novelistic Form in G. Stein's «The Making of Americans».....	8
Petrova S.A. A. Gide's about Russian Mentality and Cultural Values in F.M. Dostoievsky's Works.....	16

Germanic Linguistics

<i>Ogurechnikova N.L.</i> «Death Song by Beda Venerabilis»: an Attempt to Interpret.....	21
<i>Rakhmankulova I.-E.S.</i> Functional Approach to the Study of German Phraseological Units.....	28
<i>Sobyanina V.A.</i> The Evaluation of Informal Terminological Vocabulary	36
<i>Alpatov V.V.</i> Metaphorical Oronyms of Westmorland	45
<i>Bogdanov A.V.</i> Three Aspects of Coding and Decoding of Speech Information	50

Roman Languages

<i>Yepifantseva N.G.</i> The Category of Determination of the French Noun from the Standpoint of F. Brunot and Ch. Bally.....	54
---	----

Linguistics

<i>Radchenko O.A.</i> Studies on the Aggressive Discourse: Problems and Trends	60
<i>Moshnyaga Ye.V.</i> The Term System of International Tourism As the Linguistic-Cultural Phenomenon	67
<i>Furmanova S.L.</i> Linguistic Critical Works by F. Mauthner	74
<i>Kiritchenko A.S.</i> The Problems of Spatial Meanings' Description.....	79

Language Teaching Methodology

- Bogatyreva M.A.* The Techniques of Presenting Sociocultural Materials
in Modern Language Textbooks 83
- Strizhak U.P.* The Compiling of Thesaurus as One of the Ways
to Enrich the Students' Hieroglyphic Vocabulary..... 90
- Yazykova N.V.* Culture and Foreign Language Teaching:
Linguadidactic Aspect 95

Our Colleagues from Abroad

- Donetz P.N.* Electronic Dictionaries and Conceptological Analysis..... 101

MCPU Young Scientists' Platform

- Zhilinskaya L.A.* Phraseological Units Including Arabic Components 106
- Korsun O.O.* Some Aspects of Mastering the Speech Tempo
of Would-Be Interpreters 110
- Tselykhova Ye.K.* The Reflecting of the Linguistic Pictures of the World
in Hunting Sublanguage 113

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- Timasheva O.V.* Intertext in the Aspects of Linguistics and General
Text Theory by T.Ye. Litvinenko. – Irkutsk: ISLU, 2008 119

Scientific Events

- Souleimanova O.A.* The 3rd Conference in Honour
of Olga N. Seliverstova 124

- «MGPU Vestnik» / Authors, 2009, № 1 (3) 126

Н.В. Морженкова

**Особенности романной формы
в романе Г. Стайн
«Становление американцев»**

In «The Making of Americans» G. Stein ‘denovelized’ the very nature of novel as a genre. Stressing the artificiality of the novel through an emphasis on form she avoids any illusion of real life. Deindividualized characters are represented from an extremely generalized narrative perspective. Their private lives extend into the abstract infinity of «pure» being. Individual voices or concrete details turn into universal patterns. Deconstructing the form of the traditional novel Stein manifests the illusiveness of the realistic narrative mode, which does not seem to her propriety to reveal the essence of human being existence in words.

Ключевые слова: литературный стиль, «дефамилиризация» повседневности, американская культура.

В контексте англоязычной литературы XX века роман Г. Стайн «Становление американцев» [9], активная работа над которым велась в период с 1908 по 1911 годы, занимает особое место, по сути, открывая эпоху поиска новых литературных форм и предвосхищая появление экспериментальных поэтик. В это время еще не написаны произведения Джойса, Вулф, Лоренса, Паунда, Элиота и Фолкнера, составившие основной корпус текстов англоязычного модернизма. «Становление американцев» представляет собой впечатляющий по своей масштабности литературный замысел по созданию книги о «каждом, кто когда-либо жил, живет или будет жить», в центре которой находится модернистская проблема соотношения сознания и времени. Определяя место романа в контексте американской литературы, Р. Костеланец отмечает, что роман является примером «колоссального, гетерогенного, чрезмерно эксцентричного произведения», создать которое хотя бы единожды стремился всякий великий американский писатель-эксперименталист [8: с. XVII]. В этом отношении роман соотносим с такими произведениями, как «Листья травы» У. Уитмена, «Кантос» Э. Паунда, «Авессалом, Авессалом!» У. Фолкнера.

Название романа указывает на то, что в центре авторского внимания процесс становления нации с характерной для нее идеологией и новыми культурными героями. Как отмечает Н.А. Анастасьев, Г. Стайн пародирует концепцию «Великого американского романа» («The Great American Novel») [1: с. 280]. В произведении раскрывается дух американской жизни и сущность американского культурного опыта, в котором воплотилось стремление к национальной самоидентификации. Здесь мы наблюдаем своеобразную реакцию на английскую литературную традицию. Своим появлением «Становление американцев» в немалой степени обязано чрезвычайно актуальной для американской литературы той эпохи задаче — создание самобытного американского романа, не подражающего роману европейскому. Принадлежность к молодой американской традиции автор декларирует в самом начале, заявляя об «исключительной привилегии быть настоящей американкой» и противопоставляя себя великим английским романистам [9: с. 3]. Этим произведением Г. Стайн бросает вызов роману как ведущему жанру европейской литературы нового времени, не просто пародируя типично романские приемы, а дероманизируя сам жанр.

История семьи (на что указывает подзаголовок романа — «Being a History of a Family's Progress») разрастается в «историю» всех поколений американцев, растянувшуюся более чем на девятьсот страниц. М. Фарланд отмечает, что в своих записях Стайн определяет «науку о наследственности» и проблеме родственных взаимосвязей как неотъемлемую часть повествовательных стратегий романа, но авторское намерение сфокусироваться на истории семьи остается не воплощенным [5: с. 120]. Изложение событий в семье Херсландов, среди которых браки, рождения, похороны, с самого начала выходит за рамки семейного романа, превращаясь в рассказ об истории всего человечества.

По сравнению с предшествующей трилогией «Три жизни» («Three Lives») роман демонстрирует, на уровне героев и сюжета, гораздо меньше «сцеплений» [10]. Если внутренние хронотопы Анны, Лены, Меланкты все же соприкасаются с внутренним миром других героев, то в «Становлении американцев» герои предстают как обособленные субъекты, практически не имеющие общих точек пересечения. Художественные задачи, которые ставила перед собой Стайн, создавая этот роман, она частично объясняет в лекциях «Постепенное становление «Становления американцев» («The Gradual Making of The Making of Americans») и «Композиция как пояснение» («Composition as Explanation») [4]. Сущность героев раскрывается как изолированная и не связанная с социокультурным контекстом, историческим моментом, а также событиями их индивидуальной жизни и внутренними переживаниями. Создавая историю людей, а не событий, Стайн максимально ослабляет событийный план. Отношения героя с миром минимализированы. В романе наблюдается почти полная элиминация внешнего мира, в результате чего акцентируется постоянство некоего внутреннего «ядра», лежащего в основе того или иного архетипа. Автор стремится показать «чисто исходное», неизменное бытие внутри себя, вне его соотнесенности с внешней действительностью и изменчивыми внутренними состояниями.

Все индивидуальные различия героев подчинены типу и рассматриваются лишь как вариации этого типа. Возникает эффект метонимического замещения — герои репрезентуют миллионы подобных людей, а роман оказывается произведением обо всех американцах. По замечанию Д. Сазерлэнда, все эти изолированные индивиды вписываются в классификацию человеческих типов, разработанную Стайн (атакующий тип, сопротивляющийся тип, независимый и зависимый тип) [12: с. 53]. Таким образом, автор переносит акценты с социальных и индивидуальных судеб героев, интерес к которым характерен для традиционного романа, на судьбы коллективные, при этом сами герои оказываются своеобразными коллективными субъектами.

Универсалистские тенденции проявляются, в частности, в том, что, давая характеристики героев, Стайн всегда генерализирует их, соотнося с определенным типом. Частная деталь постоянно обобщается, никогда не становясь проявлением единичного и личного бытия. К примеру, в описании Джулии Деннинг акцентируется тот факт, что ее внешность, чувства, занятия и отношение к жизни свойственны всем молодым девицам ее класса. Фразы типа *like all other girls; young girls of her class; all the things girls always can learn* в пределах одного небольшого абзаца создают эффект подчеркнутого отсутствия какой-либо индивидуализации героини [9: с. 20]. Обилие личных и неопределенных местоимений (*some, something, anything, nothing, someone, anyone*), местоимения *one*, выражающего неопределенно-личного и обобщенного деятеля, слов-заместителей (*thing, do*) подчеркивает неприкрепленность повествования к определенному лицу, месту или событию. На уровне стиля многочисленные повторы отдельных слов, фраз, предложений и абзацев маркируют идею повторяемости действий и состояний в обыденной жизни множества людей.

В этой стилистике повторов реализовалась ключевая для творчества Стайн мысль о концептуальной роли привычки (суть которой — автоматическое повторение) в «ткани» бытия. Монотонности существования представителей среднего класса — главного коллективного «героя» «Становления американцев» — соответствует стилистическая монотонность текста. В основе стайновской авангардизации повседневности лежит именно поиск новых художественных средств для изображения привычных повторяющихся действий и состояний, об особом интересе к которым Стайн неоднократно заявляла как в автобиографических, так и в художественных текстах. Акцент на обыденном порождает парадоксально острый художественный эффект.

Значимо, что У. Джеймс, у которого Стайн училась в пору пребывания в колледже Радклифф, соотносил привычку с самосовершенствованием и освобождением сознания от постоянной необходимости выбора. Привычка, согласно теории У. Джеймса, детерминирует характер и очерчивает пределы человеческой жизни, выступая в роли «консерванта» (*conservative agent*) и фиксируя место индивида в потоке бытия. «Привычка удерживает нас в границах обыденного, ... удерживает рыбака и матроса на море в холода, горняка — во мраке шахты, а фермера — в его доме на пустынной ферме в течение долгих зимних месяцев» [7: с. 16]. По мысли Дж. Томаса, интерпре-

тация У. Джеймсом феномена привычки связана с процессом «обживания» мира, превращения его в пространство, где человек чувствует себя как дома [13: с. 7]. Отметим, что превращение «чужого» пространства в «свое» — одна из первостепенных задач, стоявших перед американцами. В этом контексте формирование привычки особенно актуально, поскольку она способствует порождению «своего» мира. Таким образом, текст романа, в основе которого лежит принцип повторения, можно рассматривать как художественный эквивалент процесса «одомашнивания» американцами нового пространства.

В «Становлении американцев» Стайн аккумулирует то общее в человеческом характере, что формируется и выражается в привычке, порождающей определенный типаж. Ее герои не становящиеся, а статичные и неизменные. В результате отказа от психологизма и упразднения индивидуальной составляющей героя тот перестает восприниматься как личность и превращается в некий «чистый» инвариант, простую абстракцию, архетип. Здесь нет ни малейшего намека на художественный мир как живую реальность. Напротив, акцентируется нарочитая искусственность, сделанность повествования, подчеркивается неограниченность героя рамками частной, единичной жизни. Их бытие изображено в надличностном, крупном масштабе.

С этой обобщающей точки зрения не видны детали и не слышны индивидуальные «голоса». Хотя в романе есть фрагменты, формально маркированные как прямая речь, повествование подчеркнуто монологично: в репликах героев нет и намека на многоголосие. Стилистически они не отличаются от авторского слова, которое анонимно и вообще трудно соотносимо с каким-либо субъектом речи. Герои романа не представлены через индивидуальные речевые характеристики. Наличие элементов, характерных для устной речи (частица *yes* для усиления правоты собственного высказывания, междометие *well*, сокращенные формы *it ain't*; *don't*, избыточное употребление союза *and*, наличие большого количества служебных слов, значение которых в устной речи уясняется из контекста) лишь подчеркивает неестественность, «неразговорность» монологов персонажей и авторского дискурса. Люди так не говорят. Это не живая речь, а какая-то абстракция, в структуре которой мелькают «осколки» разговорной речи. Словам героев не хватает «плоти». Многочисленные местоимения и слова-заместители не конкретизируются из контекста, в результате чего происходит «разыменованное» мира.

Как отмечает Д. Сазерлэнд, «Становление американцев» — «лабиринт изначальных абстракций, как сама Америка и любой американец» [12: с. 56]. В этой принципиальной изолированности героев романа воплотилось столь характерное для американской культуры отсутствие связей с прошлым, с родней, с покинутой землей. История становления Америки — история смелых одиночек, которые, покидая Европу, начинали жизнь с белого листа, вне контекста семейных связей и социальной иерархии. Сам стиль произведения дистанцирует и мифологизирует героев романа, в котором реализуется нероманский, архаический способ мышления, не воспринимающий индивидуального, а фиксирующий, по замечанию

М. Элиаде, лишь образцовое [3: с. 59]. По сути, в романе Стайн создает мифологизированную историю Америки, выводя ее героев — типичных представителей среднего класса — за пределы пространственно-временных рамок и превращая их в национальные символы. В романе центральные концепты американской культуры превращаются в национальные мифологемы (концепт «self-made man», концепт «свобода от власти отцов», концепт «успешное начало», концепт «успех», концепт «деньги», концепт «средний класс»).

Установка на мифологизацию американской истории акцентируется с первых строк произведения. Начало, открывающее роман историей о переселении «отцов» и «матерей», отправившихся на новый континент, не что иное, как авторская вариация библейской притчи об Исходе еврейского народа в Землю Обетованную. Переселенцы, эти «старые люди в новом мире», изображены как некое обобщенное множество. Так, между четырьмя женщинами, чьи потомки и составили семью, историю которой обещает поведать автор, нет никакого различия. Здесь действует принцип неназывания. Не совсем даже и ясно, идет ли речь об одной и той же женщине, обозначенной в тексте словом-заместителем «one», или о четырех разных героинях, ничем не выделяющихся из множества «всех тех сильных женщин, выносивших много детей» (*Many kinds of all these women were strong to bear many children*). Этот образ матери-прародительницы американцев обобщен, мифологизирован и, по сути, является авторской интерпретацией образа Евы.

Примечательно небольшое вступление к роману. Первый его абзац написан в форме притчи человеку, вознамерившемся вытащить (*drag along the ground*) из своего сада старого отца. «Остановись!» — вскричал старик — «я не вытаскивал своего отца дальше этого дерева» [9: с. 3]. Отметим, что для американцев характерно особое понимание библейского текста, который воспринимается не как древний, а как актуальный, современный, в силу чего притчи как вневременные образчики мудрости в рамках американской ментальности легко переносятся на современность. В контексте пуританского мировоззрения библейские сюжеты и герои служат своего рода образцами, через призму которых трактуются исторические события и личности. Притчеобразная стилистика, образы сада, отца и дерева как некоего запретного рубежа, а также мотив неподчинения отцовской воле имеют долгую традицию и отсылают к библейскому мифу об Адаме, нарушившем волю Бога-отца и изгнанном из райского сада. Однако в данном случае наблюдается инверсия известного сюжета — не сын, а отец изгоняется из сада. Это пародийное переверачивание традиционного сюжета акцентирует революционность американской ментальности, в формировании которой, по мнению Т.Д. Венедиктовой, концептуальную роль играет стремление «освобождения из-под «гнета» внешнего авторитета (отца – короля – метрополии)», провозглашенное в американской Декларации независимости и Конституции [2: с. 62]. Интерпретация христианского мифа, связанного с началом рода человеческого, указывает на грандиозность авторского замысла — создать книгу, вмещающую историю

становления целого мира. Отметим, что сами первые переселенцы, в большинстве своем пуритане, в отправлении на другой континент видели возвращение в райский сад, в Землю Обетованную, то есть к начальной точке истории, где можно вновь начать всю историю рода человеческого.

Второй абзац вступления разъясняет притчу: изъяны данного нам от рождения характера, с которыми мы так упорно боремся в молодости, со временем перестают казаться нам страшными грехами и начинают даже восприниматься как неповторимые особенности, придающие очарование нашей натуре. Вероятно, мотив ожесточенной борьбы с собственными недостатками может быть прочитан как отсылка к фигуре выдающего американского политического деятеля и ученого Б. Франклина — «образцового» американца, постоянно совершенствующего свою натуру. Тот ежедневно фиксировал в специальной таблице все свои прегрешения, стараясь освободиться от пагубных склонностей и развить навык самообладания. Имя Франклина олицетворяет собой столь концептуальный для Америки образ *self-made man*, неустанно работающего над собой и добивающегося успеха. В автобиографии Франклина, изданной в 1868 году, отчетливо звучит мотив освобождения из-под авторитарной власти отца, в результате чего молодой Бенджамин становится хозяином своей собственной жизни [6]. Автобиография Франклина начинается с обращения к сыну (*Dear son*) и признания, что опыт его собственной жизни может оказаться хорошим образцом для подражания. Очевидно, образ сына, вытаскивающего старого отца из сада, можно рассмотреть не только как травестирование библейского сюжета, но и отсылку к автобиографии отца-основателя, ставшей образцовым текстом американской культуры.

Важнейшая проблема жанра автобиографии — как соотносятся образ человека для себя (я изнутри) и — для другого (я внешний). Она чрезвычайно актуальна для романа Г. Стайн. Франклин как автобиограф — это отец, обращающийся к потомству и пишущий о своем возмужании, то есть о становлении молодого человека, отрицающего власть отца и стремящегося идти к успеху и материальному благополучию своим путем. Тема соотношения этих двух измерений человека как субъекта и как объекта неоднократно обыгрывается в романе. Так, фиксируя это двойное видение, автор отмечает, что рассказывающий о своей истории успеха Хенри Деннинг представляется нам в настоящий момент не преуспевающим молодым человеком, а стариком, повествующим об истории своего успеха своим детям. Налицо дистанцированность самого рассказа от описываемых событий. Повествуя о своем опыте, Деннинг овнешняет и завершает его. Глядя извне, он не ощущает его сопричастным настоящему. Наблюдается героизация многотрудного прошлого отца, превращение его в миф. Значимо, что автор не дает каких-либо конкретных деталей из жизни Деннинга, которые позволили бы создать иллюзию рассказа о живом опыте. Его «рассказ» состоит из обобщающих фраз типа *yes, I had it very different when I was a boy like George; I was already earning my own living and giving myself my own education*, в тон которому звучит и авторский дискурс (*Yes,*

truly this Henry Dehning had made everything for himself to be very different). Монолог Деннинга — это не личностное повествование, а абстрактный, концептуализированный монолог американского отца, преуспевающего в бизнесе и «сколотившего» состояние. Это травестирирование жанра жизнеописания как урока, столь актуального в рамках американской культуры.

Следует иметь в виду, что история успеха целеустремленных *self-made men*, «сделавших» своим трудом большие деньги, зачастую и есть американская национальная история. Образцовым в этом смысле представляется рассказ об американском бизнесмене С.К. Аллине, помещенный в социологическом исследовании, посвященном корпоративной культуре. Вот как повествуют авторы о поездке председателя правления Аллина в послевоенную Германию с целью выяснить судьбу завода, построенного перед войной его компанией. «Он прибыл на военном самолете и поехал в глубь опустошенной страны, пробираясь сквозь руины домов и груды булыжников, пока не достиг того места, где раньше была фабрика. Протискиваясь через нагромождения кирпичей, цемента и стропил, бизнесмен наткнулся на двух работников «Нэшионал Кэш Реджистер Корпорейшен», которых не видел в течение шести лет. Их одежда была в лохмотьях, а лица покрыты копотью, но, несмотря ни на что, они разбирали завалы камней. Когда он подошел ближе, один из мужчин повернулся и сказал: «Мы знали, что вы придёте!». Председатель правления присоединился к ним, и все вместе они продолжили расчищать завалы и поднимать фабрику из военных руин» [4: с. 3]. Вполне безопасное путешествие американского предпринимателя в послевоенную Германию описывается как странствие героя, на пути которого встречается множество трудностей. Эта история — яркий пример мифологизации американского бизнеса. В рамках американской культуры преуспевающий предприниматель становится национальным героем, его жизнь превращается в легенду.

Создавая «Становление американцев», Г. Стайн передает эту установку на мифологизацию и героизацию современности, столь характерную для американской культуры, посредством «дефамилиризации» повседневности при помощи нарочито экспериментального стиля.

Литература

1. Анастасьев Н. А. Книги не для чтения (Гертруда Стайн) // Вопросы литературы. – 2007 – № 1. – С. 250–289.
2. Венедиктова Т. Д. Разговор по-американски. Дискурс торга в литературной традиции США. – М.: Новое литературное обозрение, 2003.
3. Элюде М. Космос и история. – М.: Прогресс, 1987.
4. Deal E. T., Kennedy A. A. Corporate Cultures: The Rites and Rituals of Corporate Life. – N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, Inc., 1982.
5. Farland M. Gertrude Stein's Brain Work // American Literature. – 2004. – Vol. 76. – № 1. – P. 117–148.

6. *Franklin B.* The Life of Benjamin Franklin, written by Himself. – Boston: Whittemore, Niles and Hall, 1857.
7. *James W.* The Writings of William James: A Comprehensive Edition. – N.Y.: Random, 1967.
8. *Kostelanetz R.* Introduction // The Yale Gertrude Stein. – New Haven; London: Yale University Press, 1980. P. XIII–XXXI.
9. *Stein G.* The Making of Americans. – Illinois: Dalkey Archieve Press, 1995.
10. *Stein G.* Three Lives. – Harmondsworth: Penguin Classic, 1990.
11. *Stein G.* Writings and Lectures 1909–1945. – London: Penguin Books Ltd., 1971.
12. *Sutherland D.* Gertrude Stein. A Biography of Her Work. – New Haven: Yale University Press, 1951.
13. *Thomas J.* Figures of Habit in William James // New England Quarterly. – 1993. – Vol. 66. – № 1. – P. 3–26.

С.А. Петрова

Андре Жид об отражении русской языковой картины мира в произведениях Ф.М. Достоевского

The article gives a commentary on A. Gide's analysis of Russian mentality and cultural values through Dostoievsky's works of fiction and the key words such as «honesty», «pride», «will (power)».

Ключевые слова: русская языковая картина мира, ключевой концепт.

Исследования в современной когнитивной лингвистике направлены на изучение национальной специфики концептов, которая проявляется в различиях одноименных концептов в разных национальных культурах, а также в наличии эндемичных, уникальных концептов, характерных только для одной культуры.

Одно из средств доступа исследователя к содержанию национальной когнитивной картины мира — языковая картина мира, т.е. «совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа ...» [4: с. 54]. З.Д. Попова и И.А. Стернин подчеркивают, что «языковая картина мира не равна когнитивной, последняя неизмеримо шире, поскольку... далеко не все концепты имеют языковое выражение и становятся предметом коммуникации... Коммуникативная значимость языковой единицы связана, по-видимому, с ценностью выражаемого ею концепта для культуры народа...» [4: с. 55]. Особенности национальной картины мира отражаются также в художественной картине мира, возникающей в сознании читателя при восприятии им художественного произведения.

Эффективный и надежный способ выявления различий в одноименных концептах в разных национальных культурах, а также невербализованных концептов — сопоставительные исследования отечественных и зарубежных авторов, посвященные как русской языковой картине в целом, так и индивидуальному, авторским концептам.

В своих лекциях, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского, А. Жид рассматривает ключевые концепты, которые, по его мнению, отражают как индивидуально-авторскую концептосферу, так и русскую языковую картину мира в целом. Ключевыми для русской языковой картины мира он считает концепты, содержащиеся в таких словах, как «смирение» (*humilité*), «честь» (*honnêteté*), «гордость» (*orgueil*), «воля» (*volonté*), «ум» (*intelligence*), поскольку в их значении представлены основные признаки данных ключевых концептов.

Одно из ключевых слов-концептов как для творчества Ф.М. Достоевского, так и для русской языковой картины мира — «смирение» (*humilité*). А. Жид подчеркивает, что Ф.М. Достоевский употребляет слово «смирение» в евангельском смысле, предполагающем отсутствие гордости, а также готовность человека с благодарностью принять все, ниспосланное Господней волей. Следует заметить, что, по мнению А.Д. Шмелева, идеал примирения с действительностью, выраженный в семантике русского слова «смирение», лишь дополняет основной общехристианский идеал отказа от гордости, заключенный в английском слове *humility* и французском *humilité*: «основным (более «привычным») для идеи, выраженной в слове *смирение*, является тот же общехристианский идеал отказа от гордости, который выражен в слове *humility*. Особенностью слова *смирение* является лишь то, что в нем отражен (в качестве дополнительного) и идеал примиренности, который, вероятно, можно считать характерным именно для русской языковой картины мира» [3: с. 404–405].

А. Жид отмечает также, что Ф.М. Достоевский располагает своих персонажей в одной и той же, всегда неизменной, плоскости — в плоскости смирения и гордости, что дезориентирует европейского читателя, привыкшего к классификации людей в зависимости от их большей или меньшей доброты, от качеств их сердца, т.е. показывающей превосходство сердца над умом. У Ф.М. Достоевского, замечает французский писатель, классификация персонажей устанавливается в зависимости от их большей или меньшей гордости. А. Жид особо подчеркивает, что в создаваемой русским писателем христианской этической системе «смирение» имеет положительную оценку и противопоставляется «гордости», которая оценивается отрицательно: «Достоевский рисует нам, с одной стороны, смиренных (и некоторые из них доведут свое смирение до уничтожения, до того, что в уничтожении они будут находить удовольствие), а с другой стороны — гордецов (и некоторые из них доведут гордость до преступления). Последние обычно являются интеллектуальными» [2: с. 281–282].

В создаваемой Ф.М. Достоевским христианской этической системе, продолжает А. Жид, связанные с «гордостью» «ум» и «воля» также оцениваются отрицательно: «Воля его героев, весь тот ум и вся та воля, которые есть у них, как будто стремительно влекут их в ад; и, пытаясь определить, какую роль интеллект играет в романах Достоевского, я замечаю, что это всегда демоническая роль.

Самые опасные его персонажи являются также и самыми интеллектуальными.

Я хочу сказать не только то, что воля и ум персонажей Достоевского направлены исключительно на зло, но что, даже когда они устремляются к добру, добродетель, достигаемая ими, оказывается добродетелью горделивой и ведет к гибели. Герои Достоевского вступают в царство Божие, только жертвуя своим интеллектом, отрекаясь от своей индивидуальной воли, отказываясь от своего я» [2: с. 284–285].

Заметим, что данная оценка ума весьма распространена в русской языковой картине мира. А.А. Зализняк пишет: «...при необходимости вписать ум

в рамки бинарной оппозиции «душа – тело» русский язык отводит ему место в «низкой» сфере, объединяя интеллектуальное с телесным и противопоставляя его душевному и духовному. ...Сказанное, конечно же, не означает, что ум в русской языковой картине мира всегда принадлежит к сфере «низкого» и оценивается однозначно отрицательно: речь идет лишь о некой тенденции. Полная картина, безусловно, сложнее» [3: с. 158, 161].

Христианская этика Ф.М. Достоевского противопоставляется А. Жидом воззрениям О. де Бальзака, у которого на сцену выступают два положительных фактора, не играющих почти никакой роли в творчестве Ф.М. Достоевского, а именно — *ум* и *воля*: «Я не говорю, что в произведениях Бальзака воля всегда приводит человека к добру и что все его волевые персонажи сплошь добродетельны; но мы, по крайней мере, видим, как многие из его героев достигают добродетели силой воли и делают великолепную карьеру благодаря упорству, уму и решимости» [2: с. 283–284].

Из приведенных примеров видно, в чем А. Жид видит принципиальное отличие французского христианского идеала, именуемого им католическим, от русского. Если первый допускает активную борьбу за лучшее устройство жизни, то второй, по мнению французского писателя, наиболее близок к Евангелию и предполагает примирение с действительностью, т.е. с Божьей волей. Интересно отметить, что данные выводы А. Жида перекликаются с репликой Алеши о Великом инквизиторе из «Братьев Карамазовых»: «Мы знаем иезуитов, про них говорят дурно, но то ли они, что у тебя? Совсем они не то, вовсе не то... Они просто римская армия для будущего всемирного земного царства, с императором — римским первосвященником во главе... вот их идеал, но безо всяких тайн и возвышенной грусти... Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем, что они станут помещиками... вот и все у них. Они и в Бога не веруют, может быть. Твой страдающий инквизитор одна фантазия» [1: с. 237–238].

В создаваемой Ф.М. Достоевским христианской этической системе, как справедливо отмечает А. Жид, установка на примирение с действительностью, на смирение распространяется и на другие этические концепты, например на понятие чести, продолжая при этом оставаться однозначно положительным. Такое представление русских о смирении непонятно западным людям, для которых смирение несовместимо с чувством чести и оценивается однозначно отрицательно в данном контексте. А. Жид так формулирует основное отличие русских и западных представлений о чести: «Этнические особенности, нигде, быть может, не сказываются столь отчетливо, как в понимании чести. ...Знакомая с русским понятием чести, мы сразу же уясняем, как часто западная честь противоречит евангельским заветам. И как раз в этом смысле чувство чести у русского, отклоняясь от западноевропейского чувства чести, приближается к Евангелию; или, если вам угодно, в русском человеке христианское чувство нередко берет верх над чувством чести в том виде, в каком мы, европейцы, понимаем его.

Будучи поставлен перед необходимостью или отомстить, или же признать свою неправоту и принести извинение, европеец чаще всего сочтет вторую возможность — делом недостойным, трусостью, низостью... нежелание простить, забыть, уступить европеец склонен считать признаком сильного характера. И действительно, он всячески старается избежать положения виноватого, но если уж он попадает в такое положение, то самое неприятное, что может с ним случиться, — это необходимость признать свою вину. Русский, напротив, всегда готов сознаться в своей неправоте, — даже перед врагом, всегда готов на самоуничтожение, на самообвинение» [2: с. 273–274]. Отсюда, замечает А. Жид, важность исповеди, в том числе и публичной.

Следует особо отметить, что у Ф.М. Достоевского речь идет скорее не о самоуничтожении, а о самоотрешении, позволяющем достичь совершенной, внутренней, свободы, отличающейся от той, что определяется внешними обстоятельствами, и нравственного совершенствования. В «Братьях Карамазовых», рассуждая о роли старцев на Руси, писатель размышляет о смирении, противопоставляя его гордыне: «Старец — это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь, чрез послушание всей жизни, уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли» [1: с. 26]. Ф.М. Достоевский, однако, предупреждает: «Это испытанное и уже тысячелетнее орудие для нравственного перерождения человека от рабства к свободе и к нравственному совершенствованию может обратиться в обоюдоострое орудие, так что иного, пожалуй, приведет вместо смирения и окончательного самообладания, напротив, к самой сатанинской гордости, то есть к цепям, а не к свободе» [1: с. 27].

Возможность перехода смирения в его полную противоположность, но уже под влиянием унижения, отмечает и А. Жид: «Смирение открывает ворота в рай, унижение ввергает в ад. Смирение подразумевает своего рода добровольное подчинение, оно — результат свободного выбора, в нем скрывается правда евангельских слов: «Унижающий себя возвысится». Унижение же, напротив, грязнит душу, пригибает ее, уродует, сушит, раздражает, клеймит; оно наносит своего рода нравственную рану, которая заживает с большим трудом» [2: с. 276].

В заключение следует подчеркнуть, что выявленные ключевые концепты индивидуально-авторской картины мира, предстающей в произведениях Ф.М. Достоевского, определяют, как полагает А. Жид, основное отличие творчества великого русского писателя от западной литературы. «Мне сразу бросается в глаза, — пишет французский писатель, — что во всей нашей западной литературе, причем я имею в виду литературу не только французскую, роман, за очень редкими исключениями, занимается лишь отношениями людей друг к другу, отношениями эмоциональными или интеллектуальными, от-

ношениями семейными, общественными, классовыми, — но никогда, почти никогда не занимается отношениями индивидуума к самому себе или к Богу, которые здесь (в творчестве Ф.М. Достоевского. — С.П.) первенствуют над всеми прочими» [2: с. 242].

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. — Т. 14. — Л.: Наука, 1972–1990.
2. *Жид А.* Лекции в зале Vieux Colombier // Жид А. Полн. собр. соч. — Т. 6. — М., 2002. С. 246–364.
3. *Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005.
4. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. — М.: Восток – Запад, 2007.
5. *Сараскина Л. И.* Достоевский в созвучиях и притяжениях (от Пушкина до Солженицына). — М.: Русский путь, 2006.
6. *Gide André.* Essais critiques (Bibliothèque de la Pléiade). — Paris: Gallimard, 1999.

Н.Л. Огуречникова

**«Предсмертная песнь
Бэды Достопочтенного»:
опыт толкования**

The paper is an attempt to interpret a most famous Anglo-Saxon record – Death Song by Beda Venerabilis. Analysis of linguistic aspects of the surviving text takes into consideration active phonetic variation in Anglo-Saxon, dwells on the mode of oral poetic text existence and questions the semantic structure of the Russian translation made by Vladimir Tikhomirov.

Ключевые слова: аллитерация, литота, перевод англо-саксонских текстов.

Жизнь Бэды Достопочтенного¹ (Baeda Venerabilis) (673–735²) небогата внешними событиями, он провел ее на Севере Англии, где находятся монастыри-близнецы Вэрмут и Ярроу. Бэда родился поблизости от монастыря Вэрмут, в семилетнем возрасте был отдан туда на воспитание, переведен в соседний монастырь Ярроу вскоре после его основания в 681 году и там принял монашество. Около 692 года рукоположен в диаконы и в 703 году — в священники [11: с. 70]. Крещение Англии произошло при Папе Григории Великом (конец VI – начало VII вв.), и Бэда не принадлежал к первому поколению монахов, сидельцев монастырей Вэрмут-Ярроу. Из многих источников известно, что учителем Бэды был Benedictus Biscop [9: с. 230]. Почти всё, что мы знаем о жизни Бэды, написано им самим в краткой автобиографической заметке, завершающей «Церковную историю английского народа» (Historia

¹ Католическая церковь предпочитает величать Бэду Святым, протестантская традиция делает акцент на учености, а не на святости Бэды: Baeda Venerabilis. Титул, закрепившийся за Бэдой вскоре после его смерти, принято переводить как *Досточтимый* или *Достопочтенный*, но в контексте русской духовной культуры более естественным кажется перевод *Преподобный*. Он передает то благоговейное отношение к личности Бэды, которое отразилось в ряде легенд (об этом см. [7: с. 108]).

² Мощи Бэды покоятся на Севере Англии в Дарэме, там же, где и мощи его ученика св. Кудберта, вывезенные из монастыря в Линдисфарне (их спасали от викингов) [1: с. 38].

Ecclesiastica Gentis Anglorum) [8: с. 123]. Известно, что он посещал монастырь на Линдисфарне и, возможно, путешествовал до самого Йорка. Однако, по его собственным словам, всю жизнь он провел в Ярроу. Он писал: «Отдав все время своей жизни этому монастырю, я всецело предан изучению Священного Писания и, соблюдая монашеское правило и ежедневные службы в храме, всегда находил отраду в том, чтобы учиться самому, учить других и писать» (перевод Н.Ю. Гвоздецкой [1: с. 90]).

Если верить свидетельству св. Кудберта¹, ближайшего ученика и биографа Бэды (*Epistola Cuthberti de obitu Bedae*), последним сочинением этого величайшего деятеля раннего Средневековья, предшественника и соплеменника Алкуина (*Ealhwine, 735–804*), была пятистрочная древнеанглийская поэтическая строфа, известная под названием «Предсмертная песнь Бэды» [8: с. 117]. Аллитерационная строфа, произнесенная Бэдой в конце жизни, символична, и поэтическая форма, воплотившая последнюю из известных нам мыслей Бэды, говорит о том, что монастырские стены, за которыми создавались преимущественно иноязычные латинские тексты, не предполагали отказа от национальных форм языка и не приводили к их забвению. Устная аллитерационная традиция была допущена в монастыри и, по-видимому, сохранялась в Англии на протяжении всего древнеанглийского периода.

Текст, о котором мы говорим, сохранился во многих списках, чему в немалой степени способствовала слава, сопутствовавшая Бэде еще при жизни. Лучи этой славы, не оказав какого-либо влияния на монаха, сделали небольшой авторский текст одним из самых известных текстов, записанных на древнеанглийском языке. В 11 списках он записан на родном диалекте Бэды, — нортумбрийском, в 18 — на нормализованном уэссекском [2: с. 265]. Полный список расхождений в нортумбрийских и уэссекских рукописях представлен в издании [6: с. 107, 199].

Интересующая нас аллитерационная строфа приводится ниже в нормализованной уэссекской и в нортумбрийской орфографиях. Нортумбрийский текст заимствован из двух изданий. Примечательно, что издатели расходятся в трактовке актуального членения интересующего нас высказывания, что проявляется в использовании знаков пунктуации.

Нортумбрийский диалект
(издатель — Н. Sweet) [6: с. 107]

Fore there neidfaerae	naenig uuiurthit
thoncsnotturra	than him thar[f] sie,
to ymbhycggannae,	aer his hiniong[a]e,
huaet his gastae,	godaes aeththa yflaes,
aefter deothdaege	doemid uueorthae.

¹ Исследователи и историки английской культуры обычно доверяют св. Кудберту.

Нортумбрийский диалект
(издатель — J. Zupitza) [6: с. 107]

Fore there neidfaerae	naenig uuiurthit
thoncsnotturra,	than him thar[f] sie
to ymbhycgannaе	aer his hiniong[a]e,
huaet his gastaе	godaes aeththa yflaes
aefter deothdaege	doemid uueorth[a]e.

Уэссекская норма [6: с. 109]

For ðām nēodfeore	nænig weorðeð
ðances snotora	ðonne him ðearf sy,
tō gehycgenne,	ær his heonengange,
hwæt his gāste,	gōdes oððe yfeles
æfter dēaðe heonen	dēmed weorðe.

Перевод В.Г. Тихомирова [2: с. 27]

<i>Никто, в дорогу</i>	<i>собирающийся поневоле,</i>
<i>заиметь не может</i>	<i>мудрость большую,</i>
<i>когда он думает,</i>	<i>уходящий отсюда,</i>
<i>зло сулит</i>	<i>или благо</i>
<i>суд над его душою,</i>	<i>что свершится по смерти.</i>

Текст энигматичен, во всяком случае, так принято считать. В комментариях к переводу этого текста, выполненному В.Г. Тихомировым, О.А. Смирницкая отмечает тройное упоминание в тексте смертного часа (в оригинале это три сложных слова, представляющие собой *hарах legomena*: *neidfaerae*, *hiniongae*, *deothdaege*), что проводит границу между тем, что было «прежде» (приобретенной на земле мудростью), и тем, что будет «потом» (т.е. судом, свершаемым над душою по смерти) [2: с. 265]. Иногда, вопреки серьезности темы, тройное упоминание смертного часа в «Предсмертной песни Бэды» исследователи в шутку называют кольцом Мёбиуса¹.

Пытаясь интерпретировать Песнь или, скорее, приблизиться на шаг к ее смысловой структуре, переводчики и исследователи усматривают в Песни литоту («никто не становится мудрее» = «многие оказываются недостаточно мудрыми»), благодаря которой мысль, выраженная в форме аллитерационного стиха, по общему признанию, получает особенную многозначительность и глубину [2: с. 265].

Обратим внимание на следующую корреляцию между словоформами нортумбрийских и уэссекских текстов: *neidfaerae* / *nedfaerae* (норт.) — *neodfeore* (уэсс.). В английских диалектах долгие дифтонги *īo*, *ēo*, *ēa* монофтонгизиро-

¹ Th. Möbius — крупнейший исследователь и издатель древнегерманских памятников (вторая половина XIX в.).

вались в \bar{i} , \bar{e} и \bar{e} соответственно. Следовательно, орфография корня *neid-* / *ned-* в нортумбрийском тексте сама по себе ничего не говорит об исконной германской апофонии корня (второй элемент в диграфе *ei-* (*neid-*), по-видимому, выступает в качестве диакритика, дополнительно подчеркивающего долготу и одновременно несколько более палатальный характер долгого звука в сравнении с соответствующим кратким). Таким образом, источником нортумбрийского дифтонга мог быть не только общегерманский дифтонг **au-*, но и дифтонг **eu-*: о.г. **au* > д.а. (уэсс.) *ea*; о.г. **eu* > д.а. (уэсс.) *eo* / *iu* (аллофоническое варьирование, зависевшее от позиции; второй вариант — в суживающей позиции).

Уэссекская орфография, однако, не поддерживает связь нортумбрийской апофонии с общегерманским **ēa*: орфография *neod-* выдержана в большинстве уэссекских списков. В этом случае, однако, корень *neid-* / *neod-* не соответствует этимологически общегерманскому существительному **naufi* «нужда», «принуждение» (*ti-*абстракта, *i-*основа, ж.р.); и сложное слово *neidfaerae* / *neodfeorge* не может трактоваться как «вынужденная, принудительная поездка (поездка поневоле = букв. «нуда смерти»).

Корень д.а. *neod-* / о.г. **neuf-* принадлежит к другому ряду этимологических соответствий: гот. *niutan*, д.исл. *njóta*, д.англ. *nēotan*, д.фризск. *niāta*, д.сакс. *niotan* «пользоваться, наслаждаться, получать удовольствие, радоваться»; нем *niessen*. В корпусе древнеанглийской поэзии этот корень встречается только в связанном в виде в композитах. Примечательно его использование в «Беовульфе» в составе сложного слова *neodlaðu* «желание» (*Bēowulf* 1320) [12: с. 50], где корень *lað-* этимологически соответствует совр. нем *einladen*. Таким образом, древнеанглийский язык представляет желание как внутренний зов (но с дополнительным модификатором *neod-*).

Известно, что элементы композитов древних языков часто сохраняют свое исконное значение. Кроме того, нередко компоненты сложного слова оказываются семантически близкими; и соединение корней в структуре сложного слова, как правило, лишь уточняет значение одного из них, не приводя к его существенной модификации. Учитывая сказанное, можно говорить о том, что поездка, обозначенная словоформой *neidfaerae* / *neodfeorge*, в свете данных этимологии оказывается не принудительной, а скорее радостной и, возможно, желанной. Во всяком случае, ей сопутствуют положительные коннотации, что представляется естественным с учетом образа жизни и мировоззрения автора интересующего нас текста.

Композиция Песни двухчастная. При этом интерпретация второй части не вызывает сложностей — здесь явно выражена идея воздаяния за гробом, известная христианскому миру со времен царя Соломона, и Бэда, конечно же, говорит на хорошо известную ему тему (*hwæt his ġāste*, / *ġōdes oððe yfeles* / *æfter dēaðe heonen* / *dēmed weorðe*). Мысль о воздаянии за гробом всегда принимается праведниками, но не принимается грешниками, и содержание первой части Песни способствует пониманию того, почему это так.

Очевидно, что ответ на этот вопрос не может выйти за рамки канона: Премудрость Божия открывается человеку в меру стремления его души к Богу;

вѣдение (или видение?) Божественного замысла, а также и пути, совершаемого душой человека, зависит от потребности человека в Боге, и для всякого неложного познания необходима Премудрость как дух, как открывающаяся Божественная сила.

В тексте Песни словом *þānc* обозначен духовно-нравственный облик человека, а *þēarf* — это не принуждение и не неволя (как это обычно переводят), а именно «нужда, потребность в чем-либо». Напомним, что д.англ. существительное *þēarf* (ō-основа, ж.р.) этимологически связано с глаголами д.англ. *þurfan*, гот. *þaurban*, с существительным гот. *þaurfts* (i-основа, ж.р.), и что особенно важно для перевода — с русским существительным *треба* (*требы*) [13: с. 357; 5: с. 96]. Соответственно *þēarf* — это буквально «потребность» в Боге, жажда Премудрости Его. В Книге Премудрости Соломона (11/4) читаем следующее: «И томились жаждою и воззвали к Тебе, и дана им была вода из утесистой скалы и утоление жажды — из твердого камня» [5: с. 122].

Специфика контекста, с одной стороны, и, с другой — апофония и этимология корня *neid-* / *neod-* позволяют утверждать, что слово *nēodfeog* выражает идею пути от рождения человека до его *желанной* встречи с Богом, не являясь при этом синонимом слова *dēað* «смерть», что, конечно, портит кольцо Мёбиуса, но в то же время подчеркивает процессуальный характер существительного *dēað* «смерть». Напомним, что *dēað* — это отглагольное *tī*-абстрактное существительное (ср. д.исл. *deuja* «умирать»). В данном контексте его процессуальная семантика подчеркнута наречием *heonen* «туда» (ср. англ. *hence*). Тем самым все три оборота *nēodfeog* «желанная поездка», *heonengang* «поход туда» и *dēað heonen* «умирание туда» (с процессуальным отглагольным существительным и локативным модификатором) содержат идею некоторого процесса, растянутого во времени, что хорошо согласуется с пониманием человеческой жизни как пути (что, кроме прочего, означает реставрацию кольца Мёбиуса).

Итак, *nēodfeog* — это обозначение пути, совершаемого по внутреннему зову, пути человека к Богу. Для Бэды жизненный путь — это, конечно, *nēodfeog*, что вполне соответствует орфографии нортумбрийских и уэссекских списков. Однако жизненный путь не совпадает у праведника и у грешника, и контаминация *neod-* «наслаждение, радость» vs. *nied-* / *nud-* «принуждение, нуда» очень вероятна. Здесь нельзя не вспомнить обращение царя Соломона к нечестивым, в своем постоянстве отпадения от Бога и идущим к собственной гибели: «Не ускоряйте смерти заблуждениями вашей жизни. Не привлекайте к себе погибели делами рук ваших» (Книга Премудрости Соломона 1/12) [3: с. 83]. Для не-праведников жизненный путь это всегда *niedfeog* (*nudfeog*) «туда смерти».

Отвлечемся, однако, от возможной и вероятной контаминации (отзвуком которой является и приведенный выше перевод Песни Бэды на русский язык), и сосредоточимся на том смысле, который вкладывал в свои слова Бэда: содержание начальных слов его предсмертной песни явно отличается от содержания приведенного выше перевода. Перевод вообще не слишком удобен при

передаче содержания древнего текста, поэтому, интерпретируя слова Бэды, мы прибегнем к толкованию. Смысл слов *naeniġ weorðeð / ðances snotora / ðonne him ðearf sy* заключается в следующем. Премудрость открывается человеку лишь в той мере, в которой его душа стремится к Богу, и осознание цельности пути, совершаемого душой человека от момента рождения до момента его встречи с Богом, зависит от силы и глубины его веры, от его внутренней потребности в Боге. Соответственно, смысл первой краткой строки *for ðām nēodfeore* можно передать следующим образом: «если говорить о том пути, который проходит душа человека до момента ее желанной встречи с Богом, то нужно сказать следующее (далее — по тексту)».

При переводе (или толковании) склоняемого инфинитива с предлогом (*tō ġehuscġenne*) представляется естественным изучение семантики глагола д.англ. *huscġan* «собираться с духом, решаться на что-либо; намереваться» и особенно существительного д.англ. *huce* «душа, дух», от которого и образован слабый глагол д.англ. *huscġan*. Существительное д.англ. *huce*, как бы мы его ни переводили, никогда не использовалось для обозначения интеллектуальных способностей человека, которые сами по себе вообще редко привлекали внимание англосаксов. За словом д.англ. *huce* стоит целый комплекс представлений, касающихся духовного потенциала человека (этот потенциал воспринимался как единство и не членился на дух и интеллект): в ряде контекстов «Беовульфа» д.англ. *huce* можно перевести словом «сердце», в других — словом «дух» или «душа» (см. [12: с. 356]), но для интерпретации песни Бэды важно, что слово д.англ. *huce* не имеет непосредственного отношения к интеллекту или к (так называемому) *уму*.

Интересны в связи с этим аффиксальные отглагольные производные в готском: готск. *af-huġjan* «заколдовывать, очаровывать», готск. *ufar-huġjan* «ликовать, быть в приподнятом настроении» [13: с. 192–193]. Соответственно, склоняемый инфинитив *tō ġehuscġenne* значит «для осознания», где разум, конечно, противопоставляется неразумию и безумию, но все эти слова не следует трактовать в сугубо интеллектуальном ключе: Премудрость Божия открывается каждому ровно в той мере, в которой она ему необходима для осознания того, что суждено его душе, доброго или злого.

Итак, незадолго до смерти Бэда Достопочтенный думал о той мере, в которой ему, как и любому человеку, открывается единство жизни и смерти и бессмертие души.

При этом, говоря о познавательных способностях, Бэда, конечно, имел в виду нечто отличное от силы интеллекта и житейской мудрости (с канонической точки зрения не являющихся ни достоинством, ни недостатком человека), и говорил исключительно о духовном потенциале, отсутствие которого препятствует познанию Бога, делая человека виновным. Обратим внимание на следующие два обстоятельства. Исконное значение слова *вина* в русском языке обычно описывается этимологами и историками русского языка как «ошибка»; русск. *вина* этимологически родственно лит. *vaina* «ошибка» [4: с. 316]. Известно также, что экзегеты часто трактуют грех как ошибку.

Литература

1. *Гвоздецкая Н. Ю.* Англосаксонская история в лицах и конфликтах. – Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2001.
2. *Древнеанглийская поэзия* / Под ред. О.А. Смирницкой. – М.: Наука, 1982.
3. *Толковая Библия: В 10-ти тт. – Т. 5.* – СПб.: Странник, 1908.
4. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. I. – М.: Прогресс, 1964.
5. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. IV. – М.: Прогресс, 1973.
6. *Anglo-Saxon Poetic Records. Vol. VI* / Ed. by V.K.E. Dobbie. – New York: Columbia University Press, 1942.
7. *Bede the Venerable (673–735). His Life, Times and Writings* / Ed. by A.H. Thompson. – Oxford: Clarendon Press, 1935.
8. *Bede's Ecclesiastical History of the English People* / Ed. by B. Colgrave, R.A.B. Mynors. – Oxford: Clarendon Press, 1969.
9. *Campbell J.* Essay in Anglo-Saxon History. – London: S.A., 1986.
10. *English Historical Documents. Vol. 2* / Ed. by D.C. Douglas, G.W. Greenway. – London: Methuen, 1981.
11. *Fletcher R.* Who's Who in Roman Britain and Anglo-Saxon England. – London: Methuen, 1989.
12. *Klaeber Fr.* Beowulf and the Fight at Finnsburg. – Massachusetts: Lexington, 1950.
13. *Lehmann W. Ph.* A Gothic Etymological Dictionary. – Leiden: Brill, 1982.

И.-Э.С. Рахманкулова

Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов

The article deals with modeling phraseological units on the basis of three levels of phraseological integration in German verbs. This approach helps differentiate between additional grammatical meanings in phraseological units, primarily grammatical meaning of aspect at the low level of phraseological integration of German verbs.

Ключевые слова: фразеологизм, образная идиоматика, модель предложения с повышенной образностью, *усредненно-образная* модель.

Последние десятилетия российская лингвистика в значительной степени развивалась под знаком когнитивизма. Активно утвердилась идея создания «новой парадигмы науки о языке», противопоставленной структурно-функциональным принципам описания языка, главенствовавшим в середине XX столетия. Данная статья имеет целью определить точки соприкосновения обеих парадигм с тем, чтобы можно было включать новые знания о предмете в структуру накопленных до сих пор лингвистических знаний.

Анализируя фразеологический материал, широко используют понятие образности, один из ведущих моментов при рассмотрении фразеологичности [2: с. 20–27].

Метафоричность языковых явлений играет важную роль во фразеологии любого языка. Как отмечал К. Бюлер, метафоричность своего рода способ абстрагирования. Начинается процесс абстрагирования с того, что есть две точки рассмотрения, которые накладываются одна на другую. При наложении сфер восприятия кое-что в значении рассматриваемых явлений перекрывается и происходит утрата некоторых нюансов. Из оставшихся оттенков значений для создания метафорического эффекта избираются не все [3: с. 343–349]. В свете современной теории коммуникативной функции языка создание определенного языкового эффекта опирается именно на наличие образного значения у ряда языковых единиц, в том числе и у моделей предложения.

Выражение образности может иметь несколько степеней интенсивности, обусловленных рядом факторов. Назовем три степени образности: пониженная, усредненная и повышенная. При рассмотрении фразеологической функции модели предложения мы получаем соответствующую классификацию моделей предложения по степени образности, устанавливаемой на основе структурного признака количественного наполнения членами моделей пред-

ложения. Точкой отсчета для рассмотрения образности моделей предложения служат коммуникативно-сильные модели предложения с конкретно взятыми глаголами. Под коммуникативно-сильной моделью предложения с каким-либо глаголом мы понимаем такое предложение, которое наиболее типично отражает денотативную действительность, связанную с этим глаголом, причем коммуникативно-сильная модель предложения может включать дополнительно по сравнению с исходной моделью предложения факультативные члены. Необходимо особо подчеркнуть важность именно коммуникативно-сильных моделей предложения для образования моделей предложения с усредненной образностью. Так, для глагола *gehen* усредненной образной моделью предложения является не исходная структурно-функциональная модель предложения NV, а коммуникативно-сильная модель предложения $NVP_{3,3/4} N_{3,4}$:

Der Krug ging in Schreiben. Die Arbeiter gingen auf die Straße.

Если коммуникативно-сильная и исходная структурно-функциональная модель предложения совпадают (под исходной моделью предложения мы понимаем такое предложение, в рамках которого глагол имеет прямое значение), то последняя является одновременно усредненной образной моделью предложения. Так, например, у глагола *setzen* исходная структурно-функциональная модель предложения $NVN_4 P_{3/4} N_4$ одновременно является моделью предложения усредненной образности:

Er setzte die Lokomotive in Bewegung.

Модели предложения с усредненной образностью должны считаться центром фразеологических моделей предложения, так как на них по-особому действует тот фактор фразеологизации, который мы называем идиоматичностью. Образность и идиоматичность находятся в обратно-пропорциональной зависимости: чем выше степень образности, тем ниже степень идиоматичности.

Остановимся на понятии идиоматичности. Если образность моделей предложений может рассматриваться как значение, включающее в себя понятие мотивированности, то в определение идиоматичности моделей предложений входят такие понятия, как нерасчлененность, семантическая целостность, немотивированность. Однако такой признак, как образность, должен, на наш взгляд, опираться на языковую форму. Такой признак, опирающийся как на структуру предложений, так и на форму лексического выражения и даже функциональную значимость широкого контекста, мы имеем в идиоматичности моделей предложений. Так, если в образности находит отражение какой-то признак, противопоставление его другим признакам, то в идиоматичности моделей предложений находит выражение усиленный коммуникативный эффект, который базируется на слабой предсказуемости членов модели предложений как в структурном, так и в семантическом планах.

Предсказуемое следует рассматривать обязательно в двух аспектах: слабая возможность предсказания структуры предложения из-за ее необычности, с одной стороны, и почти невозможность предсказания лексического значения опреде-

ленных членов модели предложения — с другой. Для усредненно-образных моделей характерна слабая предсказуемость лексического значения модели предложения в ее зависимых позициях, чаще всего в позициях N_4 и PN . Заполнение этих членов модели предложения лексическими единицами, как бы «несовместимыми» с семантикой глагола (точнее, со значением глагола в исходной структурно-функциональной модели предложений), приводит к тому, что образ «нарушается» в рамках модели предложения, а это означает выхолащивание лексического значения глагола, превращение его в полуслужебный глагол, который входит в аналитическую конструкцию, согласно терминологии Н.И. Чернышовой [1], или в конструкцию с функциональными глаголами согласно терминологии К. Даниэльса [4].

В усредненно-образных моделях предложения наиболее ярко проявляется асемантизирующая функция идиоматичности моделей предложения. Это явление асемантизации глаголов и превращения моделей предложения в особые синтагматические модели предложения, способные выражать аспектные значения, которые иначе в немецком языке не могут быть выражены, имеет широкое распространение.

В. Клаппенбах пишет: «Die lange Zeit vorherrschende Meinung, dass sie nur ‚steifleinene Gewandstücke‘, ‚Larvenformen des Zeitwortes‘, ‚Sprechbeulen‘ seien, die besser durch das einfache Verb ersetzt würden, ist heute durch intensive Studien dieser Bildungen widerlegt» [5: S. 226].

Аналитические конструкции употребляются исключительно в рамках структурно-функциональных усредненно-образных моделей предложения. При этом идиоматичность моделей предложения выражается в структурно-семантическом плане, а именно: замещением отдельными непредсказуемыми представителями предсказуемого класса существительных. В рамках одной и той же модели предложения могут сосуществовать модели предложения, обладающие образностью, и модели предложения, утратившие эту образность, можно сказать, имеющие нулевую образность. В этом отношении можно сравнить следующие примеры:

Das geht ins Blut. — Der Plan geht in Erfüllung.

Сложнее обстоит дело с взаимоотношением образности и идиоматичности в рамках контекстуально-терминологических моделей предложения. Под контекстуально-терминологической моделью предложения мы понимаем такое предложение, в рамках которого глагол имеет конкретное значение, правда, отличное от прямого значения глагола в исходной модели предложения. Эта модель предложения может быть употреблена только в определенном контексте (например, употребление: Die Schicht sperrt в техническом тексте).

Идиоматичным является здесь не лексическое заполнение определенного члена, а необычность контекста, его специализация. При этом, как мы только что отметили, стержневой глагол имеет конкретное значение. Благодаря этому возможен переход этих глаголов в другие семантические группы. Пониженная степень образности модели предложения связана с определенным

структурным признаком, а именно: с уменьшением количества членов модели предложения вплоть до минимального.

Meine Rolle saß, sie saß so gut.

Повышенная образность представляет собой явление, которое, может быть, особенно заметно на фоне остальных фразеологических моделей предложения. Сказать так — значит признать субъективный критерий выделения этих фразеологических моделей предложения. Но наряду с этим несколько субъективным функциональным признаком большую роль играет и структурный признак. Опираясь на число членов коммуникативно-сильной модели предложения, мы можем производить отсчет числа элементов модели предложения как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения. При уменьшении числа членов по сравнению с числом членов коммуникативно-сильной модели предложения мы имеем дело с моделью предложения пониженной образности. При увеличении числа членов модели предложения хотя бы на один член возникает модель предложения с повышенной образностью. Мы можем рассмотреть ряд моделей предложения, в которых увеличение числа членов создает прочный образ.

Nur die scharfblickende Frau lies sich nicht ein X für ein U machen [7].

В этом предложении коммуникативно-сильной является модель NVN_4 . Два члена N_3 и P_4N_4 являются здесь превышением нормы по сравнению с составом контекстуально-сильной модели предложения. Возьмем следующий пример:

Man muss ihm Feuer unter den Hintere machen [7].

Для этой языковой актуализации контекстуально-сильной моделью предложения является модель предложения NVN_4 . Здесь также два члена являются дополнением к составу контекстуально-сильной модели предложения, а именно: члены N_3 и $P_{3/4}N_4$. В этом примере, как и в предыдущем, в качестве одного из дополняющих членов модели предложения выступает N_3 . Этот элемент, играющий особую роль в создании дополнительного значения интенсивности, может служить целям создания прочного образа, если N_3 может быть приравнен члену P für N_4 . Дательный падеж в этом случае является *Dativus commodi* (с точки зрения управления свободным дательным падежом), этот дательный падеж относится к обязательным членам фразеологической модели предложения.

Возможны модели предложения повышенной образности и без члена N_3 :

Ich kann für ihn meine Hand ins Feuer legen [7].

Sie fahren gut mit einem Buch aus der Stadtbezirksbibliothek Lichtenberg
[настенная реклама в Берлине].

В этих случаях превышение нормы по сравнению с составом соответствующих исходных моделей предложения будет либо один член P für N_4 либо два — $P_{mit}N_3$ и D_M . В последнем случае можно отметить избыточность двух членов модели предложения. Это связано с тем, что для глагола *fahren* возмож-

ны две коммуникативно-сильные модели предложения (в отличие от одной-единственной исходной структурно-функциональной модели предложения для каждого глагола): $NVP_{mit} N_3$ и NVD_M . Фактически возможно даже большее число коммуникативно-сильных моделей предложения с этим глаголом. Так, для глагола *fahren* модель предложения $NVP_{3/4,3} N_{4,3}$ (*Wir fahren nach Berlin*) является также коммуникативно-сильной моделью предложения. При этом важно учитывать, что в рамках модели предложения *Sie fahren gut mit einem Buch* имеет место слияние двух коммуникативно-сильных моделей предложения, а именно: моделей предложения $NVP_{mit} N_3$ и NVD_M . При установлении моделей предложений с повышенной идиоматичностью играет роль и идиоматичность лексического заполнения модели предложения. Но не этот критерий является релевантным при нашем подходе к выделению моделей предложения с повышенной образностью, тогда как в моделях предложения с пониженной и усредненной степенью образности именно этот момент является основным критерием выделения. Необходимо отметить, что для двух групп моделей по нашей классификации именно момент лексической идиоматичности является ведущим. Важность этого момента становится особенно ясной при учете того, что фразеологические модели предложения с усредненной образностью являются обычно вариантами предложений с той же структурой, но уже с прямым значением глагола, то есть фразеологизированными моделями предложения.

На модели предложения с повышенной образностью мы можем наложить еще одно ограничение, заключающееся в том, что эти модели предложения не могут быть отнесены к фразеологизированным моделям предложения. Это значит, что у модели предложения с повышенной образностью не может существовать варианта с прямым значением в форме коммуникативно-сильной модели предложения (чаще всего являющейся исходной структурно-функциональной моделью предложения).

Для определения состава моделей предложения с повышенной образностью нужно еще раз остановиться на особой роли члена N_3 . Интересно, что член N_3 может быть обязательным членом модели предложения с прямым значением. Модель предложения может также являться фразеологизированной структурно-функциональной моделью предложения, то есть моделью предложения с дополнительным грамматическим значением. Так, глагол *geben* порождает при наличии члена N_3 первый тип предложения, глагол *steigen* — второй тип модели предложения.

Er steigt uns aufs Dach [9].

В этом предложении речь идет о трубочисте, модель предложения имеет прямое значение и дополнительно синтагматическое значение интензивности.

Alkohol steigt ihm in den Kopf [8].

В приведенном примере модель предложения имеет переносное значение усредненной образности. Член N_3 во фразеологизированных моделях предложения мы в расчет превышения числа членов не включаем. Мы считаем,

что фразеологизированные модели предложения не могут являться моделями предложения с повышенной образностью.

Важным является установление границы, отделяющей образные модели предложения, способные превращаться в модели предложения с аналитическими конструкциями, от образных моделей предложения, не способных к такому превращению. Граница проходит в структурно-семантических рамках моделей предложения с усредненной образностью. Все, что лежит ниже этой границы по интенсивности выражения образности, способно образовывать аналитические модели предложения. Все модели предложения, обладающие образностью более высокой, чем усредненная образность, не допускают превращения фразеологических моделей предложения в модели предложения с аналитическими конструкциями.

Следует специально подчеркнуть, что эта граница проходит именно внутри моделей предложения с усредненной образностью, так как ряд моделей предложения с усредненной образностью (например, некоторые модели предложения, содержащие член N_3) не могут служить базой для образования моделей предложения с аналитическими конструкциями. Ведущим критерием определения базовой модели предложения для аналитической конструкции является отношение модели предложения к коммуникативно-сильной модели предложения. Если коммуникативно-сильная модель одна, и притом ярко выражена, стержневой глагол легко подвергается абстрагированию, превращению в функциональный глагол. Такую большую функциональную силу можно наблюдать, например, у глагола *kommen*.

Коммуникативно-сильной моделью для этого глагола является модель предложения $NVP_{3,3/4} N_{3,4}$. Эта же модель предложения служит базой для употребления аналитических конструкций с глаголом *kommen*. Но наряду с такими случаями употребления, как *Endlich kommt man zum Entschluß*; *Das Wort kam zum Abdruck*; *Diese Wendung kommt in Gebrauch*; *Das Gespräch kommt in Gang*, возможно употребление этой же модели предложения как усредненно-образной:

Ob er auch dazu kommt, ...steht vorerst in den Sternen geschrieben [8].

То же самое можно отметить относительно моделей предложения с усредненной образностью, порождаемых глаголом *bringen*. Наряду со случаями, когда имеет место абстрагирование значений глагола (*Man bringt die Verhandlungen zum Stillstand*; *Man bringt die Frage zur Debatte*; *Man bringt das Wort zum Abdruck*) можно также отметить и употребление глагола *bringen* в усредненно-образной модели предложения.

Mir lag und liegt daran, nicht ein System an den Mann zu bringen, sondern Probleme aufzuwerfen [8].

При рассмотрении второго определяющего фактора фразеологизации — идиоматичности, как структурной, так и лексической, напомним, что относительно семантической и контекстуальной идиоматичности нам удалось уже отметить ряд закономерностей, а именно: роль структурно-семантической идиоматичности для усредненно-образных моделей предложения и контекстуальной идиоматичности

для моделей предложения с пониженной образностью, т.е. для контекстуально-терминологических моделей предложения. Модели предложения, содержащие структурную идиоматику, обладают разрушенной образностью, которую мы приравниваем к нулевой. Так, в нижеследующих примерах мы имеем разрушение образности, т.е. нулевую образность:

1. *Als Mitglied des Wirtschaftsbundes werden wir auf dieses Angebot groß einsteigen* [8].

2. *Welcher König darf ohne äußerste Not den ersten Schritt tun, der unabwendbar zu solchem Entsetzen führt, anstatt behutsam an den Schrecken der Schöpfung nicht zu rühren?* [10].

3. *Er rührte an den Schlaf der Welt* [6].

4. *Wie schwer er an diesem Unglück trug* [10].

5. *Er hat offenbar in seiner Besessenheit nur einem Ziel gelebt: die Geliebte entgütlich zu erobern* [9].

6. *Damit wissen wir uns auch in Übereinstimmung mit bestimmten Tendenzen in der Linguistik selbst* [8].

7. *Er sagt, wir gehören alle an die Wand gestellt* [9].

8. *Es setzt Schlüge* [8].

Из приведенных примеров следует, что структурная идиоматика может выражаться различными способами. Образность моделей предложения может разрушаться в связи с употреблением дивергентного предлога (под дивергентностью предлога мы понимаем несоответствие его пространственной семантики с пространственной семантикой глагольной приставки) (1), употреблением после предлога необычного падежа (2, 3), употреблением предложной группы с заведомо переходным глаголом, выражающим дуративность (4), употреблением дательного падежа адресата при глаголе, неспособном обычно выражать направленность действия (5), свертыванием придаточного предложения до объективного и предложного отношения (6), свертыванием придаточного предложения до причастной группы (7), выражением действующего лица через безличное местоимение (8).

Мы не претендуем на исчерпывающее освещение случаев структурной идиоматики. Уже приведенный список примеров и их разбор показывает, что в немецком языке имеются довольно широкие возможности для ее выражения.

При полном отсутствии образности структурно-идиоматические модели предложения и модели предложения занимают в иерархии фразеологичности первое место, которое они разделяют с моделями предложения повышенной образности. Объединяет эти как будто совсем разные языковые явления то, что ни те, ни другие модели предложения не являются, с точки зрения структуры, предсказуемыми. Таким образом, мы считаем структурно-идиоматические модели предложения и модели предложения с повышенной образностью высшей ступенью фразеологизации.

На низшей ступени фразеологизации стоят контекстуально-терминологические модели предложения и модели предложения с аналитическими конструкциями, так как их структура может быть до некоторой степени предска-

зана, о чем свидетельствует то, что наряду с полным составом контекстуально-терминологических моделей предложения широко развито употребление усеченного состава (например: *Er legte ab* вместо *Er legte der Mantel ab*). В отношении аналитических конструкций достаточно отметить прогнозирование не только структуры, но также заполнение структуры на уровне классов слов.

Все, что остается в числе фразеологических моделей предложения после вычета моделей предложения с повышенной образностью, контекстуально-терминологических моделей предложения, а также моделей предложения с аналитическими конструкциями, следует отнести к средней ступени фразеологизации.

Список используемых индексов

- N — существительное (или его заместитель) в именительном падеже.
 N_3 — существительное (или его заместитель) в дательном падеже.
 N_4 — существительное (или его заместитель) в винительном падеже.
 P_3 — предлог, требующий дательного падежа.
 P_4 — предлог, требующий винительного падежа.
 $P_{3/4}$ — предлог двойного управления (предлог, требующий либо дательного, либо винительного падежа).
 D_M — наречие образа действия.
 V — финитный глагол.

Литература

1. Чернышова И. И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970.
2. Шмелев Д. Н. О понятии «фразеологическая связанность» // ИЯШ. – 1970. – № 1. – С. 20–27.
3. Bühler K. Sprachtheorie. – Jena: G. Fischer Vlg., 1934. S. 343–349.
4. Daniels K. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. – Düsseldorf: Schwann Vlg., 1963.
5. Klappenbach R. Probleme der Phraseologie // Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität, Leipzig. – 1968. – Heft 2/3. – S. 226.

Список источников

6. Becher J. R. Gedichte. Winterschlacht. – Berlin: Aufbau Vlg., 1960.
7. Brecht B. Kalendergeschichten. – Leipzig: Philipp Reclam jun., 1979.
8. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2004–2005.
9. Hartung H. Wir Wunderkinder. – Berlin: Droste Vlg., 1968.
10. Werfel F. Jeremias: Höret die Stimme. – Frankfurt a. M.: Fischer-Taschenbuch Vlg. 1962.

В.А. Собянина

Оценочность разговорной лексики терминологического происхождения

In this article evaluative informal units which appeared in German language on the basis of terminological vocabulary are considered. The evaluation concept is defined at the beginning of the article. Further two main functions of the researched units in German informal language such as melioration and pejoration are stressed. Particular attention is given to euphemisms and their usage in every day language by analyzing the ameliorative vocabulary. Pejorative signs which can determine different shades of evaluation meaning in the context play a considerable role in German informal language.

Both meliorations and pejorations actualize the evaluation on semantic and word formation levels. It is necessary to underline that they are important stylistic and expressive means arranging informal German language in specific way.

Ключевые слова: разговорная лексика, коллоквиализм, мелиоратив, эвфемизм, пейоратив.

Терминологическая, специальная лексика, несмотря на свою «отдаленность» от разговорной речи, все же принимает участие в образовании разговорных единиц, то есть в некоторой степени влияет на нее. Разговорная лексика может появляться как на основе целых терминологических слов, так и их отдельных компонентов. Этот процесс свидетельствует о взаимодействии специальной и обиходно-разговорной лексики в языке.

Разговорная (коллоквиальная) лексика, появившаяся на основе терминологических единиц, неоднородна по своему составу и имеет ряд особенностей. На некоторых из них хотелось бы остановиться. Довольно большой пласт немецких разговорных единиц такого рода, по данным автора, содержит в своей семантике элемент оценки, т.е. употребляется в оценочной функции (70%).

Е.М. Вольф считает оценку одним из видов модальности, накладывающейся на дескриптивное содержание языкового выражения. Структуру оценки она представляет как определенную модальную рамку, относящуюся к прагматическому аспекту высказывания [2: с. 11]. Будучи семантическим понятием, оценка включает в себя ценностный (аксиологический) аспект значения языковых единиц и подразумевает «ценностное отношение между субъектом и объектом» [2: с. 22]. В связи с этим среди ученых издавна ведется спор от-

носителем того, что же является определяющим в оценке — субъективный фактор (субъект в его отношении к объекту) или же объективный — свойства объекта. В последнее время многие ученые сходятся во мнении, что в оценке «всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным» [2: с. 22].

В данной статье оценочность по отношению к коллоквиализмам, образованным на основе терминов и профессионализмов, будет рассматриваться в двух вариантах — как мелиорация и пейорация, поскольку преимущественно в этих двух функциях выступают исследуемые оценочные коллоквиализмы.

В разговорной речи коллоквиализмы могут выполнять мелиоративную функцию [1]. Мелиорация — понятие, «отражающее тенденцию в языке и речи к сознательному оценочному завышению или маскировке при обозначении определенных объектов действительности» [11: с. 62]. Этот факт, очевидно, объясняется тем, что терминам присущи некоторые признаки, позволяющие выступать им в этой функции. Пригодность терминов и самих коллоквиализмов для роли мелиоративов обусловлена типичными свойствами терминов — стилистической нейтральностью, отсутствием ассоциаций, некоторой научностью. То есть термины представляют собой преимущественно нейтральную лексику, а некоторые из них благодаря своей научной маркировке имеют заряд мелиоративности. Иные докладчики из соображений престижности любят вводить в свою речь как можно больше терминов, подчёркивая тем самым научное достоинство своего доклада, высокий уровень собственной образованности.

Итак, установлена одна из причин образования мелиоративов на терминологической основе — придание определенной престижности высказыванию. Особенно активна в этом отношении заимствованная лексика, так как заимствования, в наше время прежде всего английские, дань моде и умышленно употребляются в речи, несмотря на наличие в родном языке подходящих для данной ситуации слов.

Мелиорация может быть связана также с выражением симпатии, восторга по отношению к чему-либо: *Stimmungsbombe*, *-kanone*: (ugs. scherzh.) jemand, der (als Unterhalter) für Stimmung sorgt (душа компании, весельчак); *Schnuddelbombe*: nettes, zärtliches Mädchen (о милой девушке).

Помимо мелиоративов, вызванных модой, существуют такие коллоквиализмы на терминологической основе, назначение которых — придать «улучшение» самому денотату, устранить его непрестижность, немодность (в отличие от первого случая), скрыть и саму имеющуюся в языке форму слова. Чаще всего вторичная номинация такого рода затрагивает обозначения профессий, род занятий: *Rotundenfrau*: (ugs. veraltend) Toilettenfrau (уборщица туалета). Слово *Rotunde* из области архитектуры обозначает тип здания с круглой кры-

шей, поэтому название рода занятий с этим компонентом более привлекательно и престижно, чем имеющееся в языке прямое Toilettenfrau. *Haferlokomotive: Pferd* (потеря былого значения, роли лошади). В названных случаях мы имеем дело с **эвфемизмами** — видом мелиоративов, единиц, скрывающих истинную суть вещей (нем. verhüllendes Wort; Hüllwort; Deckname). Потребность в эвфемизации может быть вызвана также другими причинами. Эвфемизм может выступать в роли обозначения, смягчающего высказывание: например, при сообщении неприятных известий, а также для обозначения людей с умственными и физическими недостатками и прочее. Назначение эвфемизмов заключается, как пишет Л.П. Крысин, в стремлении «избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта» [7: с. 391]. Некоторые лингвисты называют три мотива эвфемической замены — психологический (страх при произношении того или иного слова), социальный, связанный с нормами и условностями общества, и лингвистический [9: с. 171]. Лингвистический аспект имеет два признака — обозначение негативного денотата, «под которым понимается предмет или явление, отмеченное негативным отношением к нему, в силу которого прямое наименование предмета невозможно» [9]. Второй признак связан с тем, что в результате косвенности номинации у предметов и явлений появляются положительные ассоциации.

Эвфемизмы могут использоваться также с целью завуалировать истинное назначение денотата, деятельность человека, которая осуждается обществом, является его пороком, т.е. выступают в маскировочной функции, как камуфляж (преступная деятельность и ее атрибуты — пьянство, наркомания, проституция): *Drogeriologe: Rauschgiftsüchtiger* (наркоман); *M-Vitamin: Morphium*; *Horizontale: (salopp scherzh.) Prostituierte*; *Bleihammernarkose: kräftiger Faustschlag* (Schweiz.) (сильный удар по голове).

Эвфемизмы активно используются для замены слов сферы сексуальных отношений, при обозначении органов тела, предметов туалета, белья и т.д. для того, чтобы избежать прямого называния, не принятого в обществе (замена табуированных слов): *Weichteile: (ugs.) männliche Genitalien*; *Darmdiesel, Durchmarsch: (salopp) Durchfall* (диарея); *Ventil: Schließmuskel der Harnblase*. Коллоквиализмы такого рода могут сами и не называть денотат, но употребляться в ситуации, касающейся интимной сферы. В этом случае их употребление вызвано общественно-эстетическими причинами, правилами приличия: (речь идет о священнике) «Keine Kinder?» Nun endlich grinste er wieder. «Haben die denn **keinen** zwischen den Beinen?» «Doch, genau wie wir, aber **der** ist *außer Betrieb, stillgelegt*», sagte ich und mußte lachen [15: с. 241].

В качестве эвфемизмов могут выступать фразеологизмы, которые образовались на основе сочетаний терминологического характера: *jmdm. ist der Lauf eingerostet* (Soldatenspr. scherzh.; jemand ist impotent).

Таким образом, мелиорация может вызвать экспрессивный эффект путем резкого скачка от слова с некоторыми отрицательными коннотациями, семы — к положительным. Явление внедрения в отрицательную семантику слова положительной семы, замена и взаимодействие полярных явлений кажутся в какой-то степени парадоксальным феноменом и не могут не вызвать экспрессивный эффект. Он возникает на основе неожиданной номинации какого-либо непрестижного предмета, деятельности, а также при замене фонологического облика слова на более благозвучный, или же при замещении табуированных слов.

Вот еще несколько примеров эвфемизмов, образованных семантическим и словообразовательным путем: *Akustik*: hier ist die Akustik schlecht: (пазг. эвф.) здесь плохой воздух, плохо пахнет; *Rotunde*: (ugs. veraltend verhüll.) rund gebaute öffentliche Toilette; *Handbetrieb*: (salopp scherzh.) Onanie; *Fehlsteuerung*: Homosexualität.

Мелиорация — важное стилистическое средство, оформляющее высказывание. Во многих случаях она просто не отделима от экспрессивной и оценочной функций и совместно с ними создает стилистический и юмористический эффект.

Значительная часть коллоквиализмов (около 50%) выступает в пейоративной функции и связана с отрицательной оценочностью. Под пейорацией понимаются семантические преобразования, в результате которых появляется негативный оценочный компонент в структуре значения [6: с. 3–5]. Иными словами, речь идет о внедрении семы с отрицательной оценочностью в семантику безоценочного слова. Иногда из пейоративных единиц выделяют дисфемизмы (в противоположность эвфемизмам), имея в виду замену эмоционально и стилистически нейтральных слов более грубыми, пренебрежительными. Пейоративную лексику в некоторых работах называют инвективной (инвектива), понимая под этим термином «языковые средства, негативно характеризующие предмет номинации и оскорбляющие эстетическое чувство и достоинство человека» [5: с. 3]. В этом случае инвективная лексика стоит на самой нижней ступени пейоративной шкалы.

Явление пейорации в последнее время находится под пристальным вниманием лингвистов, точно так же как проблема оценки и оценочности вообще, поэтому пейорация в основном рассматривается в ее рамках (см. диссертации Н.Б. Савинкиной, И.И. Кремиха и других).

При исследовании явления пейорации неизбежно встает вопрос об отношении субъекта и объекта пейоративной оценки. Чаще всего приходят к выводу об их взаимодействии. Высказывается предположение, что пейорация осуществляется не с позиции субъекта — его отрицательного отношения к объекту, а связана с его реакцией на негативно-оценочные признаки объекта [6].

Появление пейоративных оттенков значения у коллоквиализмов вызвано в большинстве случаев отрицательной оценкой того или иного явления действительности, предмета. Чаще всего это касается внешности человека, оценки его духовных и физических качеств, поведения, свойств, вызывающих по каким-либо причинам антипатию: *Feldwebelton*: (*abwert.*) *scharfer, befehlender Ton* (грубый, менторский тон). Данный пример подтверждается в корпусах текстов Института немецкого языка в Маннгейме: *Zum Abschied erzählte sie von ihrem ersten Arbeitstag beim Kreis: In ihrem Büro standen ein Stuhl, ein Schreibtisch und ein Telefon. Ein Mitarbeiter brachte ihr ein Telefonverzeichnis der Kreisverwaltung. Dazu der Hinweis «im Feldwebelton», dass sie sich das mal anschauen soll, dann würde sie schon verstehen, wie die Verwaltung organisiert sei* [14: с. 1]. Примеры из других источников: *Karbolfeldwebel*: (*пазг. унич.*) властная, очень строгая медсестра; *Schwachstrom-Akademie*: (*молод. жарг.*) школа для детей с физическими и психическими отклонениями: «*Guck sie dir an, die Nullchecker von der Schwachstrom-Akademie*» [12: с. 119]. Хотя в последних двух примерах сама номинация носит эвфемистический характер, слово воспринимается все же как единица с негативной оценочностью.

Оттенки пейорации могут быть самые разнообразные: ирония, насмешка, презрение, ненависть и т.д., то есть ее спектр может быть достаточно обширным — от шутивно-ироничной экспрессии обиходного общения до уничижительной экспрессии грубой фамильярности. Уничижительный момент значения находит отражение в толковых словарях: там такие единицы имеют обычно помету *abwertend*.

Пейоративы могут выступать даже в роли ругательств (высшая степень проявления пейорации): *Gipskopf*: (*ugs. abwertend*) *einfältiger Mensch, Dummkopf* (oft als Schimpfwort); *Betonkopf*: «*Wer heute die Rolle des Autos kritisch sieht, gilt schnell als weltfremder Gegner des Fortschritts, als Betonkopf*» [16].

Основная часть пейоративной лексики терминологического и профессионального употребления образуется словообразовательным путем, при помощи основосложения и суффиксации. Пейоративные единицы указанного типа вызывают экспрессивный эффект, который возникает в процессе словообразования добавлением к специальному слову стилистически маркированного компонента. Он и придает всему слову пейоративный оттенок. Стилистически маркированным компонентом может быть само специальное слово, если оно уже прошло путь семантического преобразования ранее: *Quadratschnauze*: (*salopp*) *Mund* (im Hinblick auf dreiste o.ä. Äußerungen (горлодер, хвастун); *Gebärmachine*: (*salopp abwert.*) *Frau, die in relativ kurzen Abständen immer wieder ein Kind bekommt*.

Пейоративность может возникнуть при суффиксации: *Raseritis*: неумная страсть к быстрой езде; *Pilleritis*: чрезмерное употребление таблеток. Суффикс *-itis*, участвующий в словообразовании, — специфический слово-

образовательный элемент медицинских терминов, поэтому ассоциируется с неприятными болезнями. Это и придает слову в некоторых случаях пейоративный оттенок. В последующем примере одновременно уживаются как пейорация, так и мелиорация: *Arschäologe: Arzt für Hämorrhoidalleiden*. Суффикс *-loge* — серийный компонент терминологической лексики, обозначающей специалистов различных сфер, ассоциируется с престижными профессиями, специальностями, родом занятий и производит мелиоративный эффект. Но мелиоративный оттенок нейтрализуется сниженной основой.

Особенно сильной пейоративностью отличается язык молодежи, в котором значительная часть лексических единиц содержит негативную эмоциональную оценку: *Dreitonner*: 1) о непривлекательной девушке, 2) о полной девушке: «Guck dir mal den *Dreitonner* dort drüben an! Mit so 'nem *Dreitonner* willst du mich connecten?» [13: с. 45].

Пейоративность возникает также чисто семантическим путем, особенно при семантической номинации «предмет – человек»: *Schraube*: (*ugs. abwert.*) etwas absonderliche, (mürrische) ältere Frau (*зруб.* старая баба, карга, сумасбродка); (*Jugendsp.*) hässliches Mädchen (о непривлекательной девушке). Сравнение человека и его качеств с предметом, неживым объектом вызывает экспрессивный эффект. Продуктивна также номинация «представители животного мира — человек»: *Huäne*: (*разг. унич.*) о жадном, жаждущем наживы, бесцеремонном человеке; *Brut*: (*нпезр.*) отродье, исчадие. В этом случае при помощи названий животных выражается негативное отношение к некоторым человеческим качествам и действиям.

Другие случаи семантической пейорации: *Stehgeiger* (о скучном, безынициативном человеке): (*Jugendsp.*) *Bequemling, Langweiler, Person, die nur passiv herumsteht und keinen Unternehmungsgeist zeigt (aus der Orchestersprache)*. Помимо языка молодежи это слово встречается также в журнальных и газетных статьях со значением «мужчина, находящийся под влиянием женщин, зависимый от них, пассивный тип»: «Alles, was die Frauenbewegung den Machos abgerungen und anerzogen hat, wird jetzt wieder gegen sie verwendet: Man nennt sie Sitzpinkler, Müsliesser, *Stehgeiger*, ja sogar *Eincremer, Frühbucher* und *Schattenparker*, und bald werden *Milchtrinker, Halmaspieler* und *Türaufhalter* nur noch *Verunglimpfungen des dressierten Mannes sein*» [17: с. 49]; некоторые другие примеры: *Schrapper*: (*унич.*) жадина, хапуга; *Mimose*: (*часто унич.*) очень чувствительный человек.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в контексте вместе с пейоративами могут появляться слова-интенсификаторы, усиливающие пейоративный эффект. В этой функции чаще всего выступают личные и указательные местоимения: «Und das alles wollen diese *Betonideologen* abreißen. Dagegen muss man einfach was tun, Lothar» [15]. Здесь речь идет о намерении властей одного из городов ФРГ снести старый поселок и на его месте постро-

ить доходное предприятие. Отрицательную оценку данного плана собеседниками содержит слово *Beton*, а местоимение *diese* дистанцирует говорящего от объекта высказывания и усиливает пейоративность. Компонент *Beton* служит негативной характеристикой людей, занимающихся данным вопросом: «бетонные идеологи», т.е. люди, не проявляющие какой-либо жалости, непробиваемые, жестокие; их невозможно переубедить (сравните: *Betonkopf*: фам. «твердолобый», «дубина»).

Таким образом, местоимения могут указывать на пейоративность следующего за ними слова и усиливать его. Говорящий в этом случае либо иронизирует, либо осуждает что-либо, показывает свою антипатию к чему-либо: «...ich weiß aus Erfahrung, Lothar, je uniformierter *diese Schmalspurbeamten* sind, desto überzeugter sind sie. Sie sind immer überzeugt, egal, was ist» [15: с. 177]. Такие пейоративы ближе всего к ругательствам. Сравните в русском языке: «эта дура», «этот идиот». Здесь речь идет о расширении функций грамматических частей речи, которые выполняют в разговорной речи специфическое задание. Информацию об этом явлении мы находим у Т.С. Морозовой [8: с. 204–206] и у И.И. Сущинского [10]. Местоимения типа *diese*, *jene* употребляются совместно с существительными в экспрессивно-оценочном значении отчуждения предмета речи от говорящего: «не мое, не близкое мне и не одобряемое мной» [8: с. 206].

Пейорация и мелиорация — это две противоположные тенденции развития значения слов, но во многих случаях их противоположность относительна. Общим для них является то, что и в том, и в другом случае искажается зафиксированное языком значение: в одном случае оно занижается, а в другом завышается. Обе тенденции характерны для лексики, образованной на базе терминов и профессионализмов в разговорной речи. Есть случаи, когда тип оценки (положительной или отрицательной) можно определить только в контексте, так как может реализоваться и то, и другое. Так, в словаре немецкого молодежного языка «Voll konkret» зафиксировано два типа оценки у слова *Durchblickologe*: 1) (*positiv*) Person mit Durchblick (о предусмотрительном, понимающем человеке); 2) (*negativ*) Person mit langer Leitung (о тугодуме, «до него с трудом доходит»).

Сравнение предметов и явлений действительности, способность произвести перенос делают нейтральную единицу «термин» пригодной для положительного и отрицательного выражения отношения. При этом объект вторичной номинации может и не соответствовать действительности и выражать субъективное отношение говорящего. В исследованной лексике пейоративных единиц больше, чем мелиоративных, следовательно, в немецкой разговорной речи в этом существует большая потребность.

Необходимо остановиться еще на одной из особенностей оценочных коллоквиализмов. Оценочность в некоторых случаях связана с эмоционально-

стью, поэтому многие оценочные разговорные единицы выражают чувства и эмоции человека.

Эмоциональность (эмотивность) — прежде всего психологическое понятие и обозначает «свойства человека, характеризующие содержание, качество и динамику его эмоций и чувств» [4: с. 409]. Данный термин в лингвистическом понимании — свойство языковых знаков отражать человеческие эмоции и чувства. Эмотивность языковых единиц связана, в первую очередь, с явлениями и ситуациями, представляющими для субъекта особую значимость и вызывающими у него определенные переживания, а также с отношением к ним. Эмоциональность нельзя отождествлять с оценочностью и экспрессивностью, поскольку они имеют различную природу и выполняют в языке различные функции: эмоциональность — категория психологическая, а оценка и экспрессивность — понятия семантические и могут выражаться материально в лингвистическом знаке [3: с. 5].

В толковых словарях эмоциональность коллоквиализмов, возникших на основе терминологической и профессиональной лексики, иногда отражается пометой *emotional*, но в основном специально не выделяется и входит в содержание других помет, в частности оценочности: *abwertend*, *ironisch*, *verächtlich* и других: *Bombenbesetzung*: (*umg. emot.*) außerordentlich gute Besetzung; *Brechmittel*: (*umg. emot.*) er ist für mich ein Brechmittel (widert mich an); *Maschine*: (*umg. emot.*) von einer dicken, kräftigen Frau: sie ist vielleicht eine Maschine.

Следует, однако, отметить, что некоторые коллоквиализмы обладают нулевой оценкой, т.е. не выполняют оценочной функции: «среди объектов окружающего мира имеется зона, безразличная по отношению к оценке. Это проявляется, в частности, в том, что многие наименования предметов и событий не сочетаются с оценочными словами «хорошо / плохо» [2: с. 17]. Такие единицы возникли также на основе сравнения. Некоторые из них в процессе эволюции значения утратили оценочность и экспрессивность, другие же не имели ее изначально: (*etwas*) *diagonal* lesen: (*ugs.*) nicht Zeile für Zeile lesen, nur überfliegen, um sich einen allgemeinen Blick zu verschaffen; *Telefon*: (*ugs.*) Telefonanruf, –gespräch: Frau Meier, Telefon für Sie! (Br. / Wahrig). Оценочных коллоквиализмов на базе специальной лексики в речи намного больше, чем безоценочных.

Таким образом, коллоквиализмы неоднородны по своей семантической структуре и наличию тех или иных компонентов значения. Одни из них эмоциональны, экспрессивны, оценочны, другие же неэмоциональны, неэкспрессивны и безразличны к оценке. Существуют также другие комбинации компонентов. Эти факты свидетельствуют о взаимодействии составных частей семантической структуры коллоквиализмов и о различных функциях таких единиц в речи: эмоциональной, экспрессивной, оценочной и других.

Литература

1. Бердова Н. М. Эвфемизмы в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Киев: 1981.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985.
3. Ильина Н. В. Структура и функционирование оценочных конструкций в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984.
4. Карпенко Л. А. Краткий психологический словарь. – М.: Политиздат, 1985.
5. Ким А. А. Пейоративные языковые средства современного русского языка (к постановке проблемы). – Таганрог, 2003. – 9 с. Депон. в ИНИОН РАН. Деп. 57981.
6. Кремих И. И. Пейоративы-переосмысления в лексике современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1986.
7. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 384–408.
8. Морозова Т. С. Особенности литературной устной публичной речи (в сфере синтаксиса и построения текста) // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. С. 182–208.
9. Силинский С. В. Эвфемизмы в современной американской прессе // Антропоцентризм в языке и речи: Межвуз. сб. / Отв. ред. Л.П. Чахоян. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 168–174.
10. Сущинский И.И. Коммуникативно-прагматическая категория «Акцентирование» и средства ее реализации в современном немецком языке: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – М., 1991.
11. Шувалов В. И. Стилистические аспекты мелиорации // Прагматика слова. – М.: МГПИ им.В.И. Ленина, 1985. С. 62–68.
12. Ehmman H. Oberaffengeil: aus Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2001.
13. Ehmman H. Voll konkret: Das neueste Lexikon der Jugendsprache. – München: Beck, 2001.
14. Frankfurter Rundschau. – 04. 09. 1997.
15. Grün M.v.d. Flächenbrand: Roman. – Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1981.
16. Oberösterreichische Nachrichten. – 16. 09. 1999.
17. Züricher Tagesanzeiger. – 13. 03. 2000.

В.В. Алпатов

Метафорические оронимы Вестморленда

The paper deals with metaphorical hill- and mountain-names of Westmorland and affords a brief survey of images employed for their formation, as well as variations of *tertium comparationis*.

Ключевые слова: метафора, ороним, топоним.

Исследования метафоры как механизма мышления приобрели большую популярность в лингвистике последних лет. Метафора лежит в основе создания значительного количества языковых единиц, в том числе таких, как топонимы — географические названия, в которых находят отражение представления человека о пространстве и окружающей среде. В связи с этим изучение семантики элементов метафорических топонимов представляет особый научный интерес для исследователей, работающих в рамках когнитивной парадигмы.

В своем труде, посвященном образной номинации в именах собственных [6], М.Э. Рут отмечает, что скалы, камни и горы, имеющие причудливый облик, являются объектами, при назывании которых часто задействована метафора. Анализ образных английских оронимов (названий возвышенностей) в этом плане призван внести свой вклад в сравнительно-типологическое исследование образов, в гористой местности привлекавших внимание имядателя.

На территории исторических графств Вестморленд (Westmorland) и Камбрия (Cumbria) расположен природный заповедник — Край Озер (Lake District), ландшафт которого образуется горами, сопками, долинами и озерами. Разнообразие форм возвышенностей, оттенков камня, а также народные легенды и предания, — всё это способствовало возникновению метафорических оронимов, под которыми в настоящей работе мы понимаем названия частей положительного рельефа местности (гор, сопок, холмов, пригорков, скал, отрогов, мегалитов).

Рассмотрение образных оронимов с точки зрения трехчастной теории метафоры (а) сравниваемое; б) то, с чем сравнивают; в) основание для сравнения)¹ позволяет говорить, что сравниваемым объектом во всех слу-

¹ Ср. «A metaphor becomes a stylistic device when two different phenomena (things, events, ideas, actions) are simultaneously brought to mind by the imposition of some or all of the inherent properties of one object on the other which by nature is deprived of these properties. Such an imposition generally results when the creator of the metaphor finds in the two corresponding objects certain features which to his eye have something in common», см. [8], а также [4].

чаях служит тот или иной вид возвышенности, в первую очередь, каменные мегалиты причудливой формы. Источник сравнения включает, главным образом, понятия, характеризующие большой размер объекта, величественность, округлую или, наоборот, остроконечную форму. Основания сравнения можно сопоставить с принципами номинации. Вместе с тем, в метафорических названиях сложно и нецелесообразно жестко выделять основания сравнения, поскольку они могут быть переплетены в едином комплексе человеческих ощущений.

Форма. Во-первых, существуют географические термины со значением «возвышенность», сами по себе образованные метафорическим путем на основании сходства формы, а именно:

- *bell* «холм, похожий на колокол» < др.-англ. *belle* или др.-сканд. *bjalli* «колокол», например, в названии *Great Bell* II – 16¹.

- *bow* «маленький округлый холм» < *bow* «лук, изгиб», например, в названии *Bowbank* I – 145, *Bowber Head* II – 31;

- *breast* «склон холма» < *breast* «грудь», например, в названии *Bow Mabble Breast* I – 179;

- *helm* «верхушка холма» < *helm* «шлем», например, в названии *The Helm* I – 99.

- *horn* «сильно выдающаяся возвышенность» < *horn* «рог», например, в названии *Longhorn stones* II – 49;

- *man* «тур, груда камней» < *man* «человек», например, в названии *Great-rigg Man* I – 200.

- *seat* «возвышенное место, трonoобразный камень» < *seat* «сидение», например, в названии *Dolphin Seat* II – 29 (от личного имени *Dolphin*). Данный термин не теряет образности в оронимах, о чем свидетельствует то, что образ «кресла», «трона» или другого «сидения» дополняется образом его (подходящего) владельца, ср. *Lady's Seat* I – 195 «Трон Леди», *Lauerdsate* II – 27, *Lord's Seat* I – 226 «Трон Лорда», *Yarlside* II – 176 «Сидение Ярла (графа)».

Закрепление отдельных метафорических переходов в составе географических терминов служит свидетельством того, что подобные сравнения элементов ландшафта с человеком и различными предметами были стереотипными для имядателей. Терминологизация может вести к стиранию образности, ср. рус. *горный хребет*, *макушка горы*, *излучина*, *жерло вулкана*, *рукав реки*, *груда камней* и т.д.²

Существуют оронимы, в которых образ просматривается более живо. Так, в ряде оронимов отмечается сходство формы мегалита или скалы:

с предметом или зданием:

- с церковью (название тура *Gregory Chapel* II – 16 «Григорьева Часовня», мегалита *Kirkstone* II – 223 «Церковный камень»);

¹ Далее ссылки на примеры (номер тома и страницы) приводятся по работе [9].

² Об образной географической терминологии России и некоторых других стран см. работу [5].

- с замком (холм *The Castle* II – 201, *Castle Howe* I – 199 «Замковая гора», где *castle* относится к скале, которая напоминает «старинное разрушенное укрепление»);

- с жертвенником (большой известняковый утёс *Auterstone (Alter stone)* I – 212 < *altar* «алтарь»);

- с решеткой (*Brundreth Stone* II – 52 < др.-англ. *brand-rida* «решетка для поджаривания мяса»: этот рашпиль имел стереотипную форму треноги);

- с фронтоном дома (гора *Great Gable*, скала *Gavel Crag* I – 166, утес *Gavel* I – 200 < др.-сканд. *gafll*, англ. *gable* «фронтон, шипец»: сходство усматривается в утесах, «выдающихся наподобие шипца дома» или подобных крыше со скатами);

- с сидением (*Lady's Seat* I – 195 «Трон Леди», *Lauerdsate* II – 27, *Lord's Seat* I – 226 «Трон Лорда», *Yarlside* II – 176 «Сидение Ярла (графа)»);

- со столом (*Round Table* II – 79 «Круглый Стол», *Lord's Table* II – 36);

- с седлом (*Saddle Crag* II – 176, возможно, < *saddle* «седло»);

- с ярмом (*Yoke brow* I – 168, возможно, < *yoke* «ярмо»).

с человеком:

- со стариком (название горы *Old Man of Coniston*, возвышенности *Knock Old Man* II – 116);

- со старухой (название скалы *Old Woman Playing the Organ* I – 201 «Старушка, Играющая На Органе»);

- с мужчиной (название тура *Greatrigger Man* I – 200, *Seavy Man* II – 13, *Sergeant Man* I – 207, *the Stone-Man* I – 203);

- с мальчиком (*Ladstone(s)* II – 175, *Lad Crags* II – 195, пограничный камень *Lambert Lad* I – 214 < *lad* «парень», три маленьких скалы *Three Little Boys* I – 56);

- с рыцарем (тур *The Knight* II – 226);

- с монахом (название горы *Grey Friar* «Серый Монах», пригорков *Friar head* I – 148, I – 181 «Голова Монаха» < *friar* «монах бродячего ордена»: имеется в виду остроконечная форма монашеского капюшона, ср. название пригорка *Friar's Hood* «Капюшон Монаха» < *hood* «капюшон», частотные немецкие названия гор в Альпах с элементом *Kogel* < лат. *cucullus* «(монашеский) капюшон» [7: с. 260], а также название вулкана *Hekla* в Исландии < др.-исл. *hekla* «накидка с колпаком или капюшоном» («a cowled or hooded frock» [11]¹);

с животным:

- с быком (одинокая скала *Gray Bull* I – 175 < *bull* «бык»);

- с теленком (гора *The Calf* II – 45);

- с коровой и теленком (*Cow and Calf* [10: с. 214]);

- со львом и ягненком (*Lion and Lamb* I – 201).

В некоторых названиях основанием для сравнения служит **размер** скалы. Так, сравнение с быком (*bull* «бык»), по всей видимости, является неслучай-

¹ Ср. <http://isolde.weebly.com/facts.html>.

ным для больших объектов типа *Gray Bull* I – 175 «Серый Бык», возможно, *Bull Crag* I – 190, I – 199. Интересно сравнить специализированное употребление рус. *коть* для обозначения больших объектов, например, в названиях мегалитов *Коть-камень* [2].

Наоборот, сравнение с теленком (*calf* «теленку») является обычным для маленьких объектов, по свидетельству А. Смита [10: II, с. 240], например, в оронимах типа *Calf Crag* I – 199, *Calf hill* I – 141, *Calf howe* I – 151, *Calfstone* I – 211. Сравнение размеров камней между собой присутствует, без сомнения, и в сравнениях камней с коровой и теленком (*Cow and Calf*), львом и ягненком (*Lion and Lamb* I – 201).

Неоднократно встречается название курганов *Giants' Grave(s)* II – 15 – 25 – 35 – 195 «Могила(ы) Великана(ов)», которое говорит само за себя. Курганы, действительно древние захоронения или похожие на них, связывались в народном представлении с местом захоронения либо *большого*, либо *великого* человека, например, *Adam's Grave* GI «Могила Адама». Показательна связь ряда оронимов с понятием «лорд», «господин», ср. выше *Lord's Seat* I – 226, а также оронимы *Lord's Table* II – 36 «Стол Лорда» и *Round Table* II – 79 «Круглый Стол» — последний, как указывает А. Смит, содержит аллюзию к истории короля Артура.

Семантике *великости*, *выраженности качества* сродни семантика *величественности*. С величественностью, в свою очередь, связано ощущение благоговейного страха. Общеизвестно, что люди почитали горы во все времена, их образ ассоциировался с самым возвышенным (в переносном смысле), могучим, главным, важным. С этим согласуется использование религиозно-отмеченной лексики в образных названиях гор и мегалитов. Распространено сравнение этих объектов с жертвенниками, которые обычно изготавливались из массивных камней, ср. выше *Alter stone* «Алтарный Камень», нем. название каменной гряды на Рейне *Altarstein*. Горы и мегалиты часто сравниваются в названиях с церковью, например, мегалит *Kirkstone* [1].

Семантика *великого* и *величественного* ассоциируется с обозначением такого атмосферного явления, как гроза, которое также встречается в оронимах: несколько гранитных камней, некоторые из которых служат пограничными метками, носят название *Thunder Stone(s)* II – 48 – 52 – 62 «Гром-камень». Исходя из свидетельства А. Смита [10: II, с. 48] о том, что термином *thunderstone* называются камни метеоритного происхождения, это название может объясняться метеоритным (небесным ≈ грозовым) происхождением таких камней в народных представлениях. Представляет интерес сопоставление с рус. «Гром-камень» — названием «валуна, послужившего пьедесталом для конной статуи имп. Петра I. Обнаружен в 1768 в лесу близ д. Конная Лахта местным жителем С.Г. Вишняковым (назывался «Гром-камень» потому что, по преданию, громом у него был отбит угол)» [3].

Литература

1. Алтатов В. В. Апеллятивы со значением «церковь» в английской топонимии // Вопросы ономастики. – Екатеринбург. – 2008. – № 5. – С. 18–35.
2. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. – Екатеринбург: УРГУ, 2000.
3. Богданов И. А. Гром-камень // Энциклопедия Санкт-Петербурга. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ensspb.ru/article.php?kod=2804005242>. – Дата обращения: 27. 08. 2008.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004.
5. Мурзаев Э. М. Образ места // Русская речь. – 1993. – № 1. – С. 99–106; Русская речь. – 1993. – № 2. – С. 91–98; Русская речь. – 1993. – № 3. – С. 87–91; Русская речь. – 1993. – № 4. – С. 88–93.
6. Рут М. Э. Образная номинация в русском языке: ономасиологический аспект: Дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 1994.
7. Bach A. Deutsche Namenkunde / Bd. II (1–2): Die deutsche Ortsnamen. – Tlbd. 1. – Heidelberg: Winter, 1952–1954.
8. Galperin I. R. Stylistics. – М.: Высшая школа, 1977.
9. Smith A. H. The Place-Names of Westmorland / In 2 Vols. – Cambridge: CUP, 1967.
10. Smith A. H. The Place-Names of the West Riding of Yorkshire / In 8 Vols. – Cambridge: CUP, 1965–1967.
11. Zoëga G. Dictionary of Old Icelandic. – Oxford: Glarendon, 1910.

А.В. Богданов

Три аспекта изучения кодирования и декодирования речевой информации

The article covers three different physiological and philological aspects both of oral speech coding and decoding given by three researchers. The urgency and complexity of the topic given are mentioned.

Ключевые слова: код, кодирование информации, декодирование информации, афроамериканский специфический этносоциальный жаргон.

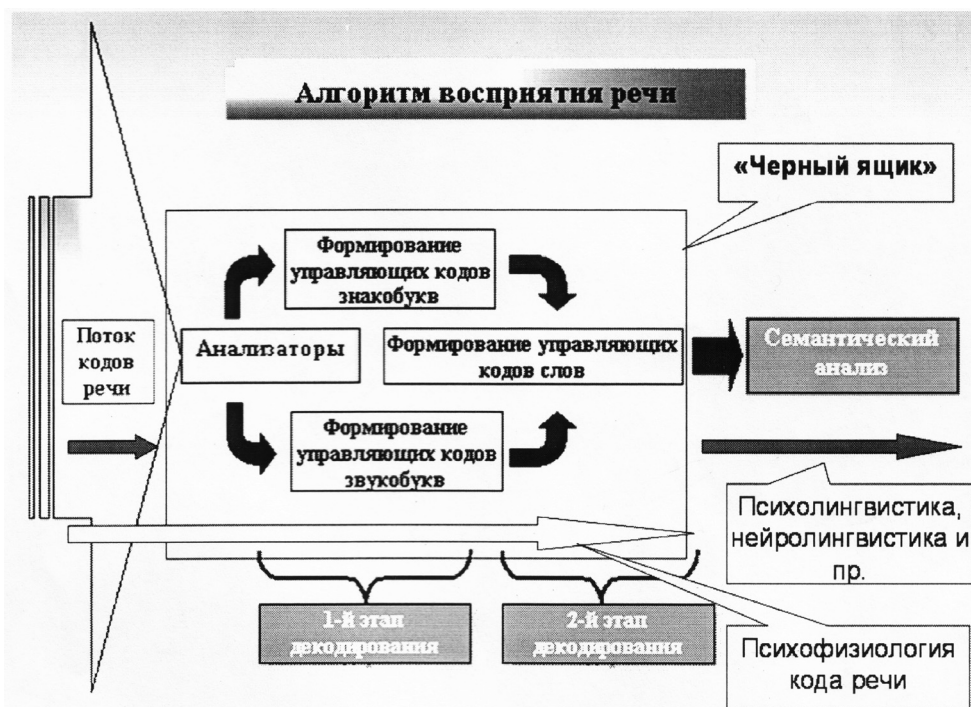
Проблема кодирования и декодирования информации, передаваемой посредством речи говорящего, представляется весьма актуальной. Это связано, главным образом, с постоянной потребностью части общества оставаться в неких закрытых рамках, сохраняя свою самобытность, индивидуальность и уникальность, а также независимость и секретность. В основном это касается общин, представителей национальных меньшинств, отдельных субкультурных объединений, не говоря уже о сферах безопасности в военной, информационной и социальной (например, внутри этнической общины) областях. Помимо этого в процессе развития общества и его возможностей появляются новые течения в культуре, музыке, науке, философии, требующие «расшифровки» информации, идей, смыслов, которые они приносят в наш мир.

Данной проблематике посвящены исследования по физиологии, психологии, лингвистике, что говорит о сложности данного явления и многоаспектности подходов его изучения. Рассматривая процесс восприятия речи с точки зрения физиологии, А.А. Биркин пишет о том, что «в процессе восприятия и воспроизведения речи наблюдается два явления. Первое — это изменения окружающей среды, второе — изменения мозговой деятельности» [1].

Анализируя данный процесс, исследователь приводит следующую схему (Схема 1).

Как следует из схемы, существует два этапа декодирования. Под первым этапом декодирования подразумеваются «процедуры обработки речевой информации, в результате которых формируются управляющие коды (энграммы) знаков букв или звукобукв» [1]. Второй этап декодирования представляет собой «вычисление управляющих кодов слов (энграмм) с использованием кодов букв, полученных на первом этапе» [1].

Схема 1

Исследователь рассматривает функциональный ресурс, затрачиваемый мозгом на обеспечение первого или второго этапов декодирования как динамические нагрузки декодирования речи.

Иначе процесс кодирования / декодирования представила М.В. Филиппова. По ее мнению, «авторский ракурс представляет собой двухуровневое явление и несет в себе как кодовый, так и декодирующий характер, в силу чего он оказывается ведущим и определяющим компонентом при создании драматургического текста, выступающего как законченное сценическое произведение» [4: с. 4]. По мнению исследователя, авторский ракурс в этом плане представляет собой комплексную единицу глубинного уровня, которая схематично передает сюжет произведения в виде особого макета, закодированного в сознании драматурга и переходящего в заверченный текст на поверхностном уровне. Особенность такого макета состоит в последовательном разворачивании событий в закодированном сюжете, которые на глубинном уровне носят прямолинейно развивающийся характер, а на поверхностном уровне могут прерываться различными отнесениями событий ко всевозможным сферам художественного времени и художественного пространства.

Указывается, что авторский ракурс не упрощенное явление глубинного уровня. Это многозвенное образование, состоящее из четырех звеньев: мировоззрение автора, идея пьесы, макет сюжета, образы персонажей.

М.В. Филиппова отмечает, что содержание драматургического текста и создаваемые образы будущих действующих лиц вторичны по отношению

к идее произведения. Отмечается, что «авторский ракурс — это закодированное в сюжете и выраженное с помощью речевых средств на поверхностном уровне миропонимание автора в плане представления идеи, воплощенной в сюжете пьесы и ее действующих лицах» [4: с. 17].

Важно, на наш взгляд, что возникает возможность познать самобытность относительно закрытого социума, его мировоззрение через кодирование / декодирование речи этого самого социума.

В. фон Гумбольдт указывал в свое время на влияние языка как системы мирозидения на поведение и образ мыслей индивида: «Понимание самобытной жизни народа и внутреннего строя отдельного языка, равно как степени его соответствия требованиям языка вообще, целиком зависит от умения увидеть своеобразие национального духа в его полноте» [3: с. 47].

Так, афроамериканский специфический этносоциальный жаргон (далее — АСЭЖ), который используется в современном рэп-дискурсе, нарушает упорядоченность европейского языка необычным использованием стандартной лексики, что придает ему (языку) динамичность и особый колорит. Данный факт объясняет его популярность среди молодежи, а также говорит о специфике и особенностях мировоззрения его носителей.

Надо отметить особое значение практической функции использования двойного значения лексических единиц в АСЭЖ. В одно и то же слово африканец и европеец вкладывают разный смысл. Аллегии и развернутые метафоры помогают афроамериканцам завуалировать значение слов и затрудняют понимание посторонними истинного смысла своей речи с использованием АСЭЖ. Используя стандартные выражения, они скрывают за формальными значениями лексических единиц особый смысл, создавая этим совершенно иную разновидность языка. Афроамериканский подтекст и намек труден для восприятия людям, консервативно использующим английский язык и не принадлежащим к данной общине. Афроамериканцы выработали особую смысловую систему: формально язык остается прежним, но приобретает смысловой подтекст. Понимание данного подтекста требует специальной расшифровки для выявления истинного смысла высказывания.

Этот язык напоминает язык иной реальности или тайного общества. Он позволяет практически открыто общаться на разные темы, обсуждая информацию, не подлежащую разглашению для посторонних, как, например, в спиричуалах (*spiritual* — англ. архаичный духовный жанр хорового пения северных афроамериканцев, национальный мотив африканских народов), где не только встречаются призывы к бунту, но и повествование о вечных темах жизни и смерти, о существовании потустороннего мира и глубоко личная информация.

Причиной употребления образно зашифрованного АСЭЖ считается историческое положение афроамериканцев в прошлом как людей второго сорта. На сегодняшний день данная языковая ситуация сохраняется в основном как дань традиции, но функция умалчивания по-прежнему остается актуальной.

Таким образом, при рассмотрении всего лишь трех аспектов кодирования и декодирования речи можно понять, насколько непростой является эта проблема — предмет исследования различных научных направлений.

Проблематика кодирования / декодирования речи требует пристального, тщательного и комплексного внимания в контексте социально-политических перемен, происходящих в нашем мире: глобализации и, как следствие, отчуждения и обособления отдельных социумов на государственном, межкультурном, этносоциальном уровнях.

Литература

1. *Биркин А. А.* Психофизиология кода речи [Электронный ресурс] // <http://www.asvomed.ru>
2. *Богданов А. В.* Лингвокультурные характеристики афроамериканского рэп-дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.
3. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984.
4. *Филиппова М. В.* Роль авторского ракурса в построении драматургического текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2007.

Н.Г. Епифанцева

**Категория детерминации французского
существительного в свете концепций
Ф. Брюно и Ш. Балли**

The article deals with the problem of category of determination of name French. The article considered is like a grammatical category and an element of the text formation.

Ключевые слова: детерминация имени существительного, эксплицитная детерминация, имплицитная детерминация, актуализация.

Детерминацию (категорию определенности / неопределенности) имени существительного можно считать одним из ключевых вопросов морфологии французского языка. Исследователей всегда интересовало, в чем состоит значение определенности существительного, какова степень осведомленности участников коммуникации о предмете речи, как и какими языковыми средствами реализуется данное значение. В качестве основной категориальной характеристики имени существительного детерминацию, наряду с родом и числом, включают в грамматические описания ведущие отечественные и зарубежные исследователи романистики: Л.И. Илия, Н.И. Штейнберг, В.Е. Щетинкин, а также Ш. Балли, Ж. Дамуретт, Э. Пишон, Ж. Галише, авторы «Грамматики» Ларусс, Г. Гийом, Ф. Брюно — практически во всех общих и специальных работах по французской морфологии. Несмотря на многочисленные исследования и постоянный разноплановый интерес лингвистов к проблеме, категория детерминации включает в себе ряд спорных положений, важных для теории французского языка и его сопоставления с другими языками. Сравнение русского и французского языков в этом отношении, несомненно, достойно внимания, так как языки характеризуются разным грамматическим строем. Учитывая этот фактор, можно с уверенностью предположить, что в сравниваемых языках значение детерминации существительного реализуется в разной степени и разными средствами.

Значение категории детерминации и средства его реализации стали предметом исследования Ф. Брюно. В качестве ответа на вопрос о сущности детерминации учёный приводит следующую ситуацию. Предположим, речь идет о столе (*une table*), о том, что кто-то хочет купить себе стол (*on veut en acheter une*). Покупатель идет в магазин, и продавец, прежде чем показать имеющиеся в наличии столы, просит уточнить предназначение стола (*une table destinée à quel usage?*) и примерную цену, на которую рассчитывает покупатель. Тот отвечает, что ему нужен чайный столик с двойной столешницей, инкрустацией и т.п. (*une table à thé, à double plateau, marquetée, etc*). До этого момента диалога слово *table* не было детерминировано. Оно будет определено, когда покупатель выберет себе (=свой) стол (*la table*). Переход от неопределенности к определенности произойдет тогда, когда покупатель отдаст предпочтение одному из всего множества столов. Он говорит, что берет вот этот стол (*je prends cette table-ci*) и просит быстрее доставить его на дом (*qu'on lui envoie sa table le plus tôt possible*). Не получив во время купленный стол (*la table qu'il a achetée*), покупатель возвращается в магазин посмотреть, там ли его стол (*il vient voir pour la table*) и т.д. Существительное становится определенным, заключает автор, как только у участников коммуникации появляется согласованное представление об индивидуальности предмета речи [1: с. 135]. Таким образом, все детерминировано и нет ничего детерминированного.

Невозможно заранее знать, какие уточнения потребуются для характеристики имени, чтобы оно было определено: в одном случае для этого потребуется одно уточнение, в другом — целый ряд их. Например, на продажу выставлены два рояля — один марки «Erard», другой — «Pleyel». *Вы покупаете «Pleyel»?* В такой ситуации существительное можно считать определенным. А если в продаже несколько инструментов одной марки? Тогда придется указать цену и прочие параметры, и так для каждого предмета, о котором идет речь. *Du tabac à priser* — пример определенного существительного, если в наличии только один сорт табака, в противном случае для определения нужны дополнительные сведения. При этом, они могут образовывать цепочку последовательных уточнений: *le groupe de la statuaire du Moyen Age qui m'a le plus frappé au Louvre; c'est le groupe qui se trouve dans une petite salle du rez-de-chaussée, qui vient de Bourgogne et qui représente des pleureuses portant une dalle funéraire (le tombeau de Philippe Pot)*. А также: *la dame que nous avons rencontrée à la Comédie Française, qui portait une petite toque avec une plume blanche, qui était dans l'avant-scène de droite, et qui applaudissait tout le temps* [1: с. 136].

Одно из средств получения сведений, достаточных для определения существительного — вопрос. При этом можно ограничиться общим вопросом: *on est venu vous demander*. — *Qui?* Однако основной вопрос — это не *qui* = *кто*, а *lequel (laquelle)* = *который (которая)*: *Ton cousin est venu te demander. — Mon cousin? Lequel? — Celui de Nantes*. Еще пример: *Je viens vous demander une faveur. — Laquelle?* Вопросительные слова *qui, lequel* можно считать наиболее общими. Они могут быть дополнены более специальными вопросами,

также выявляющими характеристику предмета, о котором идет речь. Например, кто-то ищет роман для чтения (*un roman*), напечатанный в «Ревю де Пари». Первым вопросом будет: кто автор? (*De quel auteur?*) — *Не знаю.* — Когда роман напечатан? (*Quand a-t-il été publié?*) — *Лет десять назад.* — Каков сюжет романа? (*Quel est le sujet?*) — *Некий француз, переодетый в турчанку, совершает убийство* и т.д. Итак, существительное может быть представлено как определенный и как неопределенный предмет речи.

В свою очередь, средства детерминации могут быть эксплицитными и имплицитными. Эксплицитная детерминация существительного реализуется указательными и притяжательными формами. Указательное местоимение представляет собой прямое средство эксплицитной детерминации. Для определения предмета речи достаточно указать на него жестом: *cette fleur (couleur...) est jolie* = *этот цветок (цвет...) красивый*. Однако значение указательных форм шире, чем просто жест, указывающий на тот или иной предмет. Они могут относиться не только к предметным, но и другим классам существительных, в том числе абстрактным и именам собственным. Определенный артикль в одном из своих значений приближается к указательным формам.

В старофранцузском языке существовала сложная, разветвленная система указательных местоимений, включавших значение близости и удаленности предмета. За несколько веков развития язык сохранил только синтаксически оправданные формы, а частицы со значением локальности стали оформлять при необходимости существительное (*ce livre-ci, ce livre-là*). По сути, определенный артикль, этимологически связанный с указательным местоимением, сохраняет первоначальное значение, хотя и в редуцированном и абстрагированном виде.

Притяжательные формы, указывающие на принадлежность, также относятся к эксплицитным формам детерминации. Притяжательные формы не всегда выполняют детерминативную функцию (ср.: *un ami à moi*). С другой стороны, возможна взаимная замена притяжательного прилагательного и определенного артикля. Речь идет о случаях, когда значение принадлежности вещи лицу определено семантикой слова: *je prends mon café (=le café), cette auto fait ses soixante (les soixante) à l'heure*. В примере: *j'y perdrai la vie, la raison; j'y perdrai mes cheveux* употребление притяжательной формы и определенного артикля можно воспринять как своего рода стилистический каприз [1: с. 155].

Теоретически имена собственные, в том числе географические названия, не нуждаются в детерминации. Определенный артикль оформляет их в случае необходимости внести уточнение, например: *Dieu*, но *le Dieu des Crétiens; Jésus*, но *le Jésus souffrant*. Определение может быть реализовано не только артиклем, но и семантически полнозначными единицами. Могут быть определены: географические названия (*l'Intercession aux Ravins*), исторические эпохи (*la France d'après guerre*), представители династий (*Pierre le Grand, Laval père et fils*) и т.п. Имплицитной детерминации имен существительных в нормативной грамматике соответствует значение определенности предмета, единственного в данной ситуации. Так, ребенка посылают в аптеку за лекар-

ством. Он отдает аптекарю рецепт (*une ordonnance*), и через какое-то время возвращается за микстурой (*la potion*). Если бы покупатель спросил в аптеке микстуру (*une potion*), ему пришлось бы уточнить, какую (*quelle potion?*). Другой пример: в предложении *Faites entrer les candidats* существительное также определено данной ситуацией.

Неопределенность существительного имеет место, когда речь идет о каком-то предмете без указания на его индивидуальные особенности. В ряде случаев предмет речи не определен потому, что это не представляется возможным, или потому, что говорящий умышленно избегает ясности: *une jeune fille attend un mari; dans une fête, un jour, je ne sais plus laquelle*.

Некоторые местоимения квалифицируются как неопределенные по своей природе. Часть их может сопровождать существительное, придавая ему значение неопределенности. Это местоимения: *on, quelqu'un, quelque chose, qui que ce soit, quoi que ce soit*, ставшие настоящими сложными словами; *un tel, tel, quiconque*, близкое по значению к *qui que ce soit, qui, tout* и др.: *tel partit tout baigné des pleurs de sa Lucrèce; en telle ou telle situation, quelqu'un de ces amis; qui vivra verra; toute saison, tout ciel sont bons quand on est deux*. Неопределенные местоимения могут сочетаться с неопределенным артиклем, например: *un certain sourire, de certains jours; un tel a composé la plus jolie pièce du monde sur un tel sujet; je veux acheter un livre quelconque*. В последнем примере заметно дополнительное значение качества прилагательного *quelconque*.

Значение неопределенности может быть выражено не только лексическими средствами, но и грамматическими: морфологическими и синтаксическими. Так, неопределенные местоимения могут использоваться в составе предложения, выражающего значение неопределенности, при этом форма сослагательного времени подчеркивает лишний раз данное значение: *une autorité, quelle qu'elle soit, quelle qu'elle puisse être; quelle disgrâce qu'il lui arrive; ah! Sache, quelle ardeur qui m'impose des lois, que mon front a rougi pour la dernière fois*.

Несколько иной подход к определению категории детерминации сформулирован швейцарским лингвистом Ш. Балли, который считает, что основное предзначение французского артикля состоит в актуализации имени существительного [2]. Именные грамматические показатели, заключенные в артикле, определяют эксплицитный характер актуализации существительного как члена предложения. Причем, если категории рода и числа имеют в основном эксплицитное выражение (особенно в письменной форме речи), то категория определенности / неопределенности может быть реализована как эксплицитно, так и имплицитно. Действительно, род (мужской или женский) заключен в самом существительном, его нельзя изменить, и его основным средством выражения считается артикль или его заместители. Существительное оформлено также числом — формой ед. / мн. числа, партитивным артиклем или числительным. Кроме того, к эксплицитным средствам можно отнести словоизменение — флективные показатели (суффиксы, окончания, альтернирующие основы и супплетивные образования). Эти доводы дают автору основание считать, что разграничение эксплицитных и имплицитных средств примени-

мо, в основном, к категории определенности / неопределенности. При этом различаются не только разные виды актуализации, но и разные ее степени: полная или частичная эксплицитная актуализация и имплицитная актуализация, которая тоже может быть полной или частичной.

Актуализация существительного является полностью имплицитной, если значение определенности / неопределенности выявляется по ситуации или контексту. Так, в латинском языке в предложении *canis latrat*, рассматриваемом вне контекста, существительное *canis* может представлять неизвестный, конкретный или же обобщенный предмет. Но в любом значении существительное выступает не как виртуальный знак. Оно актуализировано, хотя и имплицитно. Актуализация считается также имплицитной, если она осуществляется формой артикля, выражающей только количественную характеристику: *deux vins, des vins, du vin*.

Частично эксплицитная актуализация — это такой процесс локализации существительного, когда языковой знак, выражающий данное значение, представляет существительное в реальной ситуации или по ассоциации с предыдущим контекстом. Наконец, эксплицитная актуализация существительного происходит тогда, когда в предложении есть слово, функционально предназначено только для определения виртуального знака; при этом определяемое и определяющее находятся в одной синтагме: *la fille des voisins, la maison de mon ami*. Но и в этом случае следует различать абсолютную и относительную степень актуализации. Определяющие члены предложения *voisins, mon* реализуют процесс абсолютной актуализации, т.е. они локализованы с точки зрения субъекта речи, тогда как в отношении членов предложения *fille, maison* можно говорить только об относительной степени актуализации.

Эксплицитная актуализация четко отличается от «характеризации», понимаемой как выявление отличительных признаков и особенностей в характеристике слова. Оба явления различаются по следующим параметрам.

1. Виртуальный концепт характеризуется также виртуальным знаком (своим характеристикатором), тогда как его актуализация происходит по отношению к актуализированным знакам, т.е. посредством актуализатора. Ср.: *fille de paysan / la fille de ces paysans / la fille d'un paysan*.

2. Из положения, рассмотренного выше, следует, что виртуальный знак, выступающий в роли характеристикатора другого виртуального знака, сам не может быть актуализирован, т.е. не может быть определен посредством актуализации. Во французском языке фраза **pot à eau qu'on fait bouillir* не имеет смысла, она звучит абсурдно. В то же время виртуальный знак может быть охарактеризован именем собственным, но при условии, что это имя используется как прилагательное, теряя, таким образом, качество актуализатора: *oranges d'Espagne, pomier du Japon* могут считаться охарактеризованными виртуальными концептами. Действительно, эти словосочетания не поддаются распространению: **oranges d'Espagne, qui est située au sud de la France*.

Актуализация существительного реализуется посредством актуализатора, находящегося в препозиции по отношению к нему. По аналогии, актуализатор может сопровождать виртуальное существительное. В такой синтагме он теряет свою актуализирующую функцию, и его роль характеризатора выявляется по ассоциации. Например, артикль не является актуализатором существительного в сочетаниях типа *examiner avec une grande attention* (*avec la plus grande attention, avec l'attention d'un expert*) и т.п. По семантике данные сочетания аналогичны выражениям *examiner avec attention, examiner attentivement*. Как следствие, эти сочетания могут быть признаны охарактеризованными виртуальными синтагмами. Лишнее подтверждение этому — возможность использования в них инфинитива, актуализация которого, как известно, происходит посредством спрягаемых форм, т.е. посредством выражения лица, числа, видовременных и модальных значений. Можно заметить, что в ряде случаев определенный артикль полностью утратил функцию актуализатора существительного. Утрату актуализирующей функции артикля можно наблюдать в глагольно-именных сочетаниях, выражающих сложные виртуальные понятия, типа *chaser le tigre: nous chassons le tigre qui dévaste notre forêt*. Утрата актуализирующей функции формами определенного артикля представляет интерес для сопоставления русского и французского существительного в плане их детерминации.

В грамматическом отношении охарактеризованное сочетание слов может быть редуцировано и представлено одним словом: *habit d'homme = redingote*; словосочетанию родового понятия может соответствовать слово родового понятия: *cheval, blanc-cheval = animal*. Есть случаи, когда слово имеет синоним-словосочетание: *lynx = loup-cervier, colibri = oiseau-mouche*. С некоторыми ограничениями этот принцип применим при сопоставлении языков: *cheval blanc = Schimmel* (all.), *pêcher à la ligne = angeln* (all.) Подобные аналогии невозможны в случае эксплицитной актуализации: *je pêcherai à la ligne* и т.п. [2].

Литература

1. Brunot F. La pensée et la langue. – Paris: Hachette, 1936.
2. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. – Paris: PUF, 1976.

О.А. Радченко

Исследование агрессивного дискурса: проблемы и перспективы

The article deals with the scientific project devoted to the aggressive discourse studies in the framework of the area of European cultures and languages. Aggressive discourse is regarded as an “intra-discourse”, a fracture of a given ethnospecific linguocultural reality that demonstrates possible and real frames and scripts of social behavior directly aimed at harming others. Its traces can be discovered in many regular discourses such as pedagogic, gender, political and scientific discourses.

Ключевые слова: агрессия, дискурс.

С 1998 года в Московском городском педагогическом университете начала создаваться исследовательская группа молодых ученых, заинтересованных в лингвистическом изучении различных видов агрессивного поведения человека. Усилиями этой группы постепенно сформировался научный проект «Анализ агрессивного дискурса в европейском культурно-языковом пространстве», результатами которого стали кандидатские диссертации, выступления на конференциях, публикации в отечественных и зарубежных лингвистических изданиях, в том числе — в научных сборниках МГПУ, и — в последние два года — начало работы над докторскими диссертациями.

Дискурсивная направленность этого проекта неслучайна: рассмотрение сфер человеческой коммуникации с учетом не только речепорождающей или шире — лингвокреативной, но и всей когнитивной деятельности человека стало неременным условием определения места собственно речевых произведений в этой деятельности и их обоснованной интерпретации, чаще всего выходящей далеко за рамки текстового смысла. В сфере агрессивной коммуникации этот подход приобретает особое значение, поскольку он вызывает необходимость апеллировать к культурным традициям, предрассудкам, невербальным сигналам и иным способам выражения негативных интенций, что переводит агрессивный дискурс-анализ в рамки лингвокультурологии.

Воспользуемся вначале рабочим определением дискурса, которое можно обозначить как *культурно-историческое*: дискурс есть фрагмент лингвокультурной реальности конкретного языкового сообщества, опирающийся на сложную систему традиций, обычаев, обрядов, неписаных правил, задающий параметры порождения и интерпретации любого социально значимого поведения человека, в том числе — и его речевых произведений. Дискурс рассматривается нами не как статический лоскут экзистенциального пространства языкового коллектива, а скорее — как в известном смысле «живая прецедентность» любой коммуникации, постоянно меняющаяся под воздействием огромного количества независимых переменных. Рассмотрение дискурса осуществляется не путем «восхождения» от текста к его экзистенциальному окружению, а путем «нисхождения» от социальной реальности к фактам ее проявления.

У дискурса в таком понимании можно обнаружить два аспекта. **Потенциальный** аспект дискурса включает совокупность устных и письменных текстов, уже созданных в конкретной коммуникативной среде; систему норм, определяющих в ней правила социального поведения; наборы культурно-специфичных клише, средств фасилитации общения; разного рода прецеденты (знаковые имена, ситуации, традиции, предрассудки, гендерные роли и т.п.). **Актуальный** аспект дискурса — реально существующие, социально значимые ситуации, в которых коммуниканты применяют различные дискурсивные практики, представляющие собой реализацию самых разных комбинаций потенциально возможных средств и создание на их основе индивидуальных стратегий социального поведения. С точки зрения того, что превалирует, — реализация заложенного или создание нового, — дискурсы можно разделить условно на три типа:

- ритуализованные дискурсы (в которых весьма велика доля прецедентности, клишированности, сильна нормативная сторона — юридический, медицинский);
- креативные дискурсы (в которых гораздо более ценны индивидуальное начало, оригинальное творчество, одаренность и своеобразие — рекламный, беллетристический, журналистский);
- креолизованные дискурсы (сочетающие ритуализованность и креативность в равной степени — агрессивный дискурс).

Конечно же, условность такого деления связана с тем, что «чистые» виды дискурсов не только невозможны, но и крайне нежелательны. Плюсами в данном случае могут стать ритуальный дискурс, не допускающий никаких индивидуальных оттенков (в котором слово и само социальное действие теряют самоценность и превращаются в обязательный ритуал, реализующий некую суперзадачу: к примеру, излишне формализованная процедура защиты диссертации либо церковная служба, не использующая никаких иных средств, кроме чтения канонического текста), и авангардистский художественный дискурс, претендующий на абсолютную оригинальность. И в том, и в другом случае сила эмоционального и интеллектуального воздействия на адресата будут крайне ограничены, их можно будет наблюдать лишь на небольшой группе адептов (ревностных сторонников традиции или веры в одном случае и жаж-

душких ультранового — в другом). Между тем, стремление воздействовать на широкие массы можно считать одним из основополагающих признаков социальной дискурсии нашего времени. Именно этим стремлением отличается агрессивный дискурс.

Исследование агрессии в психологии, психопатологии, психоанализе XIX–XX вв. намного опередило усилия лингвистов в этой области. Среди заметных работ и теорий, на которые ориентируются дискурс-аналитики, можно назвать вышедшую в 1939 г. монографию «Фрустрация и агрессия» Дж. Долларда, бихевиористские концепции 1960-х гг. (Э. Бусс, Э. Бандура, Р. Уотерс и другие). Пиком интереса к феномену агрессии в прошлом веке можно считать первую половину 1970-х гг., когда было опубликовано свыше 1 200 работ, посвященных самым разнообразным аспектам агрессии живых организмов. Только о человеческой агрессивности к концу 1970-х гг. вышло более 350 работ [5: с. 365]. В качестве причин подобного обостренного интереса обычно указываются новые социальные события: участвовавшие теракты, новые формы преступности (угон самолетов, киднэппинг, шантаж), влияние сцен насилия в СМИ на сознание рядового члена социокультурной общности.

Попытки определить границы агрессии привели к тому, что ее трактуют как выход за границы социально одобряемого поведения. *Агрессия*, в понимании одного из классиков ее изучения Х. Дельгадо, есть любое поведение, направленное на другое лицо или неодушевленный предмет и осуществляемое с непосредственной интенцией причинить вред. Присутствие подобной интенции выносит за рамки агрессии такие действия, как случайное причинение вреда или вред, сопутствующий иным совершаемым действиям (к примеру, боль, сопутствующая лечению). Напротив, типичным случаем агрессии можно считать такую культурную универсалию, как *lex talionis* (принцип «око за око»). Подробно описаны в медицинской и психиатрической научной литературе *ситуативные факторы*, определяющие причины и последствия агрессии: *фрустрация* (негативное состояние из-за невозможности удовлетворить какое-либо желание), *триггеры агрессии* (так, присутствие оружия повышает агрессивность поведения, вызываемую фрустрацией [8]), *провокация* (вербальная или физическая агрессия), *боль и дискомфорт* (раздражающие внешние условия — духота, назойливый звук или голос, неприятный запах — усиливают склонность к агрессии), *наркотические вещества* (кофеин, алкоголь могут иметь косвенные последствия для проявления агрессии).

К началу нашего столетия сложились и определенные подходы к изучению агрессии: **теория когнитивной неассоциации** (неприятные события провоцируют негативные эффекты, которые стимулируют агрессивные мысли, воспоминания и поведение); **теория социального обучения** (агрессивное поведение усваивается в результате наблюдения за поведением других [7]); **теория скриптов** (наборы (сеты) особенно хорошо обдуманых, в высшей степени связанных с различными ассоциациями концептов в памяти способны определить ситуацию и управлять поведением); **теория трансфера возбуждения** (если два возбуждающих события разделены небольшим временным

промежутком, последствия первого события могут быть неверно приписаны второму событию); **теория социальной интеракции**: агрессивное поведение рассматривается как средство воздействовать на социальное поведение в целом (здесь просматривается аналогия с персуазивным дискурсом, который, правда, далеко не всегда агрессивен).

Столетнее изучение агрессии за пределами лингвистики помогло создать ряд ее классификаций, выделить в качестве основных типов враждебную и инструментальную агрессии. **Враждебная агрессия** характеризуется при этом как импульсивное, незапланированное заранее, спонтанное действие, спровоцированное неожиданными эмоциями, провокациями с чьей-либо стороны. Основной мотив такой агрессии — желание причинить вред (к примеру, ударить человека, присвоившего чужой кошелек, под влиянием охватившего вас негодования). Враждебная агрессия не обязательно проявляется в открытом виде, она может быть интра- или экстравраждебной, что особенно любопытно для дискурсолога, которому придется обращаться к невербальному, интуитивному и культурно-обусловленным действиям.

Инструментальная агрессия, как правило, планируется и продумывается заранее, а вред, который она стремится причинить, является для нее косвенной целью, поскольку главный мотив ее — достижение какой-либо значимой для агрессора цели. Такая агрессия вполне может стать просоциальным явлением (если вы, к примеру, силой отбираете кошелек у нашедшего его бесчестного человека, чтобы затем вернуть владельцу) либо антисоциальным (если вы намерены отобрать кошелек у нашедшего его и оставить его себе) [9].

В любом случае агрессивные виды поведения человека не возникают из ничего. Они регулируются определенными нормами и обладают известными рамками. Нормы и рамки порождаются постепенно в контексте этнической культуры и могут носить характер универсальный или идиоэтнический. В качестве примера нормы-универсалии обычно приводят следующий факт: если ребенок подвергается агрессии со стороны старших, то он склонен отказаться от ответной агрессии, но агрессия со стороны младших, как правило, вызывает желание отомстить. Идиоэтнические нормы зафиксированы в народной традиции, оценочных установках данного коллектива, запретительных актах национальных законодательств.

Весьма важным аспектом агрессии, с точки зрения другого классика исследований агрессии Э. Бандура, является существование *определенных агрессивных стратегий*, к примеру, стратегий самооправдания агрессора, которые сводятся к небольшому, но весьма впечатляющему списку дискурсивных практик:

- снижение значимости через сопоставление своей агрессии с худшими злодеяниями другого человека;
- агрессия служит высшим ценностям;
- отрицание ответственности;

- размывание четкого представления об ответственности в случае коллективной агрессии;
- расчеловечивание жертвы, ее дегуманизация;
- постепенное примирение с участником конфликта в результате уменьшения исходной негативной самооценки.

Психологами определены *личностные факторы готовности к агрессивному поведению*: характерные черты (неустойчивая, завышенная самооценка, нарциссизм, упрямство, задиристость, подавленность, раздражительность, беспричинные вспышки гнева, жестокое обращение с животными, стремление оскорбить, унижить), гендерный аспект (мужчины более склонны прибегать к прямой агрессии, женщины предпочитают косвенную), личный жизненный опыт (представления о том, что является наиболее действенным, могут быть вестником агрессии), представления о ценностях (в частности, представления об агрессии как предпочтительном методе разрешения конфликта), долгосрочные цели (объект, внушающий страх или благоговение, может стать впоследствии объектом агрессии), скрипты (способы социального поведения и интерпретации значимых социальных ситуаций). В числе последних можно выделить перлокутивные скрипты, последствия агрессий: драки, ссоры, нетерпимость друг к другу, демонстрация неповиновения, разрушительные действия, лживость.

Приведенные свойства агрессии включаются нами в потенциальный аспект *агрессивного дискурса*, который мы определяем как фрагмент конкретной этноспецифической лингвокультурной реальности, демонстрирующий возможные и реальные фреймы и сценарии поведения, направленного на других лиц с непосредственной интенцией причинить вред¹. В таком понимании агрессивный дискурс отграничивается от конфликтного дискурса (где интенция вреда не является доминирующей), обсессивного дискурса (в трактовке В. Руднева, связанного с навязчивыми состояниями человека, хотя агрессия в некоторых случаях может быть отнесена к таковым), персуазивного дискурса (поскольку персуазивность, если и стремится к причинению ущерба, то не напрямую, предпочитая латентные формы воздействия на адресата). Однако, как и все указанные дискурсы, агрессивный дискурс следует рассматривать как «интрадискурс», поскольку он пронизывает более конкретные виды дискурса, не включая их целиком. Агрессивный «интрадискурс» можно обнаружить в следующих частных дискурсах:

- детский (общение детей между собой, общение детей и родителей, детей и незнакомых им людей);
- педагогический (общение на уроке, где присутствуют субтильные виды педагогической агрессии; учебный дискурс, в частности, агрессия в учебной литературе);

¹ Любопытно отметить попутно, что в англо- и немецкоязычной литературе термин *aggressive Diskurs*, *aggressive discourse*, как правило, фиксирует весьма частное явление (вербальные оскорбления) и не соотносится с нашим пониманием агрессивного дискурса.

- научный (к примеру, тоталитарная лингвистика, которую исследуют представители проектной группы М.А. Демьяненко [3] и в новом докторском исследовании — В.М. Костева);
- бытовой (в котором можно обнаружить и следы конфликтного, персуазивного и иных интрадискурсов);
- политический (агрессивная политическая борьба, которой посвящено большое количество исследований на русском и английском языковом материале, к примеру, — «нашистский» дискурс, диффамация в политической теледискуссии, прецедентные феномены в предвыборном дискурсе; в нашей проектной группе исследовались германские радикальные дискурсы — Г.В. Кошечева [4], Е.В. Варламова [2]);
- социальный (этническая, расовая рознь, конфликты социальных слоев; инвективные этнонимы, расистский дискурс, мигрантский дискурс; в качестве примера исследования этой тематики в проектной группе приведем диссертацию А.В. Богданова, посвященную афроамериканскому этносоциальному жаргону [1]);
- гендерный (исследование маскулинных и фемининных дискурсивных практик; в проектной группе О.Н. Шмелева [6] изучала в этой связи феминистские дискурсивные практики, а С.Л. Фурманова исследует в настоящее время с этих позиций гердерные миноритарные группы);
- религиозный (в частности, немецкий протестантский дискурс, которому посвящено исследование С.В. Блувберга);
- виндиктивный (дискурс мести) и другие.

Далеко не все проявления агрессивного интрадискурса освещены ныне на материале европейских культур, не говоря уже о высококонтекстных культурах Востока, где, по сравнению с фреймами и текстами, гораздо более важную роль играют социально-культурные скрипты). Недостаточно изучен феномен агрессии в межкультурной коммуникации, в связи с чем значительное внимание следует уделить культурным скриптам-лакунам, а также явлению «переключения скрипта» (script switching) — необходимости знать и использовать инокультурный скрипт во избежание провоцирования агрессии и интерпретации собственных действий как агрессивных. Наконец, еще одной важной областью исследования представляются латентные агрессивные дискурсы (спортивный, медицинский, инвективный, «острословский» и другие), где выявление агрессии осложняется языковой игрой и ставкой на интуицию.

Эти и многие другие проблемы образуют тот объект исследования, который на годы вперед будет определять научные интересы нынешних и будущих членов проектной группы «Анализ агрессивного дискурса в европейском культурно-языковом пространстве», поскольку он со всей очевидностью демонстрирует новое качество нашей науки о языке и одновременно новое требование к ней — ее социально-прикладной характер.

Литература

1. *Богданов А. В.* Афроамериканский рэп-дискурс: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2007.
2. *Варламова Е. В.* Особенности германского леворадикального Интернет-дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2006.
3. *Демьяненко М. А.* Новая философия и теория языка в Германии в 20–30-х гг. XX в.: Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2006.
4. *Кощеева Г. В.* Дискурсивный анализ типа текста «передовая политическая статья» (на материале праворадикальных изданий России и Германии): Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2001.
5. *Хекхаузен Х.* Агрессия (введение) // Мотивация и деятельность. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1986. С. 365–405.
6. *Шмелева О. Н.* Дискурсивный анализ феминистских проблемно-портретных очерков (на материале германского политического феминистского журнала «ЕММА»): Дис. ... канд. филол. наук. – М.: МГПУ, 2006.
7. *Bandura A., Ross D., Ross S. A.* Transmission of Aggression through Imitation of Aggressive Models // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. – 1961. – № 63. – P. 575–582.
8. *Berkowitz L., LePage A.* Weapons as Aggression-Eliciting Stimuli // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1967. – № 7. – P. 202–207.
9. *Rule B. G.* The Hostile and Instrumental Functions of Human Aggression // *de Wit J. and Hartup W. (Eds.) Determinants and Origins of Aggressive Behavior: (New Babylon — Studies in the Social Sciences, 22)*. – Paris: Mouton, 1974. P. 125–145.

Е.В. Мошняга

Терминосистема международного туризма как лингвокультурное явление

The article discusses basic trends in the development of the international tourism terminological system in the conditions of global tourism space formation. The author highlights the idea that the tourist terminological system reflects the multi-level and multi-functional tourism system and is involved in shaping the tourist culture, verbalising tourism realities of universal and national character. The author focuses on the principal approaches to the interpretation of notion-terms and concept-terms. The article proves that the terminological system of international tourism is a unique lingua-cultural cognitive phenomenon. The author shows the role of tourist terminological system in structuring the conceptual model of multicultural and multi-language tourist worldview.

Ключевые слова: терминологическая система, туристская отраслевая культура, межкультурная коммуникация.

Туризм справедливо называют феноменом XX века, а XXI век, по оценке специалистов, призван стать веком туризма. Международный туризм вырос с 25,3 млн. человек в 1950 г. (год, с которого ведется официальная туристская статистика) до 898 млн. в 2007 г. [5], и, по прогнозам Всемирной туристской организации (ЮНВТО), к 2020 году количество международных туристов в мире достигнет 1,6 млрд [8: с. 11].

Современный туризм как социокультурная практика и модель рекреации, досуга и бизнеса, а также как система международных туристских связей и коммуникаций, международный туристский рынок и крупномасштабная индустрия по своей природе являются транснациональными.

Выступая как мощный глобализационный фактор, туризм сам испытывает на себе трансформирующее влияние глобализации, создающей новый контекст его развития и новую среду, в которой люди путешествуют с постоянно уменьшающимися ограничениями, становясь свидетелями и участниками взаимопроникновения культур. Глобализация туристского пространства проявляется не только в интенсивном росте туристских миграций, но и в расширении границ туристской деятельности, в унификации и стандартизации туристского продукта и туристского образования, в правилах международного регулирования и этических нормах туризма, технологиях и коммуникациях, туристской статистике и отраслевой терминологии.

Однако туризм — это в широком смысле локально-глобальное предприятие, и наряду с тенденциями глобализации, размывающей границы нацио-

нального и нивелирующей своеобразие этнокультур, действуют встречные тенденции локализации, продвигающей на мировые рынки уникальный, национально окрашенный продукт. Многие исследователи указывают на инновационный тренд «глокализации», сочетающей глобальные и региональные черты в едином интегрированном подходе к разработке и продвижению туристского продукта, т.е. речь идет о том, чтобы локальный турпродукт был адаптирован для понимания и принятия на глобальном рынке.

Вместе с тем, рассматривая современный период развития туризма как эпоху *глобализации* с точки зрения транснационального характера и глобальных масштабов всех общемировых процессов; эпоху *постиндустриализма* — с точки зрения преимущественного развития сервисных отраслей и акцентуации общественной значимости информации, знаний, компетенций, креативности, образования и профессионализма; и эпоху *постмодернизма* — с точки зрения нового мироощущения, новых ценностей и новых смыслов, следует признать, что современный туристский продукт является «глокальным» по маркетинговой концепции производства и продвижения, *постиндустриальным* по материально-техническому наполнению и *постмодернистским* по идеологии.

Формирование и развитие единого туристского пространства с беспрецедентными по масштабам, направлениям и целям туристскими миграциями, трансграничным и кросс-культурным характером туристского бизнеса, производства и обслуживания, а также превращение международного туризма в глобальную систему разноплановых и разноуровневых коммуникаций, делают проблемы межкультурного взаимодействия в туристской сфере чрезвычайно актуальными.

Стандартизация и унификация международной туристской терминологии — базовый компонент в гармонизации многих аспектов международного туризма и туристской деятельности, туристского правового регулирования, статистики туризма и путешествий, типологии видов туризма и профилей путешественников, систем классификации средств размещения и питания, в прогнозировании тенденций развития туризма, в туристской контрактной и финансовой документации, во всех видах международных туристских связей, залог адекватной и эффективной межкультурной коммуникации в туризме.

Терминологическая система (терминосистема) международного туризма призвана отражать систему туризма, представляющую собой мобильную комбинацию множества взаимосвязанных (многообразными типами связей) элементов, образующих целостность и единство, исходя из комплексной и динамичной природы современного туризма [6: с. 6]. Систему туризма принято рассматривать как состоящую из подсистем разного порядка: географической, социокультурной, производственной. В совокупном виде система туризма состоит из 4-х базовых элементов: 1) *генерирующий регион* — место постоянного проживания туриста и место начала и окончания путешествия; 2) *транзитная территория* — зона, которую турист пересекает на пути к туристской дестинации; 3) *туристская дестинация* — регион, который турист

выбирает для посещения, ядерный элемент туризма; 4) *окружающая среда* — туристское пространство, окружающее все три зоны. В каждом из 3-х первых элементов системы заключены туристские производственно-экономические подсистемы. *Генерирующий регион* представлен акторами системы продвижения и распределения турпродукта (турагентами, туроператорами, другими инфопосредниками, онлайн-дистрибьюторами и продавцами), а также транспортной инфраструктуры и вспомогательных служб (паспортно-визовых, таможенно-валютных, пограничных). *Транзитная территория* представлена акторами транспортных систем между генерирующим районом и туристской дестинацией (авиа- и железнодорожных, морских, речных и паромных перевозок, круизных линий, автобусных и автомобильных перевозок), а также транзитных служб и услуг (питания, размещения, розничной торговли в транзитной зоне). *Туристская дестинация* представлена акторами услуг и достопримечательностей (предприятий размещения и питания, выставочных и конгрессных комплексов, музейных и развлекательных объектов, тематических и национальных парков, розничной торговли), а также местной транспортной инфраструктуры и транспорта. *Окружающая среда* включает природно-культурное окружение туристского пространства, представляющее собой и условие, и ресурсную базу осуществления туристской деятельности.

В связи с динамичным характером туризма элементы системы туризма (их количество и качество) подвержены изменениям, вызванным как развитием новых технологий и коммуникаций, так и диверсификацией спроса и предложения на туристском рынке, включая вовлечение в глобальную систему туристских обменов новых регионов, территорий и дестинаций. Так, современный постмодернизм с его эпатажем и эксцентричностью, нетрадиционностью и маргинальностью, глубиной и эвристичностью, тяготеющими как к содержательному, так и к экзистенциальному [1: с. 31–33, 40], вызвал к жизни интерес к таким ранее не распространенным и нестандартным видам туризма, как мистический туризм (*mystic tourism*), «мрачный», или «скорбный», туризм (*dark tourism, grief tourism*), трущобный туризм (*slums tourism*), ностальгический или ретро-туризм (*retro tourism*), туризм на выживание (*survival tourism*), туризм по местам катастроф и стихийных бедствий, другим видам опасных и физически тяжелых путешествий (*disaster tourism, hardship tourism, troubles tourism*). Возник спрос на экстремальные виды деятельности и событийные формы туризма во время путешествий; отказ от традиционных принципов гостеприимства и комфортаологии, а также на такое качество турпродукта, как новизна (*novelty seeking*), экзистенциальная аутентичность (*existential authenticity*), межкультурность (*cross-culture*).

Взаимодействие между элементами системы международного туризма (маркетинговые коммуникации, продвижение туристских дестинаций и услуг, партнерские связи инициативного и рецептивного туроператоров, международный менеджмент в туристских, транспортных и гостиничных ТНК, обслуживание туристов на маршрутах и туристских предприятиях, туристские формальности) невозможно без языка для специальных целей. Именно терми-

носистема кодирует, фиксирует и транслирует туристские реалии социокультурного, управленческого и технологического характера.

Понимание термина как знака языка для специальных целей в форме слова или словосочетания, представляющих понятие или концепт во взаимосвязи с другими понятиями и концептами в системе научного знания или профессиональной деятельности, требует уточнения. В сфере международного туризма термины служат целям ограничительного обозначения и репрезентации предметов, объектов, явлений, их свойств и функций, а также отношений и связей между ними, т.е. всех тех реалий, которые формируют специальную область профессиональной туристской деятельности и туристской отраслевой культуры.

Если культура — это система символических обозначений явлений и понятий, сконструированная людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта и идей, то туристская отраслевая культура — это совокупность туристских реалий, явлений, объектов, предметов на основе связей, объединяющих их в определенную систему. Она представляет собой высокоспециализированную среду со своим символическим турпродуктом, специальными технологиями производства и распределения, моделями потребления и коммуникации, системой ценностей и этическим кодексом, нормами и стандартами.

Туристская отраслевая культура как концептуальное пространство системы туризма подвержена постоянным изменениям, отражающим динамику туристского развития. Терминосистема туризма, фиксируя в языке новые туристские реалии, находится в постоянном динамическом обновлении. Этот процесс развивается в двух основных направлениях. Первое — заимствование терминов из других сфер человеческой деятельности, главным образом из социокультурной практики: например, *acquisition, animation, carrousel, courtesy coach, defaulter, domestic tourism, fullboard, halfboard, housekeeping, hospitality industry, mixed-use destination, restricted goods, scheduled service, stopover, standby, welcome pack*. Второе — образование собственных терминов: например, *affinity group, back-to-back charter, catering, code-sharing, concourse, consolidator, duty-free allowance, inclusive tour, itinerary, MICE tourism, open-jaw fare, redcap, shoulder season, time-share, tour package, visa, voucher*.

Специфика туристской отраслевой культуры формируется под существенным влиянием культур иного порядка: этнической, экологической, социальной, политической, экономической, коммуникационно-информационной, лингвистической (языковой и коммуникативной). Несмотря на унификацию международных норм и стандартов, система туризма и туристская отраслевая культура в различных странах обладает определенным своеобразием, что не может не влиять на национальные терминосистемы. Это своеобразие определяется, например, наличием в культуре рецептивного или инициативного сообщества тех или иных предметов, объектов или явлений культуры, не имеющих аналогов в контактирующей культуре.

В туристской отраслевой культуре широко представлены как понятия, так и концепты. Разделяя термины «понятие» и «концепт», мы исходим из их неравнозначности: понятие — это совокупность познанных существенных признаков объекта, а концепт — ментальное национально-специфическое образование, план содержания которого — вся совокупность знаний о данном объекте или явлении, а план выражения — совокупность языковых средств [3: с. 27]. Большинство исследователей-лингвистов сходятся в том, что концепт — это понятие, «погруженное в культуру», и что концепты организуют концептуальное пространство, выступая как главные рубрики его членения.

Лингвокультурное понимание концепта состоит в том, что концепты — это посредники между словами и экстралингвистической действительностью. Концептами становятся только те лингвокультурные реалии, которые являются базовыми, опорными, центральными, актуальными, ценными для данной культуры, формируют ее концептосферу и оказываются, как подчеркивает В.А. Маслова, ее «символами, эмблемами», «носителями культурной памяти народа» [3: с. 28]. Концепты воплощают смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание знания, опыта, результатов деятельности и процессов познания в виде «квантов» знания [3: с. 31]. В.А. Маслова также поясняет, что концепт — это «пучок» понятий, окруженный ореолом эмоциональности, экспрессивности, оценочности. Ю.С. Степанов называет концепт сгустком культуры в сознании человека, в виде которого культура входит в его ментальный мир и посредством которого человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее [4: с. 43]. Таким образом, концепты представляют картину мира, образуя концептуальную систему, а знаки языка кодируют в слове содержание этой системы.

Концепты туризма маркируют рубрики и образуют центральные опорные точки, вокруг которых формируются специфические области туристской отраслевой культуры. Они могут относиться к национальным отраслевым культурам и нести локально-национальные черты (например, концепты *Russian hospitality*, *Russian table service*, *German Gemütlichkeit*, *Swiss après-ski*, *French guéridon service*, *Pullman sleeping accommodation*) или быть универсальными для всех культур, участвующих в туристских обменах (например, концепты *дестинация*, *турпакет*, *инклюзив*, *инсентив-туризм*, *социальный туризм*). Многие концепты находятся на стадии перехода из локальной туристской концептосферы в универсальную, неся в себе целый комплекс культурообусловленных понятий, а также взглядов, установок, ожиданий, отношений, ценностей, воплощаемых в терминах. Концепты гостеприимства (*hospitality*), анимации (*animation*), тематичности (*theming*), специализированного и узкоспециализированного туризма (*special-interest tourism*, *niche tourism*), туризма «третьего» и «четвертого» возраста (*third-age tourism*, *fourth-age tourism*), экзистенциальной аутентичности (*existential authenticity*), качества туризма (*quality tourism*) и тому подобное включают широкий спектр специализированных конструкторов. Они объединяют определенные группы понятий и отражают специфические лингвокультурные туристские реалии как универсаль-

ного, так и национального характера. Еще раз уточним, что речь здесь идет как о туристской отраслевой культуре, так и о национальных этнокультурах.

Терминосистемы составляют основу языков для специальных целей как функциональных разновидностей современных национальных языков и формируют их отраслевые подсистемы. Как отмечает В.М. Лейчик, возникновение в современных условиях новых понятий резко увеличивает потребность в номинации и даже приводит к «терминологическому взрыву», т.е. к массовому возникновению новых терминов, терминологических полей и целых терминологических систем, и вносит серьезные изменения в существующие терминосистемы [2: с. 20].

Историческое развитие индустрии туризма, а также общепланетарные глобализационные процессы, включая глобализацию на уровне языка, привели к закреплению того факта, что базовая терминосистема международного туризма является англоязычной: «английский язык — «хребет» международной индустрии туризма» [7: с. 20–21], официально признанный инструмент фиксации, хранения, распространения терминов туризма в синхронном и диахронном аспектах.

Отражая реалии национальных систем туризма и туристской отраслевой культуры, национальные терминосистемы обогащают и развивают международную англоязычную терминологическую систему туризма, служащую, в свою очередь, донором аналоговых терминосистем в национальных языках и основой для постоянного взаимодействия между ними.

Значительный пласт англоязычных терминов международной терминологической системы туризма переходит в национальные терминосистемы без фиксации аналогов на национальных языках и сохраняется в виде интернационализмов (например, *инклюзив*, *инсентив-туризм*, *пэкидж-тур*, *чартер*, *ваучер*, *ВИП-сервис*, *табльдот*, *а ля карт*, *кейтеринг*, *карвинг*, *код-шеринг*, *тайм-шер*, *аффинити*, *стоповер*, *овербукинг*, *ресепшин*). Одна из причин этой тенденции в том, что в контактирующем языке отсутствует термин-аналог в форме слова или короткого словосочетания. Например, *catering* — «обслуживание блюдами и напитками массовых мероприятий предприятием питания на своей базе или выездное»; *«affinity»* — «группа совершающих совместную турпоездку сотрудников одного и того же учреждения, или учащихся одного и того же учебного заведения, или членов одной и той же организации, пользующаяся специальными льготными авиатарифами».

Наблюдается и обратная тенденция, когда существующие в национальном (например, русском) языке термины, являющиеся аналогами англоязычным, заменяются англоязычными. Причинами могут быть: моральное устаревание понятий: *турбюро* и *бюро путешествий* → *турагентство*; *(туристская) путевка* → *(туристский) ваучер*, неполное соответствие значению и смыслу, утрата концептуальности термина: *турцентр* или *туристское направление* → *дестинация*; *поощрительный туризм* → *инсентив-туризм*.

Зачастую термины сохраняют этимологию своего генезиса и фиксируются в международной терминосистеме на том языке, в недрах которого они заро-

дились, если за ними стоит национальный лингвокультурный концепт, необходимый для декодирования, со всеми оттенками значения и группой связанных с ним понятий. За отдельными секторами туризма традиционно закрепился тот или иной национальный язык продуцирования, фиксации и репрезентации терминов (например, обслуживание блюдами и напитками — французский язык, экологический туризм — немецкий язык). В сфере культурного туризма (в том числе наследного, исторического, религиозного, этнографического, событийного) закрепились и используются термины из самых разных национальных языков, отражающих концепты локальных этнокультур. Их вхождение в терминосистему международного туризма связано с образованием дериватов на базе ядерного для инициативной культуры термина-понятия или термина-концепта: например, *aloha shirt* или *aloha uniform* у персонала этнических гавайских гостиниц; *troika ride entertainment* как развлекательная услуга зимнего каникулярного тура в России. Термины-концепты коннотативно передают культурный фон и дух времени на определенном этапе развития системы туризма и туристской отраслевой культуры современным и будущим пользователям и исследователям.

Таким образом, терминосистема международного туризма представляет собой уникальный лингвокультурный когнитивно-кодовый феномен. Помимо операционных терминов туристской индустрии, лингвокультурных терминов-понятий и терминов-концептов в форме слов и словосочетаний терминосистема туризма включает также широкий пласт акронимов и аббревиатур, а в базовой англоязычной терминосистеме представлены американская и британская подсистемы. Терминосистема туризма как совокупность связанных между собой терминов-репрезентаций структурирует концептуальную модель мультикультурной и мультиязычной туристской картины мира.

Литература

1. Гречко П. К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. — М.: Изд-во РУДН, 2006.
2. Лейчик В. М. Проблемы отечественного терминоведения в конце XX века // Вопросы филологии. — 2000. — № 2. — С. 20–30.
3. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. — Минск: ТетраСистемс, 2005.
4. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Академический проект, 2004.
5. В мире — 900 млн. туристов // РАТА-новости. Журнал для профессионалов турбизнеса. — 2008. — № 1955. — С. 1–2.
6. Cooper Ch., Hall C. M. Contemporary Tourism: An International Approach. — Burlington: Butterworth-Heinemann, 2008.
7. English for the Tourism Industry. — London: London Chamber of Commerce and Industry, 1993.
8. Tourism Highlights. — Madrid: UNWTO, 2007.

С.Л. Фурманова

Лингвокритическая деятельность Ф. Маутнера

This article deals with F. Mauthners concept of language. Many of foreign linguists consider Fritz Mauthner to be a founder of the new criticism of human language. Mauthners attitude to the language with distrust is based on his structure and functions. Mauthner means that the human language is a bad tool to cognize the world, but a very good tool to manipulate people. To unmask the ideological function of language is called the criticism of language as an independent branch of linguistics.

Ключевые слова: критика языка, идеологическая функция языка, когнитивная функция мышления.

Имя Фрица Маутнера больше известно европейской или американской лингвистической общественности, нежели нашей отечественной, но и в Европе и Америке далеко не каждый лингвист и даже философ языка знакомы с его лингвокритическими работами. Между тем Фриц Маутнер считается многими лингвистами и философами языка основателем критики языка как нового и самостоятельного направления в лингвистике.

Фриц Маутнер (1849–1924) родился 22 ноября 1849 года в городе Хоритц в Богемии, в зажиточной еврейской семье. Когда Маутнеру было 6 лет, его семья переехала в Прагу, где он провел 21 год. В его воспоминаниях о детстве, юности и отрочестве бросается в глаза, насколько интересовали взрослеющего Маутнера вопросы языка и языковые проблемы именно в Праге — городе, где в тот момент резко обострилось соперничество немецкого и чешского языков. Главной ареной этой конкуренции стали школы, гимназии и университет. Языковая ситуация дома тоже была сложной: в еврейской семье между собой общались по-немецки, со слугами говорили на чешском, изучение иврита не считалось необходимым, идиш считался дурным тоном [11].

Маутнер сменил две гимназии, поступил в Пражский университет, как того и хотели родители, чтобы стать в будущем преуспевающим адвокатом. В двадцать два года, отучившись восемь семестров и не закончив обучения, он оставил университет. Возможно, к этому решению его подтолкнуло известие о том, что он неизлечимо болен. Маутнер посвятил себя тому занятию, о котором тайно мечтал еще в гимназии: он хотел стать свободным писателем. На несколько лет, отведенных ему врачами, Маутнер запланировал многое: написание драм, истории понятия «Бог» и критики языка. Его не смутило, что

он поставил перед собой задачу стать одновременно писателем, историком и философом.

После сборника сонетов, своего первого опубликованного литературного труда, он принимается за «Критику языка». Проводит бессонные ночи, преследуемый мыслью, что у человеческого сознания нет никакого инструмента познания, кроме скудного языка, при помощи которого мы не можем докопаться до реальности. Были написаны примерно 200 страниц, когда Маутнер столкнулся с понятиями «цель» и «причина» и начал исследовать их значение. Он штудировал труды Шопенгауэра, Канта, Юма и Локка, прежде чем сделал неожиданное открытие: «Я не могу построить здание, не заложив фундамента». В январе или феврале 1873 года он окончательно осознал всю несостоятельность своих философских исканий, и рукопись была сожжена [11].

Потерпев неудачу с «Критикой языка», Маутнер продолжает писательскую деятельность. Он пробует себя в качестве обозревателя культурной жизни в Праге, драматурга (некоторые его пьесы, надо заметить, пользовались успехом у публики). В 1876 году переезжает в Берлин, становится автором в ряде газет — известным театральным критиком и публицистом, пишет и публикует несколько романов и сборник пародий, который пользовался невероятным успехом у читателей (первое его издание в течение года тиражировалось 18 раз).

В 1891 году Ф. Маутнер возвращается к идее написания «Критики языка». Позади восемнадцать лет кропотливой работы, поиска, изучения лингвистики и истории философии. Первое издание «О критике языка» («Beiträge zu einer Kritik der Sprache») было опубликовано в 1901–1902 гг. В первом томе «Язык и психология» («Sprache und Psychologie») автор рассматривает сущность языка, его значение и ценность. Во втором томе «О языкознании» («Zur Sprachwissenschaft») речь идет о неспособности языка отображать истинную картину мира. В третьем томе «О грамматике и логике» («Zur Grammatik und Logik») исследуется процесс мышления и говорения. Подводя итоги своего исследования, Маутнер приходит к выводу, что при помощи языка невозможно постичь сущность окружающего нас мира, что слова являются только знаками, при помощи которых мы лишь пытаемся понять смысл предметов и явлений [7].

«Критика языка» вызывает живой интерес и оживленную дискуссию в прессе и недоумение в академических кругах Германии [1, 4–6, 14, 16]. Маутнер был разочарован тем, как была принята «Критика языка» академическими кругами Германии. Читатели, принимавшие Маутнера — журналиста и писателя, отвернулись от Маутнера-философа. Кое-где раздавались антисемитские высказывания.

В 1906 году Ф. Маутнер знакомится с Мартином (Мордехаем) Бубером — одним из самых интересных и загадочных мыслителей XX века, создавшим оригинальную версию религиозного экзистенциализма, — так называемую «диалогическую онтологию» [см. 3]. Беседы и порой жаркие дискуссии с ним подтолкнули Ф. Маутнера к написанию монографии «Язык» («Die Sprache»). Анализируя связь языка и воспитания, права, религии, политики и нравственности, Маутнер признает, что язык — прекрасный инструмент для словесного

искусства и поэзии, но он не может служить орудием научного познания действительности, так как невозможно ухватить тонкую реальность «грубыми щипцами языка». Вместе с тем Маутнер воспекает родной язык, который «мы страстно любим, более страстно, чем мы предполагаем». Маутнер считает, что искусственно созданный универсальный язык можно уважать, но любовь к нему равнозначна объятиям со скелетом [10: с. 19].

В 1907 году выходит второе издание трехтомника Маутнера «О критике языка», в предисловии к которому он пишет: «Я думаю, что избрал правильный путь, двигаясь от философии к критике познания, каковой является критика языка. <...> Между работой над этим вторым изданием и выходом в свет первого прошло пять лет. Кажется, что это достаточно большой срок. Но только между сегодняшним днем и рукописью... прошло более 30 лет. Некоторые суждения в первом издании остались неизменными, и я был недоволен. Только в основных размышлениях мне ничего не нужно менять. В моем деле, в беспристрастном представлении моего учения о критике языка, я стал скорее еще жестче» [7: Т 1, с. VIII].

Маутнер верен поставленной перед собой задаче — критике языка. Мысли о том, что познание через язык невозможно, что язык — ненужный инструмент познания, приводят Маутнера к рождению абсолютно новой дисциплины — «критики языка». Маутнеру кажется, что «в этом новом предмете он проделал черновую, подготовительную работу» [7: Т. 1, с. XII]. А на упреки в том, что его исследования лишены логики и системы, он отвечает: «Мне хотелось построить новый большой дом, из нового материала, в новом стиле. Каждую линию... я должен был начертить сам. Каждый камень из скалы я должен был выбить сам. И я знаю, я знаю лучше всех, что архитектура при этом сильно пострадала. Пусть же более успешный последователь использует настоящий материал и честность архитектора для построения совершенного здания» [7: Т. 1, с. XII]. Критика языка, по Маутнеру, по сути своей, не может быть системой. И, следовательно, автор не ограничивает себя в выборе объектов исследования: анализу подвергаются не только язык и речь, процессы запоминания и теория познания, но и вопросы, связанные с теориями происхождения языка, этимологией, историей языкознания и технической терминологией.

Параллельно с работой над «Критикой языка» Маутнер трудится над созданием своего «Философского словаря» («Wörterbuch der Philosophie»), первое издание которого в 1910 году вызвало бурную реакцию академической общественности [15]. При составлении словаря Маутнер исходил из того, что история всех слов есть история человеческой культуры. Маутнер видит себя художником и творцом слова, но не его слугой. Он исследует большое количество понятий, анализируя их философское и общественное значение. Однако его словарь кардинально отличается от любого другого энциклопедического издания как по форме, так и по содержанию. Прежде всего автор отказывается от традиции, укоренившейся в философских кругах Германии, погружать философские труды и энциклопедии в «пучину трезвости, объективности и серьезности» [13: Т. 1, с. XX].

Для Маутнера человек — существо не столько вопрошающее, сколько смеющееся. Поэтому словарь создается в форме сатирических эссе, в которых Маутнер не стремится скрыть свое порой предвзятое отношение к тому или иному вопросу. Это особенно заметно в статьях «Слово Божье» («Gottes Wort»), «Оккультизм» («Okkultismus»), «Теософия» («Theosophie»). Он отказывается от многих словарных статей, присущих любому академическому изданию, включает другие и пытается тем самым привлечь внимание читателя и придать словарю лингвокритическое звучание. Так, например, в словарь включены такие статьи, как «Почти» («Beinahe»), «Собственность есть воровство» («Eigentum ist Diebstahl»), «Петрушка» («Hanswurst»), «Больной» («Krank»). Хотя все статьи и связаны одной идеей — критикой языка, формально Маутнер отказывается от какой-либо систематизации, выбрав лишь алфавитный порядок следования как самый «детский» («kindlichste») из всех принципов упорядочения [13: Т. 1, с. 386].

Своеобразно переплетаются в «Философском словаре» сенсуалистический подход, в основе которого лежит принцип конкретности и чувственного восприятия, и исследование истории развития понятий. Маутнер подчеркивает, что он «предпринял попытку провести ревизию понятийного аппарата основных наук с целью разрушить видимость понятий, существующих в представлениях людей, которым ничто не соответствует в действительности» [17: с. 42].

Следующий труд Маутнера «Родной язык и Родина» («Muttersprache und Vaterland») выйдет уже после Первой мировой войны, в 1920 году. Маутнер вернется к проблемам, мучившим его в годы юности, и напишет с горечью: «У чехов была настоящая Родина, у богемских немцев — искусственная» [12: с. 27], поскольку они, как ему казалось, находились в состоянии насильственного билингвизма и были лишены такого понятия, как «родной язык». Нет патриотизма, по мнению Маутнера, без любви к родному языку. И если человек хочет чувствовать единение со своим народом, то родной язык и будет тем сохраняющим духовность и культурные ценности звеном, которое объединяет людей [12: с. 60].

В 1920 году будет опубликован и первый том его книги «Атеизм и его история на Западе» («Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande»). Второй, третий и четвертый том публикуются в 1921–1923 годах. Этот труд Маутнер посвящает критике понятия «Бог», обещая своих последователей и читателей «поднять на такую высоту, с которой они за всеми догмами увидят правила, принятые в человеческом обществе, исторически возникшие и уходящие вместе с историей» [8: Т. 4, с. V]. Это произведение — продолжение борьбы против традиций идеалистической философии за атеистическое развитие духа как историю истинного освобождения духа на Западе [2].

Последний труд Маутнера «Три картины мира» («Die drei Bilder der Welt»), который он считал своим заключительным словом в критике языка, вышел в 1925 году уже после его смерти. Эту работу он посвятил учению о трех картинах мира: субстантивной (мир предметов, понятий и мифов), адъективной (мир ощущения) и вербальной (пространство, время, причина и следствие),

которые суть три разных взгляда человека на мир и соответствуют, по мнению Маутнера, трем когнитивным функциям человеческого мышления: субстантивной, адъективной и вербальной.

Литература

1. *Barth R.* // Die Zeit (Wien). – 1901. – № 362. – S. 151–153.
2. *Benz E.* Meine buddhistischen Nachbarn. In Memoriam Fritz Mauthner und Leopold Ziegler // Antaios. – 1962. – № 3. – S. 421–446.
3. *Buber M.* Das dialogische Prinzip. – Gerlingen: Schneider, 1997.
4. *Ehrenfeld A.* Wortkunst und Wortaberglaube (Über Mauthners “Beiträge zu einer Kritik der Sprache”) // Der Bund. Sonntagsblatt. – 1901. – № 40. – S. 315–318; № 41. – S. 323–325; № 42, S. 332–335.
5. *Hirschlaff R.* // Zeitschrift für pädagogische Psychologie. – 1902. – № 4. – S. 183–191.
6. *Lessing Th.* Rezension von Fritz Mauthners “Beiträgen zu einer Kritik der Sprache” // Die Gesellschaft. Monatsschrift für Literatur und Kunst. – 1902. – № 18. – Bd. 3. – S. 410–419.
7. *Mauthner F.* Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. I–III. – Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 1999.
8. *Mauthner F.* Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. Bd. I–IV. – Stuttgart, Berlin: Deutsche Verlagsanstalt, 1920–1923.
9. *Mauthner F.* Die drei Bilder der Welt. Ein sprachkritischer Versuch. – Erlangen: Verlag der philosophischen Akademie, 1925.
10. *Mauthner F.* Die Sprache. – Frankfurt a. M.: Rütten und Löning, 1906.
11. *Mauthner F.* Erinnerungen I: Prager Jugendjahre. – München: G. Müller, 1918.
12. *Mauthner F.* Muttersprache und Vaterland. – Leipzig: Dürr und Weber, 1920.
13. *Mauthner F.* Wörterbuch der Philosophie. Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Bd. I–III. – Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 1997.
14. *Maync H.* Eine Kritik der Sprache // Tägliche Rundschau. Unterhaltungsblatt. – 1903. – № 82 (7.4.1903). – S. 326–327.
15. *Meyer R. M. (Rez.)* Mauthner Fritz. Wörterbuch der Philosophie. Neue Beiträge zu einer Kritik der Sprache // Zeitschrift für Deutsche Wortforschung. – 1911–1912. – № 13. – S. 77.
16. *Mongré P.* Sprachkritik // Neue Deutsche Rundschau. – 1903. – № 12. – S. 1233–1258.
17. *Ullmann B.* Fritz Mauthners Kunst- und Kulturvorstellungen. Hamburger Beiträge zur Germanistik. – Frankfurt a. M.; Berlin; Bern; New York; Bruxelles; Wien: Peter Lang, 2000.

А.С. Кириченко

Проблемы описания пространственных значений

The article approaches the problem of conceptualizing space from the perspective of isomorphism between language and human mind. In that context, a semantic analysis of spatial prepositions may give a lot of information about the cognitive processes connected with structuring space. The article contains a brief overview of what some cognitive linguists think of the subject, and a few words of criticism from the standpoint of O. Seliverstova's linguistic school.

Ключевые слова: пространство, пространственный предлог, когнитивная лингвистика.

Развитие психологической науки, в частности психологии восприятия и мышления, побудило значительное число лингвистов обратиться к этой смежной области знания в поисках путей решения языковых проблем. Мысль о том, что в цепочке «язык – реальность» есть опосредующее звено в виде человеческого сознания, не столь уж нова. На этих позициях стояли такие выдающиеся лингвисты XIX века, как Г. Штейнталь, А.А. Потембня, которых принято называть представителями психологического направления в лингвистике. Однако только современные исследования, прежде всего в рамках когнитивной психологии и нейропсихологии, сделали возможным установление конкретных связей между механизмами функционирования человеческой психики и семантикой языка. В русле этого подхода сформировалось направление когнитивной лингвистики, представленное такими авторами, как Р. Джекендофф, Б. Ландау, Л. Талми, К. Бругман, Дж. Лакофф и другие.

При всем различии используемых ими систем понятий и методов исследования их объединяет представление о том, что в основе человеческого восприятия и отражения мира лежат определенные базисные ментальные схемы («образ-схемы» у М. Джонсона). Они возникают из первоначального опыта телесного взаимодействия с окружающим физическим миром и далее — путем «метафорического расширения» — позволяют создать сложную концептуальную структуру понятий, которая и составляет семантическое пространство сознания субъекта. К примеру, среди образов-схем, выделяемых Дж. Лакоффом, — схема «часть – целое»: восприятие собственного тела как целого, состоящего из различных частей, в результате метафорического переноса (в когнитивном понимании) дает человеку возможность увидеть любой сложный объект как совокупность составляющих его элементов: например,

семью, коллектив и т.д. В ряду базовых схем — «вместилище» (схема, связанная с понятием границы, отделяющей внутреннюю часть от внешней), «источник – путь – цель» (схема, имеющая отношение к процессам изменения состояния) и тому подобное.

По мнению когнитивистов, концептуализация представлений человека о реальности происходит следующим образом: на основе базисных схем и в ходе взаимодействия субъекта с окружающим миром формируются на вербальном уровне концептуальные структуры, которые в процессе восприятия продолжают проецироваться на сцены внешней реальности и всё более усложняться. В результате складывается языковой опыт субъекта, представляющий собой иерархически сложную, динамически изменяющуюся картину мира. Понятно, что язык как продукт общественного сознания воплощает языковой опыт всего языкового коллектива и отражает в стандартизованном, нормативном виде вербальные концепты, существующие на уровне индивидуального сознания.

Тесная связь когнитивистики с психологией восприятия обусловила значительный интерес лингвистов этого направления к семантике пространственных предлогов. Б. Ландау и Р. Джэкендофф на основе анализа собственного перцептивного и языкового опыта сформулировали различные особенности визуального восприятия объектов в пространстве [6]. В частности, обращается внимание на то, что при концептуализации пространственной сцены релевантным фактором оказывается не только геометрическая форма тела, но и его физическая природа, т.е. является ли оно монолитным, полым или отрицательным объектом. Также закрепляется статусное различие между объектом, позиция которого устанавливается, и объектом, который служит для него местом. Первый наделяется статусом фигуры, второй, соответственно, — фона. Данные понятия не новы для науки, структура «фигура – фон», как известно, была подробно изучена в русле школы гештальт-психологии. Однако проекция данной модели восприятия на лингвистическую семантику и обогащение ее новыми данными создали возможность интерпретации языковых значений в рамках понятийного аппарата смежной науки, что оказалось, несомненно, ценным приобретением для лингвистики.

Ландау и Джэкендофф обращают внимание также на то, что в семантике языка широко представлена категория траектории движения и направления вращения объекта, причем как относительно собственных осей, так и осей Земли: *move forward – move backward, go north – go south; turn right – turn left, turn to the east – turn to the west*. Но еще чаще движение фигуры осмысливается относительно фона, обозначаемого в этом случае термином «область». Фигура может пересекать «область», перемещаться вдоль нее, двигаться от нее или по направлению к ней и т.д., в зависимости от схемы движения, которую задают предлог (в терминологии Джэкендоффа — «оператор») и геометрической формы «области»: *through the forest, along the road, from the house, to the station*.

Проблема полисемии и отношений между узуальными значениями предлога поднимается в работе К. Бругмана и Дж. Лакоффа [4], многие

положения которой иллюстрируются на материале анализа семантической структуры предлога *over*. Взгляд на означаемое знака именно как на структуру, звенья которой связаны определенными схемами преобразования, подсказывает авторам идею лексической сети. Различные значения *over* представлены как схематические изображения типовых расположений объектов, с которыми может быть соотнесен данный предлог. Авторы склоняются к тому, что рисуночное представление значений наиболее точно отражает семантику знака, поскольку соответствует когнитивным конструктам сознания, ответственным за обработку зрительно-перцептивной информации. Переход от одной «картинки» к другой обусловлен соответствующим алгоритмом трансформации. К примеру, переход от образной схемы, которую содержит *over* в предложении *The board is over the hole* (Доска лежит поверх отверстия), к схеме в предложении *He has freckles over most of his body* (У него веснушки почти по всему телу) следует рассматривать как результат трансформации континуального объекта в дискретный объект. Это очень распространенное в языке явление, поскольку соответствует когнитивным процессам, протекающим в сознании.

Не подвергая сомнению истинность представления о семантике знака как о структуре, хотелось бы отметить, что в интерпретации К. Бругмана и Дж. Лакоффа [4] звеньями этой структуры являются, скорее, денотативные схемы, отражающие различные типовые конфигурации объектов в пространстве, чем непосредственно значения. Это становится понятно хотя бы потому, что одно и то же графическое изображение, выдаваемое авторами за значение, в принципе, может соответствовать различным знакам. Другими словами, рисунок содержит лишь часть информации, закодированной в знаке. Исследования Т.Н. Маляр [2] и К.Р. Ковентри [5], также посвященные предлогу *over*, показывают, что концептуализация положения объектов в пространстве через данный предлог предполагает дальнейшее переосмысление исходной схемы, в ходе которого она «обрастает» дополнительными пространственно-функциональными характеристиками. Эти характеристики и есть те дифференциальные признаки, которые отличают исследуемый предлог от синонимически близких ему. Так, в предложении *She held an umbrella over her head* предлог *over* содержит информацию не только о том, что один объект находится над другим, но и что верхний объект выполняет функцию защитного экрана от воздействия падающих на нижний объект солнечных лучей, капель дождя и т.д. Именно наличие данной функции делает невозможным замену *over* на предлог *above*, который соотносится с той же денотативной схемой.

Смещение акцента на анализ денотата в когнитивных исследованиях семантики знака О.Н. Селиверстова связывает с переоценкой значимости перцепции. По ее мнению, эта переоценка приводит к тому, что выделяются по преимуществу концепты, непосредственно отражающие наблюдаемые свойства денотата [3]. Кстати, понятия «концепт» и «концептуализация» в терминологии когнитивистов связаны именно с процессом формирования первичного семантического представления, в случае с пространственным

предлогом — исходного графического образа (т.е. того, что становится денотатом знака), и не отражают процессов дальнейшего переосмысления этого представления, что приводит к неадекватно упрощенной трактовке значения.

Общая направленность работ когнитивной школы состоит в стремлении проникнуть в структуру значения через анализ тех фрагментов реальной действительности, которые попадают в область денотации исследуемого знака. Такой взгляд на проблему дает когнитивистам возможность выйти за пределы сугубо лингвистической реальности для объяснения многих языковых процессов и привлечь возможности других наук — психологии, физиологии, антропологии, математики и тому подобное — в своих исследованиях. И в этом, на наш взгляд, ценность когнитивного подхода. Однако при этом не следует забывать и о ресурсах собственно лингвистики, а именно: учитывать системный характер организации языка, который дает возможность представить один и тот же графический образ через различные системы значений, наполнив этот образ разным концептуальным содержанием.

Литература

1. *Джонсон-Лэрд Ф.* Процедурная семантика и психология значения // НЗЛ. Когнитивные аспекты языка. – Вып. XXI–II. – 1998. – С. 234–257.
2. *Маляр Т. Н.* О семантике предлога *over* // Концептуализация и когнитивное моделирование мира: Сб. научных трудов МГЛУ. – Вып. 430. – М., 1995. С. 3–15.
3. *Селиверстова О. Н.* Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов: Сб. научных трудов / Под ред. Д. Пайар, О.Н. Селиверстовой. – М.: Русские словари, 2000. С. 189–242.
4. *Brugman C., Lakoff G.* Cognitive Topology and Lexical Networks // Cottrell G. W., Small S. and Tannenhouse M.K., (eds.). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from Psycholinguistics, Neuropsychology and Artificial Intelligence.* – San Mateo, CA: Morgan Kaufman Publishers, 1998. P. 477–508.
5. *Coventry K. R.* Geometry, Function and the Comprehension *over, under, above* and *below* // *Proceedings of the cognitive science society.* – NJ: Mahwah, 1998. P. 345–349.
6. *Landau B., Jackendoff R.* «What» and «Where» in Spatial Language and Cognition // *Behavioral and Brain Sciences.* – 1993. – № 16. – P. 217–265.

М.А. Богатырева

Формы предъявления материалов культуры в учебнике иностранного языка

The analysis of studies in methodology shows that the techniques of presenting socio-cultural materials in foreign textbooks are tightly connected with a situational approach and a concentric principle of organizing language units. That would probably be insufficient in terms of the «dialogue of culture» which suggests devising explicit and implicit contexts, comparing mentalities, creating emotional incentives. All together these methods are intended to excite real communication among students of the humanities.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, единица культуры, методика преподавания английского языка.

В контексте соизучения языков и культур особую значимость приобретает технология подачи единиц культуры в учебнике иностранного языка (ИЯ) для неязыковых гуманитарных вузов. Чтобы вызывать интерес к дальнейшему, более основательному изучению ИЯ, учебный материал должен быть сориентирован не столько на уже достигнутый уровень развития личности, сколько на «зону её ближайшего развития» (термин Л.С. Выготского).

Анализ методической литературы показывает, что накоплен богатый теоретический опыт, позволяющий осмыслить новые приёмы и методы обучения ИЯ. Однако в практике конструирования профессионально ориентированных учебников данные подходы развития не получили.

Текстовый материал

Любой текст, как известно, создаётся в соответствии с определёнными правилами и адекватно этим правилам существует в восприятии языковой личности как знания, которые в общем плане можно отнести к содержанию «социальной памяти» определённой этнической культуры. Под этой памятью понимается информация, накопленная в ходе социально-исторического развития и зафиксированная в результатах практической и познавательной дея-

тельности людей. Передаваемая из поколения в поколение с помощью артефактов культуры, социальная память составляет основу индивидуального и общественного познания. Как исходная база процесса усвоения конкретной лингвокультуры тексты выполняют разнообразные учебно-познавательные задачи, поэтому можно говорить о разных способах представления социокультурных знаний в учебных текстах. Своеобразная классификация таких способов предлагается в материалах Совета Европы [10: с. 22]:

1. Типизированно-имитационный способ характерен для текстов, тематика которых общая для многих учебников в силу отражения в них типичных, наглядных явлений и событий жизни, как например: «Семья», «Жильё», «Покупки», «Свободное время» и другое.

2. Нормативно-документальный способ презентации направлен на сообщение объективной информации об иноязычной среде. С этой целью привлекаются как документальные материалы, так и первоисточники, содержащие точные объективные факты, статистические данные.

3. При аффирмативно-эксclamаторном способе презентации речь идёт о раскрытии особых явлений действительности, которые удивляют своей уникальностью. Характерно, что в конце каждого такого текста, настоятельно выражающего безоговорочное одобрение предмета обсуждения, можно поставить восклицательный знак.

4. Проблемно-ориентированный способ презентации указывает на реальные обстоятельства конкретных задач, стоящих перед обществом, которые побуждают обучаемых к принятию того или иного решения. Этот способ отражает постулат образовательной реформы 1970-х годов: использовать ИЯ в проблемных жизненных ситуациях, требующих умения не только выразить своё отношение к миру, но и изменить существующее положение вещей в свою пользу.

5. Критически-эмансипированный способ презентации предполагает противопоставление взглядов общающихся сторон в различных сферах деятельности. События, участниками которых становятся собеседники, вольно или невольно затрагивая их интересы, вовлекают их в дискуссию и заставляют давать критическую оценку происходящему.

В ряде работ отечественных методистов текстотека учебника понимается очень широко — как перечень всех материалов, необходимых для учебной коммуникации, мотивирующих и стимулирующих её, содержащих фактический или речевой материал для решения коммуникативных задач (КЗ). По утверждению А.Р. Арутюнова, «текстом является любой факт культуры ИЯ, целесообразный для учебной коммуникации и имеющий знаковую функцию» [1: с. 76].

Выделяя эксплицитную и имплицитную формы подачи социокультурных сведений в текстах, Л.С. Журавлева и М.Д. Зиновьева полагают, что более открыто страноведческий материал обнаруживает себя в следующих текстах:

- информационно-справочных;
- узуально-поведенческих (описательного и повествовательного характера);
- научно-популярных (о достижениях науки).

Если в упомянутых типах текстов преобладают познавательные планы информации, то в публицистических и художественных текстах познавательные планы информации совмещены с оценочно-эмоциональным и побудительно-волевым планами. Именно поэтому страноведческий потенциал выражен в них менее эксплицитно [5: с. 40–53].

В терминах Г. Нойнера, социокультурный контекст либо подчиняется доминирующей грамматической прогрессии, либо «спрятан» в таких компонентах учебника, как аудиовизуальный материал, аутентичный текст. Ввиду того что имплицитный социокультурный контекст предполагает более вольное толкование предмета рассмотрения, составители учебников прибегают к эксплицитному контексту в целях пояснения конкретных фактов культуры [11: с. 76]. В то же время именно посредством имплицитных контекстов возможно создание интенсивного контакта с инокультурной реальностью, а также эмоционального климата, способного снимать психологические барьеры в педагогическом общении, направляя положительный настрой в русло запоминания предметно-логической информации.

Очень точно характеризуют Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отличительные черты удачного аутентичного текста, отобранные по законам ассоциации. В подобных текстах имеет место:

прямая адресованность, которая позволяет опереться на родную культуру обучаемых в поисках как аналогий, так и контрастов;

эксплицитивность, превращающая учебный процесс из пассивного аккумуляирования готовых сведений в активное добывание знаний. Вот почему так важно сочетать обзорные (сообщающие информацию) и экзemplярные (иллюстрирующие эту информацию) тексты: иллюстрация и аргументация суть надежная их основа;

мнемоничность, приводящая к тому, что знания закрепляются и в дальнейшем могут быть активизированы и включены в коммуникацию [3: с. 117–125].

Вместе с тем, недостаточно лишь включить в учебник тексты, содержащие описание страноведческих объектов. Требуется дополнить их диалогом, интервью между воображаемыми участниками межкультурного взаимодействия так, чтобы они содержали элемент незнакомого, предусмотреть стимулы, провоцирующие эмоциональную реакцию будущего специалиста, его потребность к сопоставлению соизучаемых культур. По меткому изречению Т.М. Дридзе, «информируя, текст обучает, формирует представления и образы, вырабатывает ценности и установки, программирует стратегию деятельности, закрепляет навыки поведения, приводит к становлению тех или иных социокультурных ориентиров» [4: с. 200].

В учебнике ИЯ заглавие текста нередко позволяет прогнозировать содержание текста, подлежащего развертыванию. При этом ассоциации, закрепляющие образование социокультурных стереотипов и способствующие развитию языкового сознания личности, образуются как по подобию, так и по противоположности. Давая характеристику сопоставительному анализу различных аспектов конкретной темы в соизучаемых языках, В.П. Фурманова высказы-

вает справедливую мысль о том, что сравнение инокультурного стереотипа с собственным, как и включение опыта другой культуры в свой внутренний мир, ориентирует на установление и поддержание определённого имиджа в межкультурном общении [9: с. 52]. «Национальная культура потенциально многомерна, — читаем мы у М.М. Бахтина, — поэтому только в глазах другой культуры она раскрывает себя полнее и глубже» [2: с. 354].

Таким образом, обеспечивая межкультурную коммуникацию темами и предметами речи, аутентичный текст

- выступает как способ подачи экстралингвистических знаний, с помощью которых достигается полное раскрытие значений слов;
- может рассматриваться в качестве национально-культурного эталона для формулирования типичных коммуникативных интенций, возникающих у говорящих в ходе социально значимого общения.

Языковой материал

Как известно, экспликация учебного материала включает предъявление, семантизацию и первичное усвоение знаний. Семантизация плана содержания слова — это перечисление семантических долей, входящих в фон семантизируемого слова, которое осуществляется в метаязыковой коммуникации. Поскольку аутентичные тексты содержат лексические единицы, отражающие уникальные социокультурные явления, присущие действительности страны, язык которой изучается, учебные материалы вводятся и закрепляются на дифференциальной основе. Это значит, что при семантизации и тренировке лексических единиц акцентируются и сопоставляются компоненты, отличающие родной и иностранный языки и соизучаемые с ними культуры.

В преподавании языков семантизацией называют такие сведения и приемы их презентации, благодаря которым обучаемый может воспринимать переносное значение языковой единицы или единицы жеста, если они по каким-либо причинам затруднены для понимания. Подчеркнём, что национально-культурная специфика реалий может быть выявлена лишь в сравнении и что только открытое сопоставление лингвокультур, опора на культуру родного языка адресата дают стимул для осмысления основных семантических образов изучаемой лексики.

Наиболее ярко и выпукло культура народа проступает в безэквивалентной лексике, обозначающей реалии, — житейские сведения, которые актуальны в массовом обыденном сознании носителей языка, но неизвестны представителям иных культур. Так, например, жителям Америки известно из вестернов, что образом положительного героя, хорошего парня наделяются персонажи в белой шляпе — *white hat*; злодеи носят *black hats*; *Rose Garden* — это название небольшой лужайки у Белого дома, куда выходят окна кабинета американского президента; под *teach-in* подразумевается диспут-семинар по важным социальным и политическим вопросам [7: с. 165]. Совершенно очевидно, что при подаче учебных материалов необходимо учитывать строевые единицы языка с социокультурным компонентом семантики, чтобы студент умел не только узнавать их в речевом потоке, но и реагировать на коннотативное,

эмоционально-символическое значение слов, образовавшееся в рамках данной национальной культуры.

В связи с этим среди композиционных приёмов системной презентации речевого материала в учебниках ИЯ следует предусмотреть не только технологию сопоставления языков и культур, но и концентрическую подачу однотипных по форме единиц организации материалов презентации — сообразно с конкретным разделом учебника. Принцип концентризма сказывается в том, что по мере введения новых социокультурных сведений при ограничении количества ключевых слов происходит постепенное расширение и углубление их значений.

Ситуативный материал

В.П. Фурманова рассматривает ситуацию как социальную конструкцию, создаваемую носителями языка, в которой очень четко прослеживается единение лингвистического и культурного аспектов [8: с. 52]. Если лингвистические единицы не прошли через употребление в истинной речи и не были реализованы в коммуникативной ситуации, они не становятся принадлежностью речевого механизма индивида. С целью овладения социокультурным кодом студентам необходимо участвовать в ситуациях межкультурного общения, которые призваны в определённой мере восполнить отсутствие взаимодействия с носителями языка.

Как известно, именно ситуации призваны создавать социокультурный контекст — фон, который иллюстрирует коммуникативные возможности слов. Направляя внимание студентов на вероятностный замысел высказывания, создаваемый фон способствует употреблению слов в речи.

Наукой установлено, что в основу актуализации сочетательных возможностей слов (их парадигматических и синтагматических связей) положено ассоциирование. Идея объединения отдельных слов в одну семантическую группу (Р. Джоунс) сводится к тому, что в результате использования нескольких повторяющихся ситуаций происходит срастание слова с ситуацией. Следовательно, при формировании тезауруса будущих специалистов следует учитывать рациональную структурную организацию лексического материала в памяти человека, образующую как бы ассоциативную сеть, единицы которой обладают способностью к динамической интеграции.

Ситуации, используемые при экспликации лексических единиц, могут быть отнесены к ситуативным этюдам. Применение указанного приема способствует расширению ассоциативных и тематических связей с семантизируемыми лексическими единицами. Задействование специалистом различных форм мышления, высокой готовности словесно-логической и ассоциативной памяти развивает умение в сжатый срок актуализировать нужное слово, найти ему эквивалентную замену и тем самым преодолеть коммуникативный барьер. При этом важно понять, насколько полезно использовать ассоциации в самом начале работы с новым лексическим материалом и как объединить в один узел этап презентации лексических единиц с созданием ориентиров для их использования в ситуации, то есть на коммуникативном уровне. Очевидно, данный вопрос имеет прямой выход на ситуативно-тематическую организацию материалов презентации.

Аутентичным должен быть не только текстовый материал, но и формы работы с ним. В целях обеспечения узуальной достоверности ситуации Т.Н. Чернявская [9: с. 15] выделяет такие приёмы, как: а) включение страноведческих сведений в формулировку и описание обстановки общения; б) опору на лингвострановедческую зрительную наглядность при проигрывании коммуникантом социальных ролей.

Кроме того, достижению внутренней наглядности, позволяющей обучаемым по предлагаемым им ориентирам вообразить себе ситуацию общения, в значительной степени способствует применение такого методического приёма, как привязывание фоновых знаний к лексеме. Пытаясь обосновать неправомерность его использования, А.Н. Крюков высказывает мнение о том, что соотносить фоновые знания с лексемой тавтологично с лингвистической точки зрения, а с методической — этот приём ограничен в той мере, в какой говорящие оперируют лишь номинативными сочетаниями и ключевыми словами [6: с. 19–34].

Вместе с тем, последние исследования (Г.Д. Томахин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) убедительно доказывают, что фон, ассоциативные связи возникают у информантов при предъявлении изолированных слов уже на языковом уровне, до их актуализации в речи. В результате отбора коммуникативных ситуаций изучению подвергаются те из них, которые содержат словесные образы, наиболее ярко выражающие своеобразие осваиваемой культуры и не мешающие их восприятию конкретным национальным контингентом обучаемых. Тем самым практика подтверждает жизненность и методическую оправданность приёма оперирования ключевыми словами.

И, наконец, созданию ориентиров к построению ситуаций служит символическая система, в опоре на которую осуществляется мышление человека. Уместное применение схем, таблиц, ассоциограмм (термин Пифо), рисунков и других средств зрительной наглядности повышает творческий потенциал учебника ИЯ и приобретает особую значимость в контексте развития ассоциативного мышления взрослых коммуникантов в условиях ограниченного набора средств для выражения той или иной поведенческой роли при постановке КЗ.

Отмечая целесообразность схематического изложения фактического материала в учебниках ИЯ, Г. Нойнер высказывает мысль о том, что на этой основе можно: а) создать у обучаемых стереотипное представление о национальном характере жителя страны/стран изучаемого языка; б) выработать у них взгляд на чужую культуру как на фон, на котором особенно глубоко ощущается принадлежность к конкретной национально-культурной общности; в) подвести обучаемых «к глубочайшему пониманию своеобразия своей культуры и народа» [11: с. 76].

Развиваясь на содержательной почве проблемы, базируясь на страноведческой основе, ситуация является эффективным стимулом к порождению не подготовленной студентом, но запланированной преподавателем текстовой деятельности, к сопоставлению культур. На наш взгляд, ситуативный подход оказывается наиболее продуктивным в ходе решения комплекса языковых, речевых, коммуникативных, социокультурных и профессиональных задач в силу ряда преимуществ:

- а) основан на предварительном анализе будущего речевого поведения специалистов, ориентированного на носителя языка;
- б) определяет необходимые виды познавательной деятельности будущих специалистов;
- в) актуализирует социокультурные знания студента и обогащает опыт общения, приобретаемый в ходе решения КЗ;
- г) обеспечивает как подлинную мотивацию и заинтересованность коммуникантов на протяжении всего учебного курса, так и развитие способности к эмпатии.

Таким образом, отражая перемены в актуальной культуре, новая технология подачи социокультурных материалов в учебнике ИЯ призвана способствовать развитию у будущих специалистов-нефилологов готовности понимать культурные реалии страны изучаемого языка, давать беспристрастную и критическую оценку происходящим в мире событиям и содействовать социокультурному развитию личности студента в целом.

Литература

1. Арутюнов А. Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. – М.: Русский язык, 1990.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Учебные тексты страноведческой тематики в преподавании русского языка как иностранного: соображения о повышении эффективности их восприятия // Русский язык для студентов-иностранцев: Сб. метод. статей. – № 25. – М.: Высшая школа, 1988. С. 117–125.
4. Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. – М.: Высшая школа, 1980.
5. Журавлева Л. С., Зиновьева М. Д. Значение страноведческой и лингвострановедческой подготовленности учащихся для рецепции художественных произведений // Лингвострановедение и текст: Сб. статей. – М.: Русский язык, 1987. С. 40–53.
6. Крюков А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация // Этнопсихоллингвистика: Сб. статей. – М.: Наука, 1988. С. 19–34.
7. Трофимова З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке. – М.: Павлин, 1993.
8. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1993.
9. Чернявская Т. Н. Приемы создания и использования текстовых материалов учебников русского языка для иностранцев в лингвострановедческих целях: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1983.
10. Competence for vocationally oriented language learning. Descriptive parameters, organization and assessment. – Strasbourg: Council of Europe, 1994.
11. Neuner G. The role of sociocultural competence in foreign language learning and teaching // Sociocultural competence in language learning and teaching. – Strasbourg: Council of Europe, 1997.

У.П. Стрижак

Составление тезауруса как один из путей расширения словарно-иероглифического запаса учащихся

Nowadays in Japanese teaching methods there is a need for developing new educational strategies which imply enhancement techniques when dealing with remembering of a large volume of lexical material and particularly synonymous sequences in Japanese language. One of the possible ways is a creation of the thesaurus or the ideographic vocabulary in which particular semantic connections between lexical units are represented. The following advantages of represented method — systemizing of accumulated ideographic vocabulary — could be highlighted: 1) making searching of the necessary lexical unit more efficient; 2) categorizing of new lexical unit by assigning it to the existent lexical group.

Ключевые слова: тезаурус, словарно-иероглифический запас, методика преподавания японского языка.

Проблема обучения лексической составляющей иностранного языка широко обсуждается в педагогической теории и практике. При этом практически все исследователи отмечают специфические трудности лексического материала. Здесь можно перечислить такие факторы, как объем значения слова по сравнению с родным языком, многозначность слов, специфику сочетаемости одних слов с другими, особенности словоупотребления в конкретной коммуникативной ситуации. Кроме того, помимо общей специфики лексики как языкового материала словарному составу каждого конкретного иностранного языка присущи свои характерные особенности.

Рассматривая эту проблему в контексте преподавания японского языка, прежде всего хотелось бы затронуть вопрос о количественном соотношении лексики японского языка и европейских языков. Известно, что во французском языке знание 5 000 высокочастотных слов обеспечивает понимание 96% текста, для понимания 93,5% текста на английском языке также необходимо знание 5 000 слов. В японском языке это количественное соотношение принципиально иное — чтобы понять 93,5% японского текста, необходимо знание более 15 000 слов, а чтобы понять 96% текста, требуется знание уже 22 000 слов. Для русского языка характерно соотношение 7 000 – 8 000 тысяч слов для понимания 90% текста. Другими словами, каждому английскому или французскому слову соответствуют 3–4 японских слова, каждому слову в русском языке — 2–3 японских слова. Даже с учетом различных исходных

концепций слова как основной единицы учета (например, возможность учета формообразующих элементов или служебных слов в ходе подсчета японских лексических единиц) эта разница значительна.

Кроме того, исторически сложилось так, что словарный состав японского языка представлен тремя классами слов — *ваго* (исконно японские слова), *канго* (слова, заимствованные из китайского языка в ходе приспособления китайской иероглифики для записи японских слов) и *гайрайго* (слова, пришедшие из европейских языков). Такая трехслойность современной лексики, сосуществование слов различных типов значительно увеличивают словарный состав и пополняют синонимические ряды, в результате чего система синонимов в японском языке весьма разветвлена и зачастую избыточна [1: с. 184].

Далее следует отметить большую плотность лексико-семантических полей в японском языке, что может быть связано с высокой дробностью выражаемых понятий и детализацией выражений, что также существенно влияет на количество лексических единиц в японском языке.

Исходя из всего выше сказанного, можно сказать, что в методике преподавания японского языка назрела насущная необходимость в разработке таких обучающих стратегий, которые предполагают улучшение запоминания большого объема лексического материала, главным образом — синонимических рядов, путем его систематизации. Одним из путей повышения эффективности запоминания большого объема лексического материала нам видится составление тезауруса.

Тезаурус — это идеографический словарь, в котором представлены семантические связи между лексическими единицами. То есть основным принципом построения тезауруса или структурной основой такого словаря, вслед за Т. Ямагути [5: с. II], мы будем считать иерархическую систему понятий, обеспечивающую поиск от смысла к лексико-иероглифическим единицам. Поиск же в обратном направлении осуществляется с помощью алфавитного указателя.

Существующий алгоритм составления тезауруса на базе обширного лексико-иероглифического материала предполагает отбор источников, выделение ключевых слов из общего массива единиц и формирование списка поисковых слов [5: с. 1543]. В случае же составления учебного тезауруса на начальном и среднем этапе овладения иностранным языком, очевидно, построение тезауруса происходит путем систематизации первоначального лексико-иероглифического запаса и последующего включения новых слов в соответствующие словарные группы.

Рассмотрим различные виды тезаурусов для выбора оптимальной схемы, позволяющей с наибольшей эффективностью выстроить процесс систематизации лексико-иероглифического вокабуляра учащихся.

Существуют различные варианты классификации тезаурусов. Учитывая особенности японского лексического материала (большой объем лексики, омонимичность, синтаксичность, высококонтекстность и тому подобное), наиболее предпочтительным выглядит такой критерий построения тезауруса, как тип смысловых связей между единицами.

Например, тезаурусы могут отражать предметные или тематические связи, основанные на сходстве или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов (части тела, родственники, еда и напитки и так далее). В качестве образца такого учебного тезауруса приведем схему организации лексического материала по теме «Погода» (см. табл. 1). Подобная систематизация позволяет включать новые слова в сложную систему лексико-семантических отношений и обогащает словарный запас учащихся, расширяя ассоциативные связи лексической единицы с кругом других слов. Здесь также видно стремление отразить особенности словоупотребления той или иной лексической единицы в зависимости от контекста: так, по-разному будут звучать слова «молния» в тексте прогноза погоды и в контексте японского стихосложения:

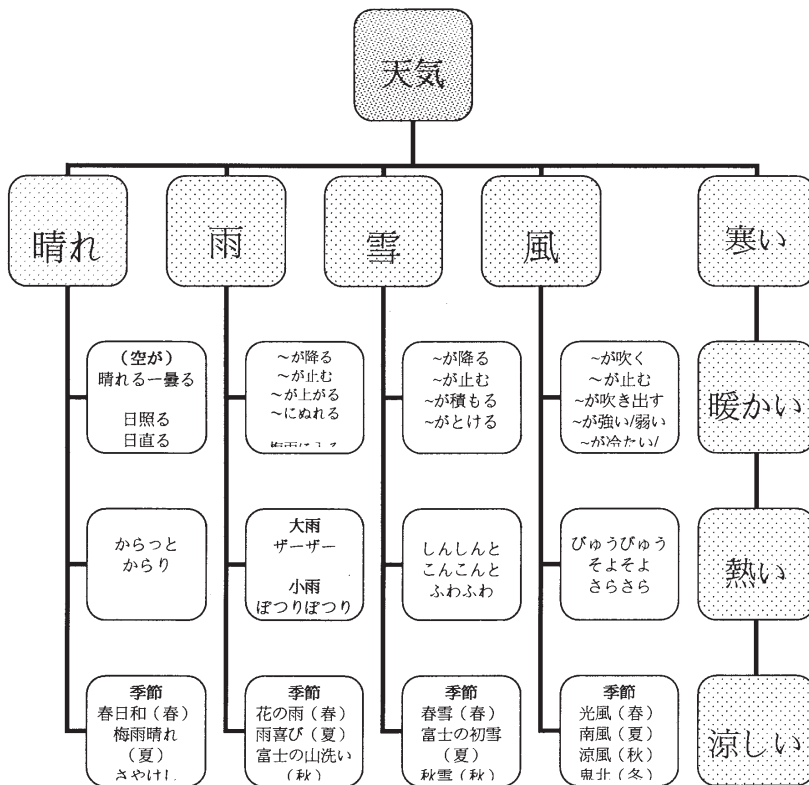
稲妻 *инадзума* — молния, освещающая и воспевающая красоту родной земли, осеннее сезонное слово;

雷 (が落ちる) *каминари* — молния ударила (сводка погоды).

В тексте данной схемы это отражено специальными пометами 季 *ки*, сокр. от 季語 *киго* — «сезонное слово в поэтическом контексте». Другими словами, подобная организация лексического материала помогает выработке такого компонента лексического навыка, как соотнесенность слова с ситуацией.

Таблица 1

Тематический тезаурус по теме «Погода»

Другой вид тезаурусов в данной классификации отражает лексико-семантические связи между единицами, т.е. объединение в группы происходит по лексическому значению слов. Сюда можно отнести словари синонимов и антонимов, где отбор производится не по всему смысловому объему слова, а по одной из линий его значений (сходство или противоположность значений). Таковым можно назвать, например, японский словарь антонимов, где языковой материал представлен как в виде рядов слов с противоположным значением, так и в виде таблиц, отражающих антонимичные отношения [1: с. 334]:

ぬぐ	かぶる (帽子など)
	きる (洋服)
	はく (靴など)
	つける (袴など)

Или в виде рядов слов с противоположным значением:

ぬるい [温い] それほど熱くなくて感じが悪い	あつい [熱い] あたたかい [温かい] つめたい [冷たい]
----------------------------	---------------------------------------

Ниже мы представим также вариант учебного тезауруса, построенного по похожему принципу и выполненного в виде синонимичных рядов (см. табл. 2).

Таблица 2

Синонимические ряды

слово	синоним	литота	сравнение	преувеличение	заимствование
金持ち богач	豊か 豊富 богатый	貧乏では ない не бедный	第二のビル・ゲイツ второй Билл Гейтс	億万長者 миллионер	リッチ богатый
細い худой	やせている худой	太っている толстый	骸骨みたい как скелет	骨と皮ばかり кожа да кости	スリム・スレンダー худой
悪い плохой	嫌な неприятный	(道徳的に) よくない нехороший	鬼のような人 как черт	悪魔 дьявол	バッド・グッドではない плохой

Далее, вспомним, что, в отличие от словарного состава слов как совокупности номинативных средств (как первая степень обобщения), лексико-семантическая система в целом является результатом сложного взаимодействия слов в их значениях с элементами других уровней языка: морфологического и синтаксического [3: с. 73]. Поэтому помимо тезаурусов, представляющих лексико-семантические связи между единицами, в этой классификации также следует выделить тезаурусы, отражающие семантико-синтаксические связи между лексическими единицами. Здесь объединение слов в группы происходит одновременно по смыслу и синтаксической сочетаемости, причем степень парадигматической закреплённости слова как лексико-семантической единицы находится в обратной зависимости от степени его синтагматической закреплённости [4: с. 190]. Смысловые связи слов устанавливаются преимущественно между существительными и предикатами (глаголами и прилагательными), например, между глаголами и определенным грамматическим дополнением, которого первые требуют: пить — суп; садиться в / на — такси, лифт, эскалатор, лошадь и т.д. Учитывая указанную нами выше такую особенность японской лексики, как отличие принципов сочетаемости одних слов с другими от таковых в русском языке, этот тип тезауруса также может быть очень полезен при систематизации усваиваемого лексико-иероглифического материала, так как он способствует установлению прочных связей на уровне устойчивых словосочетаний.

Таким образом, если систематизировать накопленный словарно-иероглифический запас, то, во-первых, подобная структуризация улучшит поиск необходимого материала в уже существующем массиве лексических единиц, во-вторых, запоминание и последующая активизация новых слов будет происходить не линейно, а путем включения нового слова в уже существующую словарно-иероглифическую группу. Опираясь на такой известный психологический принцип запоминания, как принцип принадлежности к целому, мы можем с уверенностью предположить, что данная обучающая стратегия существенно повысит эффективность запоминания и актуализации лексико-иероглифического материала на занятиях по японскому языку.

Литература

1. *Китахара Я., Того Ё.* Хантайго-тайсёго дзитэн. — Токио: Токёдо сюппан, 1989.
2. *Паиковский А. А.* Слово в японском языке / Под общ. ред. и с предисл. И.Ф. Вардуля. — 2-е изд., испр. — М.: КомКнига, 2006.
3. *Уфимцева А. А.* Опыт изучения лексики как системы. — 2-е изд., испр. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. — 3-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. *Ямагути Т.* Нихонго сисорасу. — Токио: Тайсюкан, 2003. — 1549 с.

Н.В. Языкова

Культура и обучение иностранным языкам: лингводидактический аспект

The article deals with the problem of teaching materials in the framework of intercultural approach to TEFL. The article discusses the methodology, aims, principles and research methods used in designing a lingua-cultural reference book "US High School and College Education".

Ключевые слова: межкультурная компетенция, методика преподавания английского языка, лингвокультурологический подход, лингвокультурологическое поле.

На современном этапе развития отечественной теории и методики обучения иностранным языкам никто уже не подвергает сомнению необходимость обучения ИЯ в контексте культуры. Это положение нашло теоретическое обоснование и практическую реализацию в ряде культуроориентированных концепций: лингвострановедческой (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), социокультурной (В.В. Сафонова, В.П. Сысоев, Г.Д. Томахин), лингвокультуроведческой (В.П. Фурманова), лингвокультурологической (В.В. Воробьев, М.А. Суворова), межкультурной (С.Г. Тер-Минасова, Г.В. Елизарова).

Методологическую основу исследований в рамках названных подходов составляют диалоговая концепция культуры М.М. Бахтина, которая выявляет глубинное единство языка и культуры, и концепция языковой и вторичной языковой личности (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, И.А. Халеева).

Эти концепции реализуются в многочисленных диссертационных исследованиях, направленных на формирование наряду с вербально-семантическим когнитивного и прагматического уровней языковой личности.

Однако анализ научной литературы, изучение и обобщение опыта обучения ИЯ в языковом вузе позволили сформулировать ряд противоречий между:

- достижениями коммуникативного подхода в российской методике и неадекватным уровнем владения обучающимися иностранными языками в плане их культурологического измерения;
- концептуальной разработанностью лингводидактических проблем соизучения языка и культуры и слабой технологической реализацией теоретических положений в учебниках и учебных пособиях для вузов;
- целевой установкой на подготовку специалиста, способного к межкультурному общению в профессиональной сфере, и традиционными видами

работы с текстом как источником и носителем культуры страны изучаемого языка;

- высоким уровнем развития современных информационных технологий, которые могут обеспечить реальную межкультурную коммуникацию, и недостаточно широким и систематическим использованием глобальной сети в практике обучения ИЯ как важнейшего источника культурологической информации.

Данные противоречия определяют актуальность переоценки некоторых лингводидактических категорий, и прежде всего целей и содержания обучения ИЯ в целом, и в языковом вузе в частности.

Межкультурная концепция обучения ИЯ разработана в трудах Г.В. Елизаровой. В качестве цели обучения она выдвигает формирование межкультурной компетенции, не имеющей аналогов с коммуникативной компетенцией носителя языка, которая присуща только межкультурному коммуниканту — языковой личности, познавшей посредством изучения ИЯ особенности родной и изучаемой культуры и особенности их взаимодействия [2].

Дополнительный аргумент в пользу необходимости формирования межкультурной компетенции у изучающих ИЯ — специфическая природа общения носителей различных культур, осуществляемого на ИЯ, которое, по сути, является межкультурным. Отличие межкультурной коммуникации от общения в рамках одной культуры заключается в следующем. При общении на родном языке его носители, принадлежащие к одной культуре, бессознательно придерживаются единой системы значений. У них возникают культурно обусловленные единообразные представления о картине мира, на основе которой они общаются. В условиях межкультурного общения в силу отсутствия единой системы культурных значений у представителей различных культур взаимопонимание значительно затруднено. Приписывание ценностей родной культуры явлениям иноязычной культуры приводит к упрочению стереотипов и предрассудков относительно «чужих» — носителей иной культуры.

На основе вышеизложенного можно уточнить цели обучения ИЯ в целом, и в языковом вузе в частности. Это формирование **межкультурной компетенции** как компетенции особой природы, основанной на знаниях и умениях, **способности осуществлять межкультурное общение посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения.** Цель формирования межкультурной компетенции — такое качество языковой личности, которое позволяет ей выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности [2].

Это означает, что выпускник вуза должен хорошо знать собственную культуру и культуру страны / стран изучаемого языка, выявлять общее и различное в культурах путем сопоставления, чтобы правильно выстраивать собственное поведение и расшифровывать поведение представителя другой культуры, уметь довести до собеседника смысл особенностей межкультурного акта общения, — иными словами, уметь вести переговорный процесс с це-

лью достижения единого культурного значения. При этом учебный процесс должен строиться как процесс межкультурной коммуникации.

С точки зрения содержания и технологии обучения особый интерес представляют некоторые положения лингвокультурологического подхода к обучению ИЯ [3]. За единицу описания при данном подходе мы принимаем **лингвокультуре́му** — **особую единицу, включающую сегменты не только языка (языкового значения), но и культуры (внеязыкового культурного смысла), которые репрезентируются соответствующим знаком.** В отличие от слова лингвокультуре́ма содержит как собственно языковое представление, так и неразрывно связанную с ним «внеязыковую культурную среду» — устойчивую сеть ассоциаций, составляющих культурный ореол слова, который позволяет проникнуть в смысл высказывания как отражения феномена культуры. Например, college, ABD — all but dissertation, Big Ten, work-study program, hazing, pep show, Homecoming etc., среди которых мы различаем реалии, фоновую и коннотативную лексику [1].

Поскольку лингвокультурологический подход включает культуру как объект обучения ИЯ, представление материала должно строиться по принципу «от культурной единицы» (лингвокультуре́мы), а не от языковой единицы. При таком подходе акцент делается не на точечной регистрации определенной информации о культуре, извлекаемой из языковой единицы, а на отражении в языке некоторого достаточно репрезентативного фрагмента национальной культуры.

В соответствии с данным подходом меняется и **содержание обучения**, в которое дополнительно включаются следующие компоненты.

1. Знания:

- знания о сущности феномена культуры, природе культурных универсалий, их наполнении в различных культурах; механизмах отражения культуры в языке и речи; психологических особенностях межкультурного общения; о природе и функциях стереотипов, предрассудков и обобщений, механизмах регулирования собственных эмоций, сущности эмпатии;

- знания определенного фрагмента действительности, лингвокультуре́мы как единицы, содержащие в себе эти знания, аутентичные тексты, принимаемые за единицу коммуникации и рассматриваемые как речевые произведения, несущие определенную информацию о фактах и особенностях национальной культуры;

2. Межкультурные навыки и умения:

- умения по отбору, изучению и упорядочению лингвокультуре́м для формирования в сознании обучаемых относительно полной картины существующего в обществе явления и дальнейшему использованию этих лингвокультуре́м и связанных с ними фоновых знаний в процессе межкультурного общения;

- этнографические умения определения культурного компонента значения речевого и неречевого поведения;

- умение двойного видения одной и той же ситуации;

- посреднические умения медиатора между собственной культурой и культурой собеседника;
- умение осуществлять речевую деятельность в соответствии с культурными нормами носителей, знакомить инокультурного собеседника с особенностями и ценностями родной культуры.

3. Отношение к межкультурному общению (attitudes) предполагает открытость новой информации, желание и готовность восприятия «другого», «чужого» как равноправного; толерантность, приятие «чужого», адаптация к явлениям культуры страны изучаемого языка, эмпатическое отношение к его носителям.

Изучение студентами определенного фрагмента культуры проводится с помощью построения **лингвокультурологического поля**. Под лингвокультурологическим полем понимается иерархическая структура множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом и отражающих в себе систему соответствующих понятий как единство **общего, особенного и единичного**.

Основными принципами обучения в рамках межкультурного подхода к обучению ИЯ являются принципы культурно-ориентированной и когнитивно-деятельностной направленности, контрастивности, межпредметной координации, аксиологической ориентированности [5].

В исследовательском плане большой интерес представляют проблемы отбора текстов для чтения в процессе изучения определенной сферы жизни страны изучаемого языка.

Одно из важнейших средств обучения иноязычной культуре в рамках лингвокультурологического подхода — система аутентичных текстов, отражающих определенный пласт культуры. В нашем исследовании для изучения системы образования в США за основу взяты тексты из серии «Chicken Soup for the Teenage Soul» [1997, 2000] и «Chicken Soup for the College soul» [1999]. Данные издания представляют собой собрания писем школьников и студентов, их родителей, что дает возможность студентам получить информацию, отражающую реальную жизнь студентов, познакомиться с организацией учебного процесса, спортивной и культурной жизнью кампусов, волнующими студентов проблемами. Тексты изданий обладают целым набором характеристик, которые делают их использование в обучении ИЯ целесообразным. Наиболее значимы среди них диалогичность, эффект отчуждения, субъективность, наглядность, имплицитность культуроведческой информации, эмоциональность, воспитательная ценность [4].

Другая не менее важная проблема — разработка лингвокультурологических словарей-справочников, отражающих определенный пласт культуры.

Подобная попытка была предпринята автором в рамках международного гранта Института Международного образования Фулбрайт (США). В 2005–2006 учебном году автор работала над проектом «Образование в США: Лингвокультурологический словарь-справочник» в Иллинойском университете, штат Иллинойс.

Задачи проекта:

1. Отбор 3000 наиболее употребительных лингвокультурем, отражающих реалии системы образования в США — начального образования (elementary), младшей средней школы (junior high), старшей ступени средней школы (high school), двухгодичных колледжей (community college), колледжей и университетов (бакалавриат), магистратуры, аспирантуры, системы непрерывного и послевузовского образования; менеджмента и управления как на уровне всей страны, так и на уровне отдельных штатов.

2. Разработка культурологических комментариев к отобранным культурам.

3. Экспертная оценка собранного материала специалистами-носителями языка, в качестве которых выступали профессора университетов, преподаватели школ, представители администрации образовательных учреждений, учащиеся различных типов школ, студенты университетов, отечественные специалисты по межкультурной коммуникации и американистике, российские аспиранты, обучающиеся в университетах США.

Методы исследования:

- изучение научной литературы по проблемам межкультурной коммуникации и образования в США;

- изучение энциклопедий, толковых словарей и справочников по проблемам образования в США;

- изучение школьной и университетской документации, государственных актов, инструкций, определяющих деятельность учебных заведений США;

- чтение художественной, публицистической литературы, периодики, в том числе издаваемой в школах и в университетских кампусах, просмотр художественных фильмов с целью сплошной выборки культурем;

- изучение материалов на сайтах Департамента образования США, школ, колледжей, университетов, исследовательских институтов;

- интервью и беседы со студентами, школьниками, учителями школ и детских дошкольных учреждений, преподавателями, профессорами колледжей и университетов, руководителями управленческих отделов администрации школ, колледжей, университетов, в частности деканов колледжей, заведующими отделениями, заведующими кафедрами, работниками библиотек, сотрудниками спортивных центров с целью выяснения и уточнения разработанных лингвокультурологических комментариев;

- неофициальное личное общение с американцами по проблемам образования, академической, спортивной и социально-культурной жизни университетских городков и общеобразовательных школ;

- посещение занятий в различных видах учебных заведений, встречи в органах управления образованием, ректоратах колледжей и университетов;

- экспертная оценка культурологических комментариев отечественными учеными-культурологами, специалистами по теории и методике обучения ИЯ и американистике.

Создание толкового лингвокультурологического словаря-справочника «Образование в США» вносит определенный вклад в развитие лексикографии. Создаваемое на его основе учебное пособие по элективному курсу для учащихся профильной общеобразовательной школы «Education in the USA» прошло апробацию в ряде профильных филологических классов школ и в спецкурсе по теории и методике обучения иностранным языкам на факультете английской филологии Московского городского педагогического университета. Практический опыт использования этого справочника свидетельствует о том, что благодаря ему расширяются социокультурные знания обучающихся. Следовательно, облегчается процесс межкультурной коммуникации, так как глубокие знания своей и чужой культур помогут студентам определить то общее, что их объединяет, и объяснить различия в культурах с целью достижения взаимопонимания в ситуациях межкультурного общения.

Таким образом, рассмотренные лингводидактические аспекты межкультурного подхода к обучению иностранным языкам частично снимают обозначенные в начале статьи противоречия и могут стать основой для разработки технологии формирования лингвокультурологической компетенции выпускников вузов.

Литература

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 1990.
2. *Елизарова Г. В.* Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005.
3. *Суворова М. А.* Лингвокультурологический подход в обучении иностранным языкам студентов старших курсов языкового вуза: Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. – Улан-Удэ, 2000.
4. *Филиппова Н. В.* Методика обучения национально-маркированной лексике на основе межкультурного подхода в языковом вузе (на материале художественной литературы Германии): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Улан-Удэ, 2002.
5. *Фурманова В. П.* Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз): Дис. ... докт. пед. наук. – М., 1994.
6. *Chicken Soup for the Teenage Soul: 101 Stories of Life, Love and Learning / Compiled by Jack Canfield, Mark Victor Hansen, Kimberly Kirberger.* – Deerfield Beach, Florida: Health Communications, Inc., 1997.
7. *Chicken Soup for the Teenage Soul IV: Stories of Life, Love and Learning / Compiled by Jack Canfield, Mark Victor Hansen, Kimberly Kirberger, Mitch Claspay.* – Deerfield Beach, Florida: Health Communications, Inc., 2004.
8. *Chicken Soup for the College Soul: Inspiring and Humorous Stories about College / Compiled by Jack Canfield, Mark Victor Hansen, Kimberly Kirberger, Dan Clark.* – Deerfield Beach, Florida: Health Communications, Inc., 1999.

НАШИ ЗАРУБЕЖНЫЕ КОЛЛЕГИ

П.Н. Донец

Электронные словари и концептологический анализ

The article deals in the possible usage of electronic dictionaries. The author focuses on the German concept *Grenze* and its representation in the electronic version of the explanatory dictionary «Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache» (2000).

Ключевые слова: электронный словарь, концепт, концептологический анализ.

В последнее время все большее распространение получают электронные словари – как сетевые (к примеру, «Мультитран»), так и компьютерные версии обычных, «бумажных», словарей, нередко объединенных в целые пакеты, как это имеет место в случае с популярной серией «Abbyy Lingvo».

Такие словари не только во многом облегчают работу переводчика и изучение иностранных языков, но и открывают принципиально новые возможности для лингвистического анализа.

В настоящей статье эти возможности будут проиллюстрированы на примере немецкого концепта *Grenze* и на материале электронного варианта толкового словаря «Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache» (2000).

Устройство данного электронного словаря, как и многих других, предусматривает вариант так называемого «полнотекстового поиска» (Volltextsuche), позволяющего найти не только заглавное слово (лемму), но и все остальные случаи его употребления. В указанном словаре Duden существует три рубрики, в которых может встретиться искомая лексема: 1) словник как таковой (список толкуемых слов); 2) дефиниции (толкование) соответствующего слова и 3) иллюстрации его употребления в тех или иных, как правило, литературных произведениях или текстах публицистического жанра. В последних, правда, искомое слово может оказаться случайно, не имея особого отношения к собственно лемме.

На стимул *Grenze* электронный словарь «Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache» выдает в режиме полнотекстового поиска 335 «попада-

ний». 70 из них может быть отнесено к числу упомянутых выше случайных словоупотреблений в иллюстрациях к другим леммам (ср. например, толкование прилагательного *sow|je|tisch* <Adj.>: *zu Sowjetunion — es Hoheitsgebiet; die -e Hauptstadt, Grenze, Regierung...*). Подобный, относительно высокий процент использования слова *Grenze* в качестве иллюстративного материала свидетельствует о его актуальности для немецкого языкового сознания.

Ранее (см. [1, 2]) с помощью процедур семасиологического и ономазиологического анализа нами были в основном определены сигнификат и семемная структура концепта *Grenze*, которые были описаны, в частности, как реальная или воображаемая линия, представляющая собой: а) внешний край (окончание) какой-либо сущности, либо б) разделяющая две сущности (или одну и ту же сущность на две или более части), либо в) препятствующую проникновению тех или иных агентов из одной сущности в другую («барьер»); а также как г) общая зона двух сущностей («промежуточное состояние») и д) высшая или критическая ступень в развитии некоторой сущности, заканчивающаяся качественным скачком в ее эволюции либо ее разрушением. Был выявлен также прототип концепта («государственная граница») и намечены его фреймовые связи.

Проанализируем теперь, в какой мере указанная структура концепта *Grenze* коррелирует с полученным в ходе полнотекстового поиска массивом лексикографических данных.

Анализ этих данных целесообразно начать с лексики, содержащей в своей словообразовательной структуре саму ключевую лексему. В словнике, помимо нее, встречается 38 дериватов и композитов с компонентом *Grenz-*, а также 42 сложных слова с определяемым *-grenze*. Первая из приведенных групп не представляет особого интереса с точки зрения концептологии — фактически все композиты с *Grenz-* имеют отношение к прототипу концепта, другими словами, к государственной границе.

Вторая группа — группа сложных слов с определяемым *-grenze* — в этом отношении гораздо более перспективна. В ее составе выделяется, в частности, подгруппа линий, разграничивающих различные административные образования (семема [a]): *Bezirks-, Dorf-, Kreis-, Landes-, Rayons-, Revier-, Sektoren-, Staats-, Stadtgrenze*. Реже встречаются разделительные линии других сущностей, например, *Luftmassen-* и *Sprachgrenze*.

Гораздо чаще, напротив, можно встретить актуализацию семемы (а) «край, окончание какой-либо сущности» *Anbau-, Baum-, Einkommens-, Eis-, Fischerei-, Jagd-, Preis-, Schwimmer-, Schnee-, Sicht-, Trocken-, Vegetations-, Zollgrenze*.

В этой же лексической подгруппе имеется определенное количество представителей семемы (д) «высшая или критическая ступень в развитии некоторой сущности». Обращает на себя внимание, что среди них присутствует сразу несколько абстрактных и эмотивных концептов: *Ausdauer-, Belastungs-, Frostgrenze, Gefahren-, Leistungs-, Scham-, Streck-, Toleranzgrenze*.

Бросается в глаза также наличие в этом списке отдельной подгруппы географических или, шире говоря, пространственных концептов: *Nord-, Ost-, Süd-* (*West-* по какой-то причине отсутствует), *Ober-* и *Untergrenze*.

Здесь мы можем обнаружить также и несколько элементов соответствующего фреймового поля — историзмы времен германского раскола: *Friedens-, Oder-Neiße-, Sektoren-, Zonengrenze*.

Однако по-настоящему уникальные возможности поиск в электронном словаре открывает с точки зрения установления гиперо-, гипо- и латерально-идеографических связей концепта в лексиконе. До сих пор их удавалось изучать, главным образом, лишь на основе тезаурусных словарей (ср., например, [3]), но в силу ограниченности материала результаты его анализа не могут считаться вполне репрезентативными.

Основным источником для изучения идеографических связей концепта *Grenze* в электронном варианте словаря Duden являются словоупотребления из рубрики «толкование» — по сути, речь здесь идет о лексических единицах, включающих в свое значение более или менее явно выраженную сему «Grenze».

Говоря выше о трех рубриках словаря Duden, в которых встречается слово *Grenze*, мы не упомянули, что есть еще четвертая возможность его появления, а именно: в описании этимологии тех или иных лексем. С точки зрения концептосферы немецкого языка они не представляют особого интереса. На их основе, однако, можно сделать любопытные наблюдения культурологического толка — бросается в глаза, в частности, что этимологией слов как греческого, так и латинского происхождения достаточно часто является признак «Ziel» («цель»): *Finis, Horizont, Term*. В этом факте можно увидеть подтверждение тезиса О. Шпенглера о «фаустическом человеке» западной культуры, стремящемся к достижению и преодолению всех и всяческих границ (ср. славянское «грань», означающее внешнее окончание, предел той или иной сущности).

Среди других иноязычных слов – синонимов *Grenze* можно выделить также *Limit* (коррелирующее с семемой [а]) и историзм *Cordon sanitaire*, представляющее семему (в), а также *Extrem, Supremum* (семема [д]). Достаточно неожиданной является «пограничная» этимология греческого по происхождению слова *Pause* (= «конец»): *Mesopause, Thermopause*.

Лексема *Linie*, выводящая прямо на ядерную сему сигнификата, встречается в исследуемом материале лишь дважды: *Kreditlinie* и *Absprunghlinie*. Сюда же можно причислить и английское заимствование *Deadline*. Во всех этих случаях актуализируется семема [а] — «конец, окончание» какой-либо сущности. Сигнификативно высокое место занимает и родственный *Linie* вариант *Trennungsstrich*.

Достаточно бедно представлены в выборке «классические» синонимы *Grenze* (может быть, за исключением лексемы *Schwelle*, которая представлена тремя композитами: *Bewusstseinsschwelle, Schmerzschwelle, Reizschwelle*), а именно: *Mark, Markscheide, Markung, Wetterscheide, Schranke*.

Вызывает некоторое сомнение толкование авторами словаря еще одного ключевого синонима *Rand* («Teil, der bei einer Vertiefung die äußerste Grenze der höher gelegenen festen Fläche bildet»).

В ней, однако, можно найти латеральные корреляты, которые обычными методами обнаружить было бы вряд ли возможно. Имеются в виду такие лек-

семы, как *Bauflucht* («Grenze, über die hinaus eine Bebauung nach dem Bebauungsplan der Gemeinde verboten ist»), *Feldrain* («Grasstreifen an der Grenze eines Feldes»), *Gewende* («Grenze eines Ackers») и другие.

Довольно отчетливо в исследуемом материале представлена семема (Г) «промежуточное состояние»: *Doppelhaus* («zwei Häuser, die an der *gemeinsamen* Grenze aneinander gebaut sind»), *Naht* ([Milit.] «*gemeinsame* Grenze des Verantwortungsbereichs benachbarter Verbände»), а также *grau* («sich an der Grenze der Legalität *bewegend*»). Эту же сему можно встретить в глаголе *übergehen* («sich ohne sichtbare Grenze vermischen»).

В рубрике толкований также прослеживается тенденция, обнаруженная нами в группе композитов с компонентом *-grenze* — присутствие относительно большого количества пространственно-геометрических концептов, часто выраженных наречиями: *bis, darüber, darunter, hierher, hinaus, hinüber, tief, Ost, West, Süd*.

Граница видится в немецком языковом сознании как *двухсторонняя* (*drüben, Seite, beiderseits*), а также выдвинутая *вперед* (*Frontstaat, Polarfront, Vorhang, Vorverteidigung, vorwärts, vorschieben, vorstehen*) и *протяженная* сущность, ср. глагол *ziehen* («die Grenze zieht sich quer durchs Land»).

Полнотекстовый поиск в электронном словаре может помочь и при решении одной из самых сложных задач концептологического анализа — установления синтагматических связей соответствующего концепта. В случае концепта *Grenze* выделяется несколько вариантов таких связей. Во-первых, это ряд адъективных атрибутов, соотносящихся с семой *Linie*: *scharfe, fließende, oberste, kritische, magische, absolute Grenze*. Интересно, что практически все из них соответствуют вышеописанным «семемам» *Grenze*.

Во-вторых, в выборке встречается целый ряд генитивных атрибутов: *Grenze des Erlaubten* (5 раз), *des Erträglichen* (2 раза), *des Tragbaren, des Vernünftigen, der Aufnahmefähigkeit, Belastbarkeit* (2 раза), *Frechheit, Menschlichkeit, Witzes*. Схожи с ними и препозициональные атрибуты типа *die Grenze zur Debität, zur Peinlichkeit*. Здесь также намечаются определенные параллели с рассмотренными выше абстрактно-эмотивными композитами на *-grenze*.

Достаточно широко среди концептуально-синтагматических связей представлена группа глаголов. Они касаются семы «линия» (*verlaufen, verwischen, ziehen, revidieren*), идеи пересечения барьера — причем как активного (*durchlassen, durchwinken, bringen, durchbringen*), так и пассивного характера (*passieren* [дважды], *überschreiten, einreisen, weiter können*). Часто та же идея связывается с семой «бегство, спасение» (*abhauen, absetzen, türmen, fliehen, flüchten, retten, hinüberretten, rübermachen, durchschlagen*), мерами противодействия таковому (*bewachen, schließen, schnappen, stoppen*), или, наоборот, — высылкой за границу, иногда насильственной (*abschieben*). Выделяется также ряд глаголов, связанных с незаконным перемещением товаров и лиц через границу (*schmuggeln, paschen, schwärzen*).

Подавляющая часть приведенных глаголов относится к семеме [В] «барьер». Среди немногих исключений из этого ряда можно выделить глагол

zusammenstoßen, принадлежащий, скорее, к смысловому блоку [г] «промежуточное состояние» («eine gemeinsame Grenze haben»), а также *sättigen*, входящее в подгруппу [д] «качественный скачок» («so viel hinzufügen, dass die Grenze der Aufnahmefähigkeit erreicht ist, so weit steigern, dass ein Grenzwert erreicht ist») и *auslasten* («bis zur Grenze der Tragfähigkeit belasten»).

Присутствие еще нескольких глаголов в выборке может быть объяснено только через фреймовые связи — к примеру, *plombieren* или *umspuren* (смена колесных пар железнодорожного вагона при пересечении границы с Испанией или СССР).

Фреймовый характер носят также адвербиальные по своей сути (и непосредственно связанные с семемой «барьер») обозначения *bei Nacht und Nebel* и *nächtlicherweile*.

Фреймовая сеть вообще довольно репрезентативно представлена в отобранном лексикографическом материале, в котором можно встретить имена собственные *Rätikon, Ural, Oder-Neiße-Linie*, историзм *Kastell*, такие ее очевидные элементы, как *Staat* и *Zoll*. До сих пор в словаре присутствуют реалии времен ГДР *Selbstschußanlage* и *Todesautomat*.

Весьма яркими представителями времен идеологического противостояния являются также метафора *der Eiserne Vorhang* и ее вариант *Bambusvorhang* («[weltanschauliche] Grenze zum kommunistischen Machtbereich in Südostasien»). Не менее примечательным может считаться шутивное обозначение баварской границы *Weißwurstäquator*.

Подводя краткие итоги исследования, мы вправе утверждать, что компьютерные технологии способны оптимизировать не только процессы производства, проектирования, планирования и т.д., но и оказать немалую помощь в решении таких, казалось бы, далеких от техники проблем, как концептологический анализ лексики.

Полученные в ходе анализа словаря «Duden. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache» результаты относительно концепта *Grenze* могут быть дополнены и уточнены за счет данных других электронных словарей.

Литература

1. Донец П. Н. Концепт «GRENZE» в немецком языке: семасиологический угол зрения // Известия Волгоградского гос. пед. университета. Серия «Филологические науки». — № 3 (12). — 2005. — С. 18–22.
2. Донец П. Н. Концепт «GRENZE» в немецком языке: ономасиологический угол зрения // Вестник Харьковского университета. — Вып. 726. — 2006. — С. 3–5.
3. Шейгал Е. И., Арчакова Е. С. Тезаурусные связи и структура концепта // Язык, коммуникация и социальная среда. — Вып. 2. — Воронеж: ВГТУ, 2002. — С. 19–24.

Л.А. Жилинская

Фразеологические единицы с компонентами из арабского языка

The article focuses on the functions of Arabisms, in particular their participation in the building of phraseological units. The results of stylistic, semantic and thematic Arabisms classifications are also described.

Ключевые слова: арабизм, фразеологизм, заимствования в немецком языке.

Словарный состав любого языка насыщен оборотами фразеологического плана. Характеризующая их стабильность, неизменность, ограниченность варьирования членов, невозможность выведения значения фразеологической единицы (далее ФЕ) напрямую из значения отдельных его членов определяет важность их исследования.

Понимание иноязычных письменных текстов и речи требует точного знания используемых в них ФЕ. Немецкий язык, как и другие языки мира, богат ФЕ, постоянно обогащается новыми единицами за счет заимствования новых структур, участвующих в их образовании. Особый интерес представляют ФЕ с компонентами из арабского языка ввиду их распространенности в современном немецком языке (545 единиц). Кроме того, количество арабизмов среди заимствований из восточных языков в немецком языке преобладает. Отметим, слова арабского происхождения проникли во все области жизнедеятельности немцев и утвердились в них, участвуя в образовании ФЕ. Среди них есть выражения широко известные: (jmdn unter *Alkohol* setzen (спаивать кого-либо; <arab.> al-kuhl), *Watte* in den Ohren haben (оглохнуть; <arab.> bitana). Другие не получили существенного распространения: (an die *Kandare* nehmen (обуздать; <arab.> kandare); *Hasard* spielen (испытывать удачу; <arab.> az-zahr)).

Разговорная речь характеризуется богатством выражений, относящихся к ФЕ. Присутствие в устойчивых выражениях элементов другого языка образует связь времен между разными народами и их культурой. Для выявления в немецком языке ФЕ с элементами арабского происхождения были использованы авторитетные немецкие источники [5, 6, 9]. Все выявленные ФЕ такого

плана активны в употреблении, что подтверждают многочисленные примеры из корпуса текстов [13] и из интернет-ресурсов [14, 15].

Приведем некоторые примеры:

(1) *Hasard spielen* (<arab.> *az zahr*)

«Aber diesmal scheiterte er, der sich selbst im internen Kreise rühmte, *Hasard zu spielen*. Deutschland, Frankreich und Großbritannien ließen erneut ihre Truppen gegeneinander aufmarschieren» [13]. («В этот раз у него не вышло *одержатъ победу (не повезло)*...»)

Арабское слово *Hasard* восходит к *az zahr* — обозначение национальной азартной игры в кости. *Zahr* — это игральная кость. На одной из граней игральной кости изображался цветок, что, в свою очередь, указывает на исконное значение слова *zahr* — цветок [11]. В ФЕ *Hasard spielen* слово *Hasard* уходит от своего первоначального значения, приобретая новое значение — *везучесть*. Согласно семантической классификации, предложенной В.В. Виноградовым, было установлено, что ФЕ *Hasard spielen* является фразеологическим сращением, при этом принадлежит к межстилевой лексике по стилистической классификации.

(2) *Sesam, öffne dich* (<arab.> *simsim*)

«*Sesam, öffne Dich!*» [15] («Сезам, откройся!»)

Арабское слово *Sesam* имеет значение *кунжут*. Известно, что семена кунжута (или сезама) раскрываются с треском при прикосновении к ним. В ФЕ *Sesam, öffne dich* арабское слово означает некий способ разгадки тайны, преодоление какого-либо препятствия, поиск выхода [10]. Данная ФЕ используется в разговорной речи в шуточной форме и представляет собой фразеологическое выражение согласно семантической классификации.

(3) *Das ist doch Zucker!* (<arab.> *sukkar*)

«*Das ist keinesfalls der Commissario, das ist doch Zucker!*» [13] («Это не комиссар, и это здорово!»)

Арабское слово *Zucker* восходит к значению *песок, гравий*, позднее *sahar*. Сахар в Европе появился благодаря арабам, которые культивировали сахарный тростник на завоеванных территориях и торговали им. Вплоть до XVI века продукт считался роскошью и был доступен лишь состоятельным людям. Этот факт объясняет изменение значения *Zucker* в рамках ФЕ: «Это здорово! Это лучше всего!» Арабское слово *Zucker* теряет в составе ФЕ свое исконное значение.

(4) *vor jmdm etw Gamaschen haben* (<arab.> *gadamisi*)

«*Hast du vor der Prüfung Gamaschen?*» [5] («Ты боишься экзамена?»)

Указанное ФЕ имеет значение *трястись от страха, трусить*. Исконно арабское слово *Gamaschen* обозначает особый вид грубой кожи из Гадамеса в Триполитании, из которого изготовлялись детали военной одежды, гамаши [12].

Анализ выявленных ФЕ с использованием стилистической, семантической, тематической классификаций позволяет сделать следующие выводы:

1. Большинство фразеологизмов с элементами арабского языка употребляются в разговорной речи (37%): *einen Koffer stehen lassen* (оставить кого-либо,

забыть; <arab.> quffa); *nicht nach der Mütze sein* (быть не правым; <arab.> mustaqah); *die Chemie stimmt* (царит гармония; <arab.> al-kimiya) и др.

2. При семантической классификации мы наблюдаем, что наибольшее число ФЕ могут быть отнесены к фразеологическим единствам (77%): *j-s Affen Zucker geben* (полюстить кому-либо; <arab.> sukkar); *j-n schachmatt setzen* (находиться в проигрышном положении; <arab.> as-sah); *(nicht) aus Zucker sein* ((не) сахарный, (не) растаешь!) и др.

3. Анализ материала при помощи тематической классификации показал, что все выявленные ФЕ не могут быть сведены к одной или нескольким тематическим группам. Они распределились по 6 группам (действие; номинация ситуации; характеристика человека, его состояния; эмоции; алкоголь; природные явления). Вот некоторые примеры из самых многочисленных тематических групп:

1) **действие:** *j-s Affen Zucker geben* (<arab.> sukkar — гравий, песок, сахар) лстить кому-либо; *es gibt Kattun* (<arab.> qutun — ситец) идет обстрел;

2) **номинация ситуации:** *ewiges Schach* (<arab.> as-sah — король) угрожающая позиция; *kalter Kaffee* (<arab.> qahwa — возбуждающий напиток) скучная история; *alles im Lack* (<arab.> lakk — щитовки) все в порядке;

3) **характеристики человека, его состояние:** *eine trübe Tasse* (<arab.> tasa — лодочка, чашка) скучный человек; *j-d hat nicht alle Tassen im Schrank* — кто-то не в своем уме; *(nicht) aus Zucker sein* (<arab.> sukkar — гравий, песок, сахар) (не) сахарный, (не) растаешь!;

4) **эмоции:** *vor jmdm etw Gamaschen haben* (<arab.> gadamasi — кожа) испытывать сильный страх; *Das ist doch Zucker!* (<arab.> sukkar — гравий, песок, сахар) это здорово!;

5) **алкоголь:** *unter Alkohol stehen* (<arab.> al-kuhl — спирт) быть в состоянии опьянения; *j-n unter Alkohol setzen* — спаивать кого-либо;

6) **природные явления:** *eine Mütze voll Wind* (<arab.> mustaqah — шуба) легкий бриз.

Отметим, что некоторые компоненты арабского языка, входящие в состав ФЕ, несут в себе немецкую национальную окраску. Так, ФЕ *etwas im Alkohol ertränken* (забыться с помощью алкоголя) не могло бы существовать в арабском языке, поскольку употребление алкоголя, пьянство у мусульман запрещено. Следовательно, подобный оборот в арабском языке невозможен. Вместе с тем, есть ФЕ, имеющие чисто арабскую национальную окраску и активно используемые в лексике немцев: *Sesam, öffne dich* (Сезам, откройся). Арабское слово *Sesam* взято из арабской сказки «Али-Баба и сорок разбойников» (1704–1708 гг. — первая публикация в Европе). Слово утратило свое исконное значение *кунжут* (иногда читается *сим-сим*). Отметим, что арабское слово кунжут пришло в русский язык через китайский [10].

Вопрос об актуальности употребления слов, словосочетаний, фразеологических единиц всегда был в центре внимания лингвистов. Со временем многие выражения изживают себя, переходя в разряд устаревших, вытесняясь новыми и свежими оборотами. Что касается выявленных устойчивых выражений,

то отметим, что каждое из них актуально, используется в прессе и разговорной речи, что подтверждается корпусом текстов и другими источниками.

Литература

1. Балк Е. А., Лемнев М. М. 1 500 самых нужных фразеологизмов немецкого языка: Справочник. – М.: ИЦ ЭНАС, 2006.
2. Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь / Под ред. докт. Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – 2-е изд. – М.: Русский язык, 1975.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1976.
4. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. – М.: Academia, 2005.
5. Duden Redewendungen und sprichwortliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik / bearb. von G. Drosdowski – 2. neu bearb. und aktuall. Aufl. – Mannheim: Duden, 2002.
6. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig: Niemeyer, 1982.
7. Friedrich W. Moderne deutsche Idiomatik. – München: Max Hueber Verlag, 1976.
8. Griesbach H., Schulz D. 1000 idiomatische Redensarten Deutsch. – Leipzig: Langenscheidt, 1977.
9. Herzog A. Idiomatische Redewendungen von A bis Z. – Leipzig: Langenscheidt, 1993.
10. Царь-масло [online-Ressourcen]: Кунжутное масло и другие продукты здорового и постного питания из Китая <http://www.sesam-oil.ru>. – Режим доступа: <http://www.sesam-oil.ru/article/oil/carmacllo.htm>. – Загл. с экрана.
11. Онлайн-игры [online-Ressourcen]: История азартных игр, онлайн-игры – М., [2008]. – Режим доступа: <http://www.100game.ru/onlinegames.html>. – Загл. с экрана.
12. Происхождение и значение слов русского языка [online-Ressourcen]: Словарь www.etymology.net.ua. – Режим доступа: <http://www.etymology.net.ua/g.php>. – Загл. с экрана.
13. COSMAS II – Version 3.6.1 [online-Ressourcen]: Institut für Deutsche Sprache – Mannheim, [2006]. – Режим доступа: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/>. – Загл. с экрана.
14. «Das Digitale Wörterbuch» [online-Ressourcen]: Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaft – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts (Umfang: 100 Millionen Textwörter (tokens) in 79.830 Dokumenten.) – Berlin, [200-]. – Режим доступа: <http://www.dwds.de/>. – Загл. с экрана.
15. «Sesam, öffne Dich!» [online-Ressourcen]: das Internet-Angebot der Zeitschrift Stern – Oberasbach, [2002]. – Режим доступа: <http://www.stern.de/wirtschaft/233765.html?eid=501124>. – Загл. с экрана.

О.О. Корзун

Некоторые аспекты совершенствования темпа речи будущих устных переводчиков

This article is devoted to the analysis of speech tempo as an important component of an interpreter's oral speech culture. The detailed list of necessary temporal skills and abilities, which included in the content of teaching of the speech tempo improving process, is given.

Ключевые слова: темп речи, методика преподавания английского языка.

Темп речи является важной составляющей иноязычной произносительной культуры устного переводчика, в целом определяющей эффективность устного последовательного перевода. Роль темпа неоспорима. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос совершенствования у будущих переводчиков скорости произношения, а это, в свою очередь, предполагает формирование у них определенной совокупности навыков и умений. Выявление этой совокупности является предметом рассмотрения в данной публикации.

Формирование целостной системы навыков и умений основывается на специфике факторов, определяющих темп речи переводчика: факторов языкового, индивидуального и экстралингвистического свойства [2: с. 333].

На основании анализа литературы (А.Н. Леонтьев; Н.И. Жинкин, 1958; Н.С. Обносов, 1967; А.Н. Соколов, 1968; Б.А. Бенедиктов, 1972; Б.А. Лапидус, 1980; Л.В. Златоусова, Р.К. Потапова и др., 1997; М.Г. Каспарова, 1998; Г.Н. Иванова-Лукиянова, 2000; Р.К. Миньяр-Белоручев, 1999; Л.К. Латышев, В.И. Провоторов, 2001; А.П. Чужакин, 2003; В.Н. Комиссаров, 2004; И.С. Алексеева, 2004) мы классифицировали навыки и умения в соответствии с этими факторами.

В состав *навыков и умений лингвистического свойства* включается навык быстрого артикулирования / произнесения слогов; навык четкой артикуляции; слухо-произносительные навыки (сформированные до уровня подлинного автоматизма); умение делать необходимые по количеству и длительности (в зависимости от ситуации) паузы; лексико-грамматические навыки (сформированные до уровня подлинного автоматизма); интонационные навыки студентов; навыки расстановки логических ударений.

К *навыкам и умениям, обусловленным спецификой экстралингвистических и индивидуальных факторов*, были отнесены умения соотносить индивидуальный темп речи на родном и иностранном (английском) языках; вос-

принимать переводимую речь по-переводчески, т.е. умение «отключаться» от собственной речи; держать себя в руках, направлять объективное волнение перед выступлением на публике на мобилизацию всех психофизических ресурсов; оценивать параметры ситуации межкультурного общения при устном последовательном переводе; интерпретации темпа речи говорящего на РЯ; следовать темпу оратора.

В силу особого характера индивидуальных факторов, сложности их лингводидактической интерпретации следует остановиться на их рассмотрении более подробно. Как показывает практика, студенты не доходят (вернее, их не доводят) до говорения в нормальном, т.е. среднем для данного языка темпе. Лишь лучшие студенты по окончании вуза достигают темпа речи в пределах 165–180 слогов / мин. в устной речи на первом иностранном языке (английском) [3: с. 68]. Это обусловлено тем, что при определении количественных темпоральных параметров не принимаются во внимание *индивидуальные особенности студентов*.

Назрела необходимость пересмотра методических подходов к формированию у будущего переводчика темпоральных характеристик его речи. Нужна новая концептуальная идея, которая позволила бы согласовать жесткие требования переводческой деятельности (устный последовательный перевод) с реальной достижимостью этих требований в ходе подготовки будущих переводчиков в специальном вузе.

Новая идея базируется на том, что при рассмотрении проблемы совершенствования темпа речи устного переводчика необходимо учитывать темп речи конкретного студента на родном и иностранном (английском) языках. На определенном этапе обучения требуется ставить вопрос о *достижимом* (оптимальном, относительном — Б.А. Бенедиктов) *для студента-переводчика темпе англоязычной речи*. По мнению Б.А. Бенедиктова, «лучшим индивидуальным показателем для характеристики беглости иноязычной речи является величина ее относительной скорости: показатель темпа иноязычной речи берется в его отношении к показателю данной разновидности родной речи у того же человека» [1: с. 38].

При рассмотрении процесса совершенствования темпа речи возникает вопрос об этапе, на котором целесообразно добиваться достижения оптимального темпа речи, зависящего от индивидуальных свойств каждого отдельного студента. Проведенный анализ позволяет утверждать, что на III курсе в рамках дисциплины «Практический курс перевода (1-й иностранный язык — английский)» существует определенный потенциальный резерв временных и содержательных возможностей, которые могут быть использованы с целью совершенствования темпоральных показателей их (студентов) речи. На III курсе подготовки будущих переводчиков целесообразно организовать *целенаправленную работу по совершенствованию скорости речи студентов для приобретения ими оптимального (индивидуально достижимого) темпа речи при переводческой деятельности*. При этом методический — технологический — акцент следует делать на *самостоятельной работе студентов*, возможности которой до сих пор не исчерпаны.

В связи с этим следует выявить умения, которые должны стать объектом целенаправленной работы на данном этапе в рамках самостоятельной работы студентов. К ним мы отнесли следующие умения: 1) фиксировать сходства и различия в индивидуальных темпоральных показателях на РЯ и ЯП (английском); периодически измерять и фиксировать индивидуальные показатели (динамику) темпа иноязычной речи на ЯП; 2) концентрировать свое внимание на воспринимаемой информации, не отвлекаться на посторонние раздражители, сосредоточить свое внимание на восприятии (темпа речи) отправителя информации с целью дальнейшей передачи темпа на ЯП, выявить собственные сильные и слабые стороны в области скоростного оформления высказывания; держать себя в руках, умение направлять объективное волнение перед выступлением на публике на мобилизацию всех психофизических ресурсов; 3) определять особенности собственного психического состояния, уравновешивать его с параметрами коммуникативной ситуации; следить за качеством индивидуального темпа речи на ЯП; 4) адаптироваться в ситуации межкультурного общения; наладить личный контакт с отправителем информации (т.е. по возможности заранее познакомиться с индивидуальной манерой речи выступающего, с его произношением (с темпом речи)); 5) воспринимать и анализировать темп речи (на РЯ) отправителя информации; подбирать соответствующий воспринятому темпу речи (на РЯ) подходящий индивидуально возможный (доступный) темп речи на ЯП (английском), соотносить собственный темп с темпом оратора, выявлять отличия, ориентиры для самосовершенствования; 6) следить за собственной возможностью варьирования темпа говорения (на АЯ) в зависимости от коммуникативной ситуации и стиля говорения отправителя информации, не допускать значительного отставания от темпа речи оратора, определять недостатки темпа речи, устанавливать пути их устранения.

Литература

1. *Бенедиктов Б. А.* Общие и темпоральные особенности устного перевода и владения языками: Дис. ... д-ра психол. наук. – Л., 1972.
2. *Златоусова Л. В.* Общая и прикладная фонетика: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
3. *Ланидус Б. А.* Обучение второму иностранному языку как специальности. – М., 1980.

Е.К. Целыхова

Особенности отражения языковой картины мира в охотничьем подъязыке

The following article examines the issues of the relationship between the general and the specialized linguistic pictures of the world, as well as some features of specialized sublanguage systems with hunting slang (German) as a phenomenon typical of the majority of human communities at the earliest stages of their development.

Ключевые слова: языковая картина мира, охотничий подъязык, терминосистема.

Немецкий охотничий язык как самостоятельный подъязык в системе общенационального языка обладает целым рядом оригинальных черт, противопоставляющих этот язык прочим подъязыкам и, безусловно, оказывает большое влияние на сознание своего носителя. Но мало кто задумывался о том, как в целом осуществляется процесс встраивания и сосуществования в сознании одного носителя языка общезыковой и специальной картин мира. Какую специфику при этом приобретет само понятие картины мира? Можно ли говорить о том, что специальный подъязык лишь расширяет общую языковую картину мира, частью которой является? Или же он создает некую отдельную своеобразную картину мира, которая в сознании своего носителя вступает во взаимодействие с общезыковой картиной мира? Как осуществляется это взаимодействие? Каковы законы существования такой «малой» картины мира?

Вопрос отражения языковой картины мира в различных специализированных подъязыках (за исключением языка науки) в сфере современной лингвистики разработан мало, поскольку чаще всего основное внимание исследователей привлекает рассмотрение целостных национальных картин мира, либо их отдельных концептуальных составляющих (зачастую в контексте межкультурного сопоставления), поэтому число теоретических работ по рассматриваемой теме крайне ограничено. Определенный интерес представляет работа В.Г. Мансуровой, посвященная журналистской картине мира [7], статья Т.М. Девятовой и П.Д. Морозюк, посвященная химическому подъязыку [4], а также работа Е.С. Максименко «Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем», в которой рассматривается проблема национально-культурной специфики слова и термина в языкознании, национально-культурной специфики одной отдельно взятой терминологии (юридической) и особенностей ее семантики [6].

Однако ни в одной из названных работ авторы непосредственно не обращаются к проблеме взаимоотношения языковой картины мира и специальных подъязыков. Невыясненным остается также заданный нами выше вопрос: идет ли речь о некой специальной картине мира или лишь о расширяющем сегменте общеязыковой картины мира?

При рассмотрении данного вопроса мы предлагаем оттолкнуться от той точки зрения, что специальные подъязыки отражают именно специальные сегменты общеязыковой картины мира. Различия такой специальной языковой картины мира и общеязыковой картины мира коренятся уже в дифференциации корневых понятий «общая» картина мира и «частная» картина мира. Общая картина мира представляется как некий целостный, глобальный образ мира, тогда как частная картина мира «более конкретна и аккумулирует соотносимые с реальностью образы и объекты». Это скорее особый «тип социального знания о мире» или особый тип «социокультурной реальности» [8: с. 56, 69].

Важен и следующий факт: для носителей общеязыковой картины мира совершенно необязательным является знание специальной картины мира, тогда как для носителя специальной языковой картины мира знание общеязыковой картины мира — необходимое условие успешной коммуникации на уровне отдельного языкового сообщества. И потому возможно предположить, что, несмотря на большую долю самостоятельности картины мира, отраженной в определенном подъязыке, она не может существовать без общеязыковой картины мира, поскольку осуществляется по ее законам (грамматика, синтаксис и т.д.) на базе специальной лексики.

Однако и лексика специального подъязыка не будет принадлежать исключительно ему: лексические реализации специальной языковой картины мира могут проникать в лексическую систему общенационального языка, и наоборот. При проведенном в рамках диссертационного исследования анализе было установлено, что из всех лексических единиц Большого словаря немецкого языка Duden, имеющих помету «Jägerspr.» лишь чуть более 50% принадлежат исключительно немецкому охотничьему языку. В остальных случаях лексическая единица может также иметь общеязыковое употребление и (или) входить в состав других профессиональных языков. Приведем лишь некоторые примеры таких отношений:

- немецкий охотничий язык и язык лесного хозяйства: *aufholzen* (взлететь, взобраться на утес или дерево — о пернатой дичи и хищниках), (производить лесонасаждение);

- немецкий охотничий язык и язык спортивной гимнастики: *aufschwingen* (опуститься на дерево), (выполнять подъем махом);

- язык футбола и гандбола *aufsetzen* (отрасти — о рогах), (уронить мяч на землю, отскочить от земли — о мяче) и т.д.

Особый интерес представляет также группа слов, имеющих на данный момент общеязыковое употребление, однако пришедших из охотничьего языка. К ним относится, к примеру, выражение (bei jmdm.) *auf den Busch klopfen* (выведывать, допытываться у кого-либо), происхождение которого стано-

виться ясным, если вспомнить, что охотники или посылают собак обыскивать кустарники, или (во время загонной охоты) стремятся выгнать дичь, ударяя по этим кустам или стволам деревьев палкой (правда, сегодня подобный неэстетичный метод заменяется использованием пиротехнических средств). Их число (в рамках названного выше материала исследования) незначительно (6 единиц). Большая часть совершила переход довольно давно, однако сам факт их наличия позволяет судить о длительности процесса обмена лексическими единицами общенационального языка и специального охотничьего языка (несмотря на большую степень закрытости и обособленности последнего, существовавшую ранее).

Эти данные касаются исключительно специальной лексики. А если принять во внимание, что значительная доля коммуникации в процессе охоты осуществляется все-таки с помощью именно общеязыковой лексики, нельзя не признать отсутствие значительной автономности рассматриваемого подъязыка (в отличие, к примеру, от аргю).

Таким образом, говоря о картине мира, отраженной в специальном охотничьем языке, целесообразно принять ее, как и картины мира большинства других подъязыков, за своего рода «расширитель» общеязыковой картины мира, позволяющий его носителю более эффективно осваивать и воспринимать специфическую действительность, с которой он сталкивается.

При раскрытии понятия «языковая картина мира», а особенно при исследовании частных языковых картин мира рано или поздно встает вопрос толкования бинарной оппозиции «языковая картина мира — научная картина мира». Одно из различий научной и языковой картин мира состоит в том, что первая рассматривается как результат деятельности ученых, а вторая — результат деятельности рядовых носителей того или иного языка. Одна «отражает научное сознание, а другая — обыденное» [3]. Таким образом, они существуют параллельно, однако представляют собой «конструкты разных видов сознания на разных исторических этапах, имеющие различные функции» [6: с. 19].

Научная языковая картина мира представляется нам самой крупной из частных языковых картин мира, что обусловлено самим ее определением. Она представляет собой «всю совокупность научных знаний о мире, выработанную всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества» [6: с. 9] и зафиксированную в «терминологиях частных наук, изучающих мир или отдельные его составляющие под разными углами зрения» [6: с. 11].

Исследователями приводится некая совокупность существенных отличительных черт научной картины мира, однако если мы проанализируем их применительно к другому подъязыку (в данном случае немецкому охотничьему), то увидим некоторое число несоответствий.

1. Научная картина мира, вследствие развития науки, непрерывно изменяется. Картина мира охотничьего языка (за исключением сферы оружия и законодательной сферы) фактически не меняется, играя роль своего рода лингвистического музея, хранящего старинные охотничьи традиции.

2. Научная картина мира так же, как и картина мира охотничьего языка «останется «меньше» объективного мира» [6: с. 12].

3. Вследствие единства истинного научного знания для всех языковых сообществ оно независимо от «менталитета, традиций, нравственных приоритетов, национальной культуры в целом» [6: с. 138], тогда как знания, зафиксированные в охотничьем языке, могут иметь ряд общих черт лишь у народов, обитающих в примерно одинаковых климатических зонах (нет сомнений, что охотник Конго и охотник Тироля имеют не только различные объекты охоты, но и различные охотничьи приемы).

4. Несмотря на общее содержание, научная картина мира получает в каждом языке «национальную форму выражения» и лишь «адаптирует универсальное знание к нуждам конкретного языкового сообщества» [6: с. 13], тогда как различия охотничьих языков коренятся именно в отсутствии какого бы то ни было глобального универсального знания.

5. Научная картина мира существует там, где имеется определенная традиция получения и разработки научного знания, в отличие от охотничьей картины мира, которая являлась базовой составляющей на начальном этапе развития любого народа. Так, одно из современных племен Филиппинского архипелага, ведущих наиболее примитивный образ жизни, тасадеи, устраивает примитивную охоту на головастики [2: с. 377–378].

6. «Национально-языковое оформление научной картины мира может быть полным, фрагментарным и может отсутствовать вообще» [6: с. 13], что зависит от двух причин: языка первичного накопления знаний и наличия либо отсутствия собственной научной школы в данной области. Картина мира, зафиксированной в охотничьем языке, также свойственна подобная тенденция (заимствование русским охотничьим языком некоторых понятий в области оружейного дела — трехстволка (Drilling)).

Таким образом, наглядно представлено отличие картины мира, отраженной в языке науки, от картины мира, отраженной в охотничьем языке. Это позволяет говорить о картине мира охотничьего языка как о самостоятельном конструкте, существующем в сознании своих носителей наряду с общеязыковой картиной мира и научной картиной мира (так как ничто не мешает отдельному человеку быть носителем нескольких парадигм в рамках своего национального языка).

При таком подходе для охотничьего языка парадигма «общая языковая картина мира — специальная картина мира — научная картина мира — охотничья картина мира» приобретает следующий вид. Немецкий охотничий язык как один из специальных подязыков отражает одну из специальных картин мира, однако занимает среди них совершенно особое положение. В силу своей специфики она объединяет древнейшую наивную и современную научную картину мира. Особенно хорошо это соответствие прослеживается в лексических подсистемах охотничьего языка, обслуживающих сферу оружия, природоохранной деятельности, и т.д. К примеру, некоторые общеязыковые названия растений и животных: *der Hund* (собака), *der Bär* (медведь), *die Birke* (береза). Такие лексемы не могут быть

названы исключительно охотничьей лексикой, их значение в современном охотничьем подъязыке нельзя недооценивать, поскольку они позволяют четко прослеживать связи охотничьего языка в системе других подъязыков.

Рассматривая совокупности различных терминосистем и специальных подъязыков в целом, можно выявить две основные тенденции: тенденцию универсальности и международной терминосистемы и, в противоположность этому, тенденцию ее национальной специфичности. Преобладание тенденции напрямую зависит от того, какую картину мира (общую или специальную) данная терминосистема отражает в большей степени и какой путь исторического развития она прошла за время своего существования. К примеру, химический подъязык характеризуется большей степенью универсальности вследствие международной многих его терминов [5: с. 54–59], тогда как юридический язык более специфичен в национальном аспекте, вследствие его сильной связи с культурой, в которой он существует, и влияния некоторых экстралингвистических факторов [7: с. 103].

Национально-культурная специфика терминов (даже в генетически близких терминосистемах) проявляется уже на уровне их семантики, а не только на уровне состава и системных отношений [7: с. 101]. В национально-специфичных терминосистемах каждый концепт «отражает национально-культурные особенности, поскольку любой концепт всегда определяет событие и время, живя в определенных культурных контекстах, которые он характеризует» [7: с. 101].

Ярче всего специфика терминосистем проявляется, когда мы сталкиваемся с особыми, этнокультурными семами (маркированными только в одном языке) и являющимися причиной возникновения безэквивалентной лексики.

Таким образом, для рассмотрения вопроса особенностей отражения языковой картина мира в различных специализированных подъязыках необходимо не только четко представлять себе понятия языковой картины мира и специализированных подъязыков, но и специфику взаимоотношений языка и культуры в современном обществе, иметь четкое представление о семантике исследуемого лексического материала, определить экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование терминосистемы.

Частная картина мира, отраженная в специальном подъязыке, характеризуется не только обособленностью внутри общезыковой национальной картины мира. В отношениях с другими национальными картинами мира она может занимать двоякую позицию. Некоторые частные картины мира, обладающие определенной степенью национальной специфичности, могут выявляться в большинстве языковых сообществ, другой тип (более редкий) встречается только в определенных близкородственных культурах. Картина мира специальных охотничьих подъязыков уникальна — в своем сформированном на протяжении тысячелетий национальном варианте она присутствует во всех культурах и потому может служить бесценным материалам для сравнительного изучения национальных картин мира и принципов их формирования.

Литература

1. *Акимущин И. И.* Мир животных: беспозвоночные. Ископаемые животные. – М.: Мысль, 1991.
2. *Даниленко В. П.* Языковая картина мира в гипотезе Сепира–Уорфа // <http://www.islu.irk.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>.
3. *Даниленко В. П.* Языковая картина мира в концепции Л. Вайсгербера // <http://www.islu.irk.ru/danilenko/articles/vaiskart.htm>.
4. *Девятова Т. М., Морозюк П. Д.* Роль и значение химического подъязыка в понимании естественно-научной картины мира // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование / Под ред. Л.И. Гришаева, М.К. Попова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. С. 54–59.
5. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: МАЛП, 1999.
6. *Максименко Е. С.* Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии). – Саратов: Научная книга, 2004.
7. *Мансурова В. Д.* Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности: Дис. ... д-ра философ. наук – Барнаул, 2003.
8. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in 10 Bänden. 3. neu bearb. und erweiterte Auflage. Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

Литвиненко Т.Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 308 с.

Монография Т.Е. Литвиненко «Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста» представляет собой развернутое теоретическое исследование интертекста — категории, не имеющей еще достаточно четкого определения, находящейся в стадии ее постоянной разработки и уточнений. Всем знакомы определения Ю. Кристевой интертекста как мозаики цитаций; включения и трансформации другого текста; двух видов цитирования (референциального и универсалистского). Памятен и Ролан Барт с его утверждением, что вообще «любой текст является интертекстом». У последующих поколений ученых, заинтересовавшихся этим термином, всегда в исследованиях идет речь о двух составляющих интертекста: препозитивном элементе и тексте, понимаемом как вполне конкретно, так и в качестве знаковой тотальности: мир — это текст, текст — это мир. Природный универсум подвергнут процедуре семиотизации, а текст концептуализируется как пространство, в котором окружающий человека мир получает свое опосредованное знаковое отражение. Часто текст представляет собой как бы фрагмент картины мира его создателя, т.е. общей совокупности знаний адресанта о действительности.

Не случайно поэтому, учитывая «немеренность теоретического замаха» современных филологов, желающих накинуть «сетку» на весь мир, мы видим в данном труде обращение к тем латиноамериканским авторам, которые также позволили себе обобщения грандиозных масштабов, — Х.Л. Борхесу и Х. Кортасару. Оба они в когорте прочих писателей Латинской Америки занимают место наиболее интеллектуальных. Тем интереснее было использовать их произведения для выяснения поверяемой текстом терминологии. Имея свои собственные многочисленные литературные достоинства и снискавшие любовь читателей многих стран мира, Борхес и Кортасар с другими авторами-соплеменниками имеют то общее свойство, что ведут свое творческое происхождение от смешения различных этнических элементов и одномоментного, очень быстрого освоения европейской культуры, точнее было бы сказать — цивилизации. Влияние латиноамериканской культуры на современный постмодернизм специально не позиционируется, но оно, конечно, весьма существенно.

Т.Е. Литвиненко приводит одну из самых знаменитых цитат из рассказа Х.Л. Борхеса «La biblioneca de Babel», в которой Вселенная напрямую отождествляется с библиотекой. В соответствии со строгой логикой космографии библиотека описывается как единственный наличный мир, имеющий онтологические параметры и историю. В филологическом тексте мы можем говорить о метафоре или метаметафоре, но читателю идея *мира как текста* проясняет научное как мифологическое и явственно зримое. То же самое можно сказать и про другую популярную книгу — «Игру в классики» Х. Кортасара, где небо иногда лишь «клетка на асфальте». Иными словами автор монографии обращается к книгам как артефактам, как к вербальным текстам, унифицирующим и оптимизирующим глобальный процесс познания.

Теория текста — филологическая дисциплина, возникшая во второй половине XX века на пересечении многих наук: лингвистики текста, текстологии, психолингвистики, теории перевода, социолингвистики, поэтики, риторики — и обладающая, несмотря на множество междисциплинарных пересечений, собственным статусом.

В начале своего труда Т.Е. Литвиненко пытается определить текст как категорию и прибегает к разнообразным его определениям и к нему подходам, прозвучавшим в работах множества русских и зарубежных исследователей. Для нее, как и для многих лингвистов, важно мнение Е.С. Кубряковой, определяющей вербальный текст как единую систему множества текстов с разными наборами признаков. Прислушивается она и к мнению И.Р. Гальперина, для которого идеальный тип текста такой, в котором фокусируются наиболее типические черты этого построения (соответствие содержания текста его названию, заголовку). Нельзя пройти мимо определения, данного тексту Р. Де Бограндом и В. Дресслером, — «коммуникативное событие», а таким может быть и ритуал, и танец, и архитектурный ансамбль, и музыкальное произведение. Эти два автора считают, что текст не может состояться, если отсутствует один из следующих семи признаков: когезия, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность. Конечно, Т.Е. Литвиненко учитывается и определение текста как «осмысленной последовательности знаков, обладающей свойствами связности и цельности», прозвучавшее в «Кратком лингвистическом словаре». Почти что в таком выражении его повторяют Ю.А. Сорокин и Т.Н. Николаева.

Но существуют и иные подходы к тексту, например, подход Л.Н. Мурзина, разделяющий тексты по степени допустимой интерпретируемости. Этот ученый составил свою шкалу для определения текста — «многозначность / однозначность». Однако тексты, будучи единицами общего класса употребления языка, могут быть представлены с выделением ядра и периферии, считает А.И. Горшков в книге «Русская стилистика», 2001. Он также выделяет семь следующих признаков текста: выраженность, или фиксированность, в языковых знаках; упорядоченность, или структурность; содержательность, или информативность; соотносительность с одним из речевых жанров; отграниченность от других жанров; отграниченность от других текстов; воспроизводимость.

Н.С. Валгина воспринимает текст как «динамическую единицу высшего порядка, речевое произведение, обладающее свойствами связности и цельности в информационном, структурном и информативном плане».

Каждый текст, полагает В.В. Красных, в сущности, корректирует мир, в ходе его развертывания происходит *актуализация знаний*, чьим источником служат иные тексты.

Частью общей теории текста является теория интертекстуальности, оперирующая многими текстами. К последним относится длительное и стабильное использование большого числа понятий и терминов, некоторые из которых применяются уже более чем двадцать – двадцать пять лет, но также и «-текстов» — новообразований, чье изучение не носит устойчивого характера. Их можно считать показателями процесса терминотворчества. Многие из текстов обладают достаточно четкими определениями или имеют посвященные им работы, другие возникают для одноразового использования. Часть текстов образует микросистемы, например: микротекст – текст – макротекст; субтекст – текст – сверттекст; надтекст – мегатекст – унитекст – перитекст – стереотекст. Все эти понятия имеют один общий компонент «текст» и специальный знак (первая часть слова), нужный для систематизации нового знания о тексте.

Рассуждая о статусе производных единиц с терминологическим элементом «-текст» в современной науке о тексте, можно отметить, что в результате моно- и междисциплинарных исследований возникла группа актуальных для современного научного познания единиц, представленных, например, авантекстом, автотекстом, аллотекстом, антитекстом, архетекстом, прототекстом, пратекстом, сверттекстом, транстекстом, унитекстом, фенотекстом, экзотекстом, супертекстом, эпитекстом и т.п.

Необычная продуктивность познавательной модели с одинаковым финальным терминологическим элементом, их количество, вербальная структура дериватов, отражающая содержание номинируемых понятий, есть результат действия множества факторов и, прежде всего, попытки зафиксировать важные свойства текстов. Все они содержат значительный объяснительный потенциал. Представляя эти модели в отдельных главах параграфа о статусе единиц с терминологическим элементом «текст», Т.Е. Литвиненко, по сути, предлагает некий словарь, в котором каждая «словарная статья» опирается на книги и изыскания многих ученых, как отечественных, так и иностранных. Позволю себе кратко сформулировать ее пространственные рассуждения по поводу все более часто используемых терминов.

Авантекст (Ж. Бельмен-Ноэль, 1999) — дополнение к тексту-результату, своего рода «досье» (рукописи, наброски, варианты, планы, сценарии) или материально выраженный текст замысла будущего текста (Цивьян, 2001; Лукин, 2005).

Фенотекст (Ю. Кристева, 2004) — структурно организованный семиотический продукт с готовым смыслом, коммуникативным заданием, субъектом акта высказывания и адресатом. Переход фенотекста в текст имеет стадию фенотекста, сохраняющую черты порождения: смутное оформление мотива высказывания с помощью собственного синтаксиса и идиолектики.

Онтотекст (Мамардашвили, 1999) — совокупность врожденных идей человека, а именно идеи числа, длительности, пространства, равенства, идеи Я.

Затекст (Баевский, Белянин, 2003; Глухов 2005) — отображаемые фрагменты бытия, становящиеся содержательным наполнением понятия, к ним можно добавить традицию, продуцирующую в тексте наличие устойчивых моделей и стереотипов.

Контекст (Шурыгин, 1998; Тарановский) — конкретизирование семантики специального имени.

Котекст (Эко, Богранд, Кербат-Орекьони) — диалектические отношения в вербальном контексте.

Архетекст — аксиологически выделенные тексты-образцы. Эталонные произведения «Диалоги Платона», «Библия» в христианском дискурсе, «Дон Кихот» Сервантеса. Его аналогом можно считать термин межкультурной коммуникации «прецедентный текст», репрезентант дискурса в другом значении данного термина.

Предтекст (Гадамер, 1999) — толкуемые по спецметодике сны. У Мартемьянова (генеративный подход) — тексты сказки, анекдота, афоризма, стихов, драмы.

Подтекст (Долинин, 1985). Получатель-интерпретатор, способный приписывать тексту подтекст на основе имеющегося у него тезауруса. (Тарановский, 2000).

Микротекст и Макротекст: Н.В. Данилевская в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» (2003) обозначает текстоцентрическую и культурцентрическую позицию или подход к ним.

Субтекст — с позиций архитектоники текстовых включений *текст в тексте* (Баженова, 2001): научный текст как система субтекстов, один из аспектов эписемической ситуации, имеющей свой денотат.

Сверхтекст (Купина, 1994) — совокупность высказываний, текстов, ограниченных темпорально и локально. Они объединены содержательно и ситуативно и характеризуются цельной модальной установкой, достаточно определенными позициями адресата и адресанта с особыми критериями нормального / аномального: возвания, лозунги, листовки, агитационно-предвыборные материалы. Они могут быть тематически завершены, как романы Агаты Кристи, как просто лозунги (например, лозунги, призывающие объединиться против военных действий), но они также могут быть и открыты, как реклама мобильных телефонов, как народные (или авторские) считалки, как анекдоты.

Мегатекст (М. Эпштейн, 2004 «Онтологические прогулки; Проективный словарь философии» — электронный ресурс, а также Тарасевич, Хузангай, Вишницкая) — совокупность текстов, которые воспринимаются или исследуются как единое дискурсивное целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами» (см. также «Сверхтекст»): мегатекст немецкого романтизма; мегатекст китайской пейзажной лирики; мегатекст западноевропейского символизма, мегатекст лишнего человека в русской литературе и т.п.

Надтекст (М. Эпштейн) — все тексты, включающие отдельные строки одного произведения, например: «Я помню чудное мгновенье» («в глуши, во мраке заточенья»; «и жизнь, и слезы, и любовь»).

Интертекст (Степанов, 2001) — то, что может быть прочитано в прямом смысле слова; среда бытования культурных концептов в словесной форме; цельность, реализуемая на микроуровне.

Выделенные мною из контекста книги Т.Е. Литвиненко отдельные определения «текстов» могут дать представление о том, что и как ищет исследователь, через какие этапы она проходит, над чем позволяет нам задуматься, прежде чем снова обратиться к казалось бы уже знакомому интертексту. В конце концов, она обращается к *цитате и цитированию*:

«Речь идет о цитате? — спросил я его. — Разумеется, ничего больше не остается, кроме цитат. Язык — это система цитат» (Х.Л. Борхес. «Утопия усталого человека»).

Рассматривая интертекст как цитирование, Т.Е. Литвиненко определяет его как «объективацию в новом тексте любых элементов уже существующего текста». Прагматика цитаты учитывает ряд необходимых факторов, среди которых особо выделяются роли отправителя и получателя сообщения. Подразделения цитат также можно выстроить по ранжиру, и этим занимается множество ученых. Отдельные единицы интертекста могут реализовываться в тексте как полиреферентные цитаты, восходящие сразу к нескольким претекстам. Латиноамериканский художественный текст — мультиреферентный интертекст, интегрирующий прецедентные смыслы. Вследствие этого он может быть рассмотрен как часть того общего, что роднит их с миром латиноамериканского текста.

Монография Т.Е. Литвиненко отличается большой насыщенностью, различными поворотами мысли, высокой концентрацией разнообразных определений, из которых не всегда следуют внятные выводы. Мозаика суждений десятков авторов не складывается в систему, а мелькает, как в калейдоскопе. Однако интертекстуальность и ее виды на примере латиноамериканского романа освещены автором на широком теоретическом фоне с многочисленными разноязычными вкраплениями, и нельзя не согласиться с пестротой художественных текстов множества литераторов, определенной как раз их интертекстуальной «лоскутностью».

О.В. Тимашева

Третьи чтения памяти Ольги Николаевны Селиверстовой

17 октября 2008 г. в Московском городском педагогическом университете прошли ставшие традиционными «Третьи чтения памяти Ольги Николаевны Селиверстовой», организованные Институтом языкознания РАН совместно с Институтом иностранных языков МГПУ. (Первые чтения состоялись в МГПУ — Институте языкознания РАН в 2003 г., вторые — в 2005 г.)

В чтениях приняли участие более 40 лингвистов, среди которых ведущие ученые России, представлявшие институты РАН (Институт языкознания, Институт славяноведения, Институт русского языка им. В.В. Виноградова), а также молодые ученые из университетов Москвы, Уфы, Иркутска, Усолья-Сибирского (РГГУ, МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЛУ, МПГУ, МГПУ, БашГУ, ИГЛУ).

Программа «Чтений» включала два пленарных заседания (12 докладов), на которых выступили известные ученые-лингвисты, и пять секционных (29 докладов).

Тематика докладов первого пленарного заседания (6 докладов) отражала различные области лингвистических исследований. Так, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН Т.М. Николаева (Институт славяноведения РАН) анализировала широкий лингвистический контекст деятельности О.Н. Селиверстовой. В докладе доктора филологических наук, профессора Е.В. Рахилиной (ИНИОН) были рассмотрены особенности семантики предложной модели «*проблема с*» и установлена ее корреляция с соответствующей английской структурой. Директор Института лингвистики РГГУ доктор филологических наук, профессор М.А. Кронгауз проанализировал семантические и стилистические особенности единиц вторичной номинации, построенных на языковой игре. Директор Института языкознания РАН В.А. Виноградов, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, представил результаты исследования сущности грамматических категорий глагола в одном из африканских языков, семантика которых детерминирована в значительной степени характеристикой по признаку определенности / неопределенности. В докладе доктора филологических наук, профессора Д.Б. Никуличевой (Институт языкознания РАН) были представлены принципы коммуникативных стратегий речепроизводства полиглотов.

Второе пленарное заседание включало шесть докладов, первый из которых — доктора филологических наук, профессора Е.М. Чекалиной (МГУ им. М.В. Ломоносова) выявил зависимость видовой характеристики русского глагола (в переводе со скандинавских языков) от интерпретации в скандинавских языках события как объективного или субъективного. Доктор филологических наук, профессор Т.Д. Шабанова (БГПИ) остановилась на возможностях интерпретации глагольной семантики через грамматику конструкций, показав, каким образом уточняется содержание семантических ролей с тем, чтобы их описательная сила соответствовала задачам семантического описания. Доктор филологических наук, профессор А.П. Василевич (Институт языкознания РАН) предложил анализ процесса формирования существующего цветового решения национального флага в связи с культурно-обусловленным восприятием цвета в русской языковой картине мира.

Анализ тенденций развития отечественной психолингвистики был представлен в докладе доктора филологических наук, профессора А.Г. Сониной (Академия ФСБ), где были выделены ключевые направления и сложившиеся приоритеты психолингвистических исследований. Комплексный анализ процесса английского нормообразования в связи со сменой культурно-исторической парадигмы (XVII–XX вв.) был предложен кандидатом филологических наук, доцентом Н.Н. Германовой (МГЛУ). В своем докладе доктор филологических наук, профессор Т.Н. Маляр (МГЛУ) рассмотрела особенности представления действия в английском и русском языках.

В рамках пяти секций были рассмотрены проблемы сравнительно-исторического анализа языковых систем (секция 1); проблемы семантики в когнитивной перспективе (секция 2); когнитивное обоснование языковых процессов и речевой деятельности (секция 3); языковая картина мира: культурно-обусловленное и универсальное (секция 4); принципы описания коммуникативных стратегий (секция 5).

Участники «Третьих чтений памяти О.Н. Селиверстовой» подчеркнули необходимость дальнейшего творческого развития идей О.Н. Селиверстовой, значимость которых не до конца оценена и которые нуждаются в дальнейшей разработке. Отмечалось также, что сложившаяся традиция проведения «Чтений памяти Ольги Николаевны Селиверстовой» должна поддерживаться и творчески развиваться.

О.А. Сулейманова

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
2009, № 1 (3)**

Алпатов Владислав Викторович — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам.

Богатырева Марина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и профессиональных иностранных языков Высшей школы менеджмента (ВШМ), руководитель Лингвистического центра ВШМ Академии труда и социальных отношений.

Богданов Антон Валерьевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии филологического факультета МГПУ.

Донец Павел Николаевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии и перевода Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Епифанцева Наталия Глебовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

Жилинская Людмила Александровна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ, ассистент кафедры германской филологии филологического факультета МГПУ.

Кириченко Александр Семёнович — кандидат филологических наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ МГПУ.

Корзун Оксана Олеговна — старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам.

Морженкова Наталия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

Мошняга Елена Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Российской международной академии туризма (РМАТ).

Огуречникова Наталия Львовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой германской филологии филологического факультета МГПУ, профессор этой же кафедры.

Петрова Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

Радченко Олег Анатольевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ, директор ИИЯ МГПУ, проректор МГПУ.

Рахманкулова Изюм-Эрик Салиховна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

Собянина Валентина Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

Стрижак Ульяна Петровна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой японского языка ИИЯ МГПУ.

Сулейманова Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ МГПУ.

Тимашева Оксана Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романской филологии ИИЯ МГПУ.

Фурманова София Львовна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ.

Целыхова Елизавета Константиновна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИИЯ МГПУ, ассистент кафедры германской филологии филологического факультета МГПУ.

Языкова Наталия Витальевна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики обучения иностранным языкам.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 1 (3), 2009

Главный редактор:

доктор филологических наук, профессор,
директор Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ,
проректор ГОУ ВПО МГПУ *О.А. Радченко*

Составитель:

доктор филологических наук, профессор, зам. директора
по науке и международной деятельности Института
иностраных языков ГОУ ВПО МГПУ *Л.Г. Викулова*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:

М.В. Чудова

Компьютерная верстка, макет:

О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 31.03.2009 г. Формат 70×108 1/16.

Бумага офсетная.

Объем: 8 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.